

К84.09(=4у8)

X-98

К-712.08

Педер Лузангай

ИЗБРАННОЕ

Национальная библиотека ЧР

к-071268

К84.05(=4) (1957)
ХАВ

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

избранное

Перевод
с чувашского

М. М. М. М.
15/III 1959 г.

Государственное Издательство

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

1 9 5 8

84(2)Вс.Чув. 6-51-52.44.3
к.84.09(=Чув)6-5

Оформление художника
И. ХМЕЛЕВСКОЙ

Проверено 7 СЕН 2017

K-72268

Национальная библиотека
Чувашской Республики

Я живу в России

Я ЖИВУ В РОССИИ

С винтовкой русской боевой
Я был в краях чужих, далеких.
И днем и ночью — в час любой —
Я чувствовал свой долг высокий.
Чем дальше от родных полей,
Тем с большей повторял я силой,
Как голос совести моей,
Как песню: я живу в России!

Чужую пыль на сапогах
Трава росистая отерла.
Над победителем врага
Родное небо распростерлось.
Чувашский ласковый язык,
Сказанья наши золотые,
Народной мудрости родник —
Все это сберегла Россия!

Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,
И волосы мои — не лен,
И сердцем я чуваш и речью.

Но я солдатом русским был,
Так звали все меня народы.
Навек я с детства полюбил
Россию — родину свободы!

1952

В Е К

Век, чадивший курным дымоходом,
Отошел, спотыкаясь впотьмах.
Озарились мы новым восходом,
Свет иной загорелся в домах.

Догорела лучина, погасла,
Завалился светец — не сыскать.
И от порчи на щепочке масло
Не сжигает за печкою мать.

Страшен был старый вяз за оврагом:
Говорили, под ним Киремет¹.
А теперь все проходят там шагом,
И никто не бросает монет.

Зори наши ясней и румяней,
На селе даже у пастуха
Вместо бирок — тетрадка в кармане.
И в музей попросилась соха.

¹ Киремет — злой дух в чувашской мифологии.

Скоро в поле большом спозаранок
Гордо кони стальные заржут.
И впервые залечатся раны,
Что натер нашим клячам хомут.

Будет взнуздан и ветер, а воды
По другому руслу потекут.
Человек покорит всю природу,
В мире все переделает труд.

ТАТАРСКИМ ПОЭТАМ

В семь ярусов Сумбекин минарет
Поднялся над Казанкою рекой.
Поэтам Татарстана мой привет!
Мир отчужденья, темный мир — долой!

В преддверье Азии — в родном краю —
Мы часто враждовали в старину.
И не однажды, на беду свою,
Мы волжскую кровавили волну.

Различья рас, наречий, вер, племен
Меж нами вечно разжигали спор.
В чиновничьих бумагах тех времен
Мы только «инородцы, нечисть, сор...»

Им вторил мурз, князей домашних сброд.
Но у народов общая судьба.
Историк вдумчивый не обойдет
Два слова в книге: «рабство» и «борьба»...

В семь ярусов Сумбекин минарет.
Тускнеет полумесяц. Ярче флаг.

Поэтам Татарстана мой привет!
Мой дом — ваш дом, и я у вас кунак.

Не будем ныне тратить сердца жар
На спор о том, кто древний предок наш:
Хозар ли мы потомки, иль булгар, —
В одной семье татарин и чуваш.

Ведь громче всех звучат у нас слова
В любом краю, на языке любом:
Да здравствует Россия и Москва
С родным нам всем недремлющим Кремлем!

1927

ПИСЬМО - ПЕСНЯ

Образ твой я бережно храню,
Мой наставник ласковый и строгий.
Как поется, «моему коню
Не споткнуться бы на полдороге...»

Знаю, знаю: ты затосковал,
Глухо ропщешь на мое молчанье.
Будто впрямь я без вести пропал,
А живу всего-то под Казанью.

Ты — родного края славный гость.
Пусть пока не ярок вид угодий,
Часто, часто тоненькая трость
От стола в поля тебя уводит.

Любишь ты наедине мечтать:
Мудрость зреет тихо, как седины.
Сумерки на Волге — благодать,
Быль и сказка слиты воедино.

Входишь в лес. Не сон ли наяву?
Ни конца дремучему, ни краю.
Не твое ль услышал я «ау!»
И сегодня песней отвечаю?

1927

БАКУ

Сверкай, волна, зажженная созвездьем
Огней на берегу! Сверкай, гори!
То не костры блуждавших в мира бездне
Огнепоклонников. То — фонари.

Я, может быть, в десятый раз приехал
К тебе, растущий на глазах, Баку.
Мне с юных дней ты светлою был вехой.
Как и тогда, огни меня влекут.

Я создан непоседою, и славлю
Задорную, клокочущую жизнь.
Люблю тебя, что стражем здесь поставлен,
Твои дворцы, стремящиеся ввысь.

Как лес бескрайний вышки нефтяные.
Фонтаны дышат силою земли.
Нефть нас ведет к таким богатствам ныне,
Которых и предвидеть не могли.

Дыши, Баку! Добротною ты кровью
Питаешь жизнь воспрянувшей страны,

Что вдохновенно, с жаркою любовью
Явь новую творит. Пути ясны.

Беснуются, грызутся, негодуют
Британский лев и прочее зверье,
Чтоб взять твою свободу молодую
И выкачать богатство все твое.

Но не забыть той казни человеку!
Все помнишь ты, родной Азербайджан...
Я шапку снял: шагает Азизбеков,
Навстречу — Джапаридзе, Шаумян...

**РАЗГОВОР
С ЧИСТИЛЬЩИКОМ САПОГ
МАМЕДОМ АБАСОМ**

Об отчизне поешь ты, Мамед Абас:
«Близок милый Иран,
Недалек Тегеран,
Но собрать бы мне денег хоть скромный запас.
Заработав, вернусь, накормлю сладко вас,
Поседевший отец, мать родимая
И жена молодая, любимая...»

Грустноват твой напев, сын Абаса Мамед!
Голос есть, руки есть, а вот денег и нет.
Коль с умом разобраться, Мамед Абас,—
В одиночку, брат, трудно, есть слово к л а с с.
И пока дело просится в руки само,
Запишись-ка ты лучше в коопремонт.

Познакоимся. Руку твою! Вот моя.
А теперь тебе сердце открою.
Значит, чистильщик ты? Этим занят и я.
Щеткой действуешь ты, я — строкою.

Мастер ты в своем деле, я тоже — в своем.
И работа у нас одного назначенья.
Мы друг друга не сразу, наверно, пойдем.
Расскажу тебе, занят чем я.

Что такое душа? Ну, возьмем, скажем, кожу...
Как нам быть, если грязью она вся покрыта?
Нужны жесткие щетки. Я делаю то же.
Только грязь то другая: от старого быта.

До чего она въедлива, мерзкая грязь!
Ругань, злая корысть, двоедушие, ложь...
Почему надо жить, с этой грязью мирясь?!
В чистом мире нам с нею уже невтерпех.

И к одним с гневным словом своим я иду,
А иным слово доброе тянет сказать.
В нашей жизни душа быть должна на виду.
Пусть никто друг от друга не прячет глаза.

Щетки, вакуу, бархотку пускаешь ты в ход —
И становится зеркалом пыльная кожа.
Я же действую словом, и слово проймет
Душу ту, что на грязную кожу похожа.

Сам ты знаешь: твой труд неоконченным будет,
Если блеск не играет. Бархотка нужна!
Бархат — рифма; стихи отпускаю я к людям,
Если каждая строчка крепка и звучна.

Рифмы нет в словаре, хоть ищи целый век.
Ту, что сон отравляет, но счастья нужнее.
Залегала б она в глуби гор или рек, —
Сколько скал я взорвал бы, чтоб встретиться с нею!

Но не в недрах она: средь живого потока,
В море слов, что волнуется перед тобой,
Жемчуг рифмы ты ищешь, ныряя глубоко,
Ударяясь о камни подчас головой.

Неземных напряжений, сомнений полны
Эти поиски, жемчуга-рифмы ловец!
И краснеют глаза от соленой волны.
То бишь — лампы настольной измучась вконец.

Но ведь рифма — не все. пусть она хороша,—
И другие слова тоже надо найти,
Чтобы в песне был смысл, чтоб горела душа,
Чтобы с песнею легче шагалось в пути.

Вся земля — с островами ее и морями —
К чутким струнам души не однажды взывала:
И вот мне бы вместить ее в мыслях, как в раме,
С нас, ты думаешь, спросится мало?

Нет, Мамед! Как исписанный этот листок,
Шар земной мне увидеть со всех бы сторон.
Кто-то золото прячет себе в кошелек,
А другой умирает, трудом изнурен.

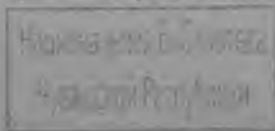
Почему ты порою поешь так печально,
У другого от денег раздут чемодан?
Скажешь, тайна тут есть? Нет, Мамед,

тут не тайна,—

Это — старая язва, обман, чистоган.

Человек — лишь товар в этих жадных руках.
Это знаешь ты сам, коль сбежал из Ирана.
Здесь тебя не преследует голод и страх,
И живешь и поешь невозбранно.

К-78268

Словом, друг, мы в начале большого пути,
По которому долго еще нам идти.

Еще много такого творится вокруг,
Что позорит и совесть и честь человека.
Так не будем жалеть мы натруженных рук!
Мы — работники нового века.

Капитал — не твердыня земли, не кумир,
Он — короста веков на душе и на коже.
С головы и до пят поскребем старый мир, —
В работе друг другу поможем!

Да, мир тысячи лет эту тяжесть несет.
Мы с тобою, Абас, виноваты ли в этом?
Так давай же поможем снять пагубный гнет
Жесткой щеткой твоей
и строкою поэта.

1930. Тбилиси

САРФИРОШ

В Индии разгорается восстание крестьян. Арестованные повстанцы на вопрос, как их зовут, отвечают: с а р ф и р о ш, что значит «отдающий голову».

Из газет.

Есть слова: «санкюлот», «карбонарий» —
Революции нашей сродни.
«Большевик» — значит больше таких. «Пролетарий» —
Всем понятно. Но в жизни они не одни.
Гул борьбы в рамки признанных слов не вожмешь.
Здравствуй, слово мятежное «сарфирош»!
Сарфирош — отдающий голову. Кто
Свою голову зря вам отдаст? Ни за что!
Может, фокус пскажет индус?
Нет, друзья, голова — не арбуз.
Не до фокусов тут, если валятся с плеч
Непокорные головы бедных крестьян.
Лучше в битве за дело народное лечь,
Чем терпеть феодалов и англичан,
Что зубами вцепились в Индию.
Нет, не зря он так рано заиндевел —
Чернокудрый крестьянский висок!
Путь борьбы и тяжел и высок.

Сколько их в казематах гниет,
Их, кто жизнь отдает за народ!
Сарфирошами тюрьмы Кашмира полны.
Где твой голос, Тагор, честь и совесть страны?
Сарфироши! Привет вам и наши сердца!
Будьте стойкими до конца!
Взгляд на север, друзья! Есть там город Москва.
Сарфирош, дорога нам твоя голова!

1931

СБРОШЕННОЕ ПОКРЫВАЛО

Как все, на земле рождена,
Лежит она в люльке. Ей зябко
«Смотрите, чиста и нежна»,—
Любуется девочкой бабка.

«Дожить бы, отдать под венец»,—
Хлопочет над ней повитуха.
«Девчонка,— вздыхает отец.—
Обуза...»— и кашляет глухо.

В пеленках она, как в плену,—
Начало невзгод и мученья.
Ей сразу же ставят в вину
И резвость, и плач, и рожденье.

Растет она, тянется вверх,
Смекает кой-что постепенно;
Купается в Волге, и смех
Звенит над волной белопенной.

Таскает песок в подоле,
Играет с девочками в прятки;

С мальчишками вместе в селе
Игру затевает в лошадки.

И выросла, как повелось,
Красивою стала и видной.
И мать наказала ей: «Брось
Водиться с мальчишками. Стыдно!»

«Стыд? Стыдно?.. А что это — стыд?»
«Стыд — это... — смущается мама. —
Ты дома сиди», — говорит
И губы сжимает упрямо.

«Брат в школу пошел, ну а я?
Я тоже бы села за книжку...» —
«Для девочки школа — семья.
Качай-ка меньшого братишку...»

«Тебе не в солдаты идти.
Знать бабам по-русски не надо.
Поди-ка кудель попряди», —
Бросает отец ей с досадой.

Девчонка прядет на семью.
Стирает и смотрит усадьбу;
Потом надевает тухью¹,
Хоть бабку зовите на свадьбу.

Мать учит: «Ты будешь беречь
Супруга, а явится пьяным —
Будь ласковой и не перечь,
Ударит — накройся сурбаном...»²

¹ Тухья — шлемообразный девичий головной убор.

² Сурбан — головной убор замужней женщины в виде выпитого полотенца.

«Бог женщины — сковорода», —
Муштрует невестку свекруха.
И быстро проходят года,
И ты уже тоже старуха.

Считал это ж и з н ь ю народ
И верил в любую примету!
Но славный семнадцатый год
Разрушил бесправья оплот,
И вышла Чувашия к свету.

Сегодня восьмое число,
Март... Праздник сестер и любимых.
Легко на душе и тепло.
Весна на просторах родимых.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Ленинградские белые ночи тихи.
Ленинградские дни голубые шумны.
Я хожу вдоль Невы, и, раздумья полны,
В мое сердце бесшумно стучатся стихи.
Оживают картины родной старины.

Для Руси здесь из душных боярских палат
Царь-работник в Европу окно прорубал;
Вместе с русским умельцем здесь камень тесал
Мой народ подневольный два века назад,
И названия улиц о том говорят.

Мне навстречу, в рубцах затянувшихся ран, —
Мой далекий земляк, безымянный лашман;¹
Он в дырявых лаптях, от усталости пьян,
Желтым блеском мозолей своих осиян,
И слышна его речь сквозь лохматый туман:

«Над болотною топью, над ржавой водой
Мы подняли на спинах своих этот град.

¹ Л а ш м а н — государственный крестьянин, заготавливающий корабельный лес.

Как валун под фундамент здесь брошен наш брат.
Медный всадник тут вздыблен над нашей бедой,
И названия улиц о том говорят.

Мы сердцами гатили дремучую топь,
Наши кости, как сваи, вбивали в нее.
И терялось на Балтике наше житье,
Как свинцовая, в воду упавшая, дробь, —
Кто разыщет в пучине глубокой ее?

А к дворцам, а к мостам, что построили мы,
Не пускал и на выстрел оставшихся нас
Царской пушки пустой ненавидящий глаз, —
Возвращались мы в тьму, как и вышли из тьмы,
И вельмож бы не тронул правдивый рассказ.

Только крепость с тюрьмой да угрюмый подвал
Лили слезы над нашею черной судьбой.
В затхлых камерах люди с крылатой душой
Гнили заживо, — царь их на смерть обрекал.
Только правнуки жизнью зажили иной!

Человек новых дней, новых лет и веков!
Ты не нес на спине крест тяжелых времен.
Взгляд счастливый твой в светлую даль устремлен.
Не забудь день вчерашний со звоном оков,
Помни, Завтра твое прояснит тебе он».

Не понять: то ли село, то ль снова взошло
Солнце, дым и туман отогнавшее прочь...
Мне печали о прошлом здесь не превозмочь,
Но баюкает сердце тепло и светло
Ленинградская тихая белая ночь.

Я иду вдоль Невы, вдоль дворцов и мостов,
Внук и правнук людей, что под камнем лежат,
Чьи нетленные жизни на шпильях горят.
Помню прадедов, дедов своих и отцов,
И названия улиц о том говорят!

1940

МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ

1

Заветный есть для чуваша
На Украине уголок.
Давно к нему рвалась душа,
Но путь был труден и далек...

Вонзились в небо тополя.
Могила скромная в саду.
Уходит враг, топча поля.
Я с ротой вслед за ним иду.

В короткий передышки миг
Я посетил безлюдный сад
И к насыпи простой преник,
Где спит мой вдохновенный брат.

Родимый! С волжских берегов,
От светлой родины, в борьбе
Услышавшей твой ясный зов,
Передаю поклон тебе.

Прости: не смог у очага
Тебя я медом помянуть.
На запад, в сторону врага,
Три выстрела — и снова в путь...

Священна Украина-мать:
Грудь Сеспелю дала она.
Пока земля не спасена,
Мой меч не будет ножен знаты!

2

Звезды — крупные, мелкие — мирно сверкают
В ясном небе всю ночь напролет.
Вдруг огонь метеора, зенит рассекая,
Освещает на миг небосвод
И теряется в бездне пространства над нами.
Звезды так же горят, но их свет
Нам уж кажется тусклым: мы видели пламя!
Вот таким был наш Сеспель, поэт.

В шторм, когда, горячась, скакуном белогривым
Набегает волна на волну,
Смелый лодочник дерзко в порыве счастливом
Правит в море, доверясь челну.
А прибой все ревет, берега сотрясая:
«Много было безумцев таких!»
Но гребец правит прямо, весла не бросая.
Так в борьбе Сеспель пестовал стих.

Пролетает орел над крутыми хребтами,
С вышины озираясь кругом.
То туман перед ним, то он спорит с ветрами,
Пробиваясь вперед напролом.

Пусть метель, буря, ночь, ледяной горный воздух —
Все равно: он с пути не свернет!
Не от взмахов ли крыльев зажглись эти звезды?
Вот таков мысли Сеспеля взлет.

Сердце Данко в груди у поэта пылало:
Слову, что спасено от оков,
Верой страстной то сердце расцвет предвещало
В равноправной семье языков.
Сеспель с нами! Сгоревший во имя свободы,
Он шагает в строю наших лет.
Он — увидевший радугу братства народов,
Коммунизма воспевший рассвет.

1943—1951

Ж Е Н Щ И Н Е

В бою, в походе, на привале,
У партизанского костра —
Всегда тебя мы вспоминали,
Подруга, мать, жена, сестра!

И если в роте иль отряде
Была одна — ее очам,
Ее волос волнистой пряди
Слагали песни по ночам.

И если приходили письма —
Солдат был к канонаде глух:
С какой тоской читали их мы
И перечитывали вслух!

Слова сердечные, простые,
Любя, волнуясь и скорбя,
Нам говорили о России,
А в ней мы видели тебя.

Тебя, жена, сестра, подруга,
Тебя, тоскующая маты!

И заклинали мы друг друга,
Идя на смерть, не умирать.

И вот мы снова рядом в жизни.
Где край такой, мне назови?
Звенеть весне, цвести стчизне
В труде, и в мире, и в любви.

1945

* * *

Звезды падают беззвучно,
Посмотри и помолчи.
Нет: «Моя звезда на небе!»
Слышу часто я в ночи.

Возглас радостный, знакомый
С детства сердце мне бсдрит.
Кто, когда воскликнул первым,
Что звезда его горит?

Одинокий путник в поле
Или раненый солдат
В светлый жребий свой поверил,
Наблюдая звездопад?

Был ли то старик почтенный,
Молодица ль то была, —
Все равно: душа поэта
Этот возглас родила.

Знать, большой любовью к жизни
И горячею мечтой

Билось сердце человека
Под высокою звездой.

Что бы в мире ни случилось,
Но в такой народ всегда
До конца я буду верить:
Пусть горит его звезда!

1945—1950

РАКОВИНА

(Из «Латвийских стихов»)

Раковину звонкую, витую
Друг мне подарил на берегу.
Море вспоминая зачастую,
Я подарок друга берегу.

Если вдруг по морю затоскую
Здесь, в родной чувашской стороне,
Раковину я возьму морскую,
И оно приблизится ко мне.

Прижимая раковину к уху,
Слышу нарастающий прибой.
Пенные валы рокочат глухо,
Закипая в бездне голубой.

Слышу я шипенье пены зыбкой,
Вольной чайки приглушенный крик.
Голос друга и его улыбка
Оживают в памяти на миг.

Может быть, и он в часы досуга
Раковину звонкую берет,

Ропот моря, дальний голос друга
Пожелав услышать в свой черед.

Раковину к уху он приложит
И, ловя мой отдаленный зов,
Чутким сердцем ощутит, быть может,
Трепет недописанных стихов.

1947

ПОЛЬ РОБСОН

Вечером включил я репродуктор,
И ко мне донесся, точно стон,
Голос из страны, где было утро,
Но чернее полночи — закон.

И прорвалась вдруг тоска по краю —
Милому и близкому навек:
«Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...»

Эту песню все поем мы гордо.
Знаю: так же вольно зазвонят
Песни негритянского народа,
Мой далекий чернокожий брат!

1948

У МАВЗОЛЕЯ

В сердцах навеки сохранятся
В простой и строгой красоте
У всех людей, народов, наций
Пять букв на траурной плите.

И как призыв и вдохновенье
Для всех пяти частей земли,
Пять букв слилися в слово Л е н и н,
С которым в Завтра мы вошли.

Оно дало бойцам бесстрашье,
Вело под красною звездой,
С ним побеждала правда наша,
Наш мир рождался молодой.

И несся громкий клич свободы
От башен древнего Кремля:
«Вставайте на борьбу, народы!
Вставай на подвиги, земля!»

...Знакомое родное имя
Ты издали еще прочел,
И молча, следом за другими,
В раздумье в Мавзолей вошел.

И кажется тебе: как будто,
Великий не закончив путь,
Не навсегда, а на минуту
Прилег Учитель отдохнуть.

1949

З Д Р А В С Т В У Й , С О Л Н Ц Е !

Мелькают звездочки снежинок,
Садятся тихо на стекло.
Но вот, как мотыльков с былинок,
Их дальше ветром понесло.

В извечный путь свой вышло солнце
Опять за тучей снеговой.
Не вспыхнул на моем оконце
Веселый отблеск заревой.

А стаи бабочек докучных
Всё кружатся, в глазах рябя..
Не скрою, солнышко, мне скучно,
Когда так долго нет тебя!

Пора тебе явиться к нам бы,
А ты так скупой даришь свет.
Войди! Чистосердечным ямбом
Тебя приветствует поэт.

1948

БАКЕН

М. Я. Сироткину

Когда плывешь по Волге в час ночной,
Скрывается и вспыхивает снова
На черной глади зеркала речного
Неяркий свет. Он словно глаз живой.

Над Волгой тьма сгущается сурово,
Но, сумрачной колеблемый волной,
Не меркнет огонек над быстринной,
Во мраке ободряя рулевого.

Не каждому дано быть маяком,
Несущим в море свет свой благородный.
Желал бы я хоть малым огоньком
Светить над нашей ширью полноводной.
Как друг, он рулевому говорит:
— Горю, не гасну. Путь вперед открыт!

1949

Г Л А З В О Л Г И

Стоят леса в серебряном уборе,
И толщиной в аршин зеленый лед
Уже сковал течение волжских вод.
Хоть яростна зима в своем напоре,
Но полынья на ледяном просторе
Кругла, светла всю зиму напролет.
Она стихию победила в споре.
«Глаз Волги» — так прозвал ее народ.

Неистовствует стужа, иней блещет,
Но, льдом не покрываясь, полынья
Все медленно колышется и плещет...

Проходят годы, но желал бы я,
Чтоб, не одевшись льдом ни на мгновенье,
Всю жизнь плескалось в сердце вдохновенье.

1949

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Московский август... После съезда
Большой писательский банкет.
Там за столом — по праву — место
Нашел и я, чуваш-поэт.

Сейчас с закрытыми глазами
Я вижу это торжество;
Родного Горького меж нами,
Улыбку добрую его.

Он оглядел весь зал Колонный
И пригласил нас всех за стол.
Стучало сердце учащенно,
Когда к нему я подошел.

В короткий миг рукопожатья
Хотелось многое сказать,
Но лишь себя успел назвать я
Да свой родной народ назвать.

Ему я передал горячий
От всей Чувашии привет

И оробел, как школьник младший,
«Спасибо» услышав в ответ.

Заметил взгляд его сердечный,
Морщины умные у глаз.
Себя неловким бесконечно,
Наивным чувствовал в тот раз.

Но в этом взгляде — не забуду —
Завет я прочитал: «Учись —
И одолеешь все!» Как будто
Мне дали крылья на всю жизнь...

Порой средь волгарей исконных
Людей встречать случалось мне,
Что тяжесть весом в четверть тонны
Нести способны на спине.

Иметь витые надо жилы,
И волю в бурях закалить,
И верить в собственные силы,
Чтоб груз тот на спину взвалить.

Знать, никакая непогода
В пути такому не страшна!
Выносливость борца народа
Мне в волжском грузчике видна.

Напомнил грузчика такого
Тогда плечистый Горький. Он
Был горем люда трудового
В России старой нагружен.

Все угнетавшее от века
Он вынес, величав и прост,

И труженика человека
Смог показать нам в полный рост.

Не перестану вспоминать я
Его живым и полным сил.
Тепло его рукопожатья
Я до сих пор не позабыл!

1951

РОДНОЙ ЯЗЫК

В век радио и атомных открытий
Хотел бы я дожить до дней, когда
И языков связующие нити
Сплотят в одну семью людей труда.

Хотел бы я, чтоб речи доходили
Мыслителей, поэтов и вождей
В их первозданной красоте и силе,
Как свет лучей, шум ветра и дождей.

А что меня с землей, с травой зеленой,
С высоким небом, с клетотом орла
Знакомило, баюкая с пеленок? —
Родная речь наставницей была.

Всегда, везде — в кругу привычном дома
Иль далеко от наших рубежей —
Я благодарен языку родному:
Он мне открыл мир мыслей и вещей.

1951

МЕЖ ВЕЛИКИХ МОРЕЙ

Меж великих морей
Распростерлась держава —
Гордость мирных людей,
Их опора и слава.

Зорко глядя вперед,
Побеждая и строя,
Наш советский народ
Стал народом героев.

Защищен мирный труд
На земле и на море.
До зари не сомкнут
Глаз матросы в дозоре.

Чтит советский моряк
Тех, кто выполнил долг свой,
Кто в суровых боях
Не ронял чести флотской.

В каждом нашем порту
Всем матросам известны —

Ленинград. Порт-Артур,
Севастополь, Одесса...

Море синее в штиль,
Словно ворот матроски.
Грудью флот защитил
Труд народа геройский.

На земле, на воде
И на небе — по праву
Заслужили везде
Мы великую славу.

Планов шире, смелей --
Нет и не было в жизни!..
С боевых кораблей
Льется песнь об отчизне.

1951

МАЙСКИЙ ПРИВЕТ

Молодежи. Газете «Молодой Коммунист».

Первомаю и новой газете
Рад я сердцем, как ты, молодежь!
Может, нужно и должно в привете
Пожелания высказать? Что ж!..

Я хочу, чтоб газета глазастой,
Умной, смелой, веселой была,
А где надо — и острой, зубастой
И советницей всюду слыла.

Я хочу, чтоб с газетой могла бы
Молодежь следопытом пройти
Все колдобины, кочки, ухабы,
Если встретит она их в пути.

Чтобы юноши, девушки наши,
Строя счастье, учась и любя,
Вдруг с газетой увидели краше
И отчизну, и жизнь, и себя.

Я хочу, я желаю, я жажду, —
Скидок здесь не терплю никаких, —

Чтоб в газете — и в номере каждом! —
Были лучшая песня и стих.

Чтобы песню и стих подхватила
Молодежь, а за нею — народ,
Чтобы наша отвага и сила
Знала только дорогу вперед.

Чтоб газета была беспокойной,
Маем веяло чтоб от нее.
Словом, чтобы газета достойно
Оправдала название свое.

1951

РОДНОМУ ТАТАРСТАНУ

1

Чуваш, рожденный в Татарстане,
Всегда я помню край родной.
Нет-нет и детство вдруг предстанет
Живой картиной предо мной:
Я вижу тех далеких лет
Неповторимо ясный свет.

Мальчишки в тюбетейках ярких,
Мои ровесники, друзья!
Где вы, игравшие в день жаркий
На солнцепеке у ручья?
В какой теперь вы стороне
И помните ли обо мне?

Разгоряченные, босые
Носились мы в степной пыли,
И — разбрелись по всей России,
Родные бросив ковыли.
Но детство... детство наше там,
По тем же бегают местам.

В соседних памятных селеньях
Татарин, русский и чуваш
Зовут друг друга с уважением
И п т э ш, т о в а р и щ и л ь ю л д а ш:
Единый смысл трех разных слов
Понятен испокон веков.

2

Казаны! Тебя ли позабуду?
Закрою я на миг глаза —
Вновь вижу всю тебя, как будто
Вчера лишь был с тобой, Казаны!
Но где та первая мечта,
Что так была робка, чиста?

То было утро нашей жизни.
Отдернут полог голубой:
Мы все предстали пред отчизной,
И каждый — пред самим собой.
С гудками наступавший день
Нам был как новая ступень.

Казаны! И песня молодая
Тобой взлелеяна моя.
Мой первый опыт одобряя,
В меня поверили друзья.
Поэт Кутуй, Такташ-поэт
Давали добрый мне совет.

Я в сердце сохраню навеки
Их дорогие имена.
Ничто не вечно в человеке,
Но мысль творящая — вечна.

Пусть в нас пребудет до конца
Дерзанье смелое творца!

3

Порой сходились мы на вечер
В старинный университет.
Шумны студенческие встречи,
Многозначителен привет
Коротких вздохов, быстрых глаз,
Улыбок и шутивных фраз.

Любовь и ревность сердце ранят:
То буря в нем, то легкий бриз.
Экзамен. А тебя заманит
Плес Волги, островок Маркиз.
И дождь не дождь, и зной не зной, —
Ты бродишь с книгой день-деньской.

Костер горит среди палаток,
Дымится в котелке уха.
Пусть солнце клонится к закату, —
Огню не скоро потухать.
И долго звезды в вышине
Внимают песням и весне...

Живи, Казань! В машинном гуде
Цвети и крепни, Татарстан!
Пусть каждый день твой светлым будет
В содружестве племен и стран.
Приветствую твою зарю,
Как сын тебя благодарю!

1952

НИКОСУ БЕЛОЯННИСУ И ЕГО ДРУЗЬЯМ

В Афинах мне бывать не приходилось —
От Чебоксар неблизкий путь до них.
Одной мечтой четыре сердца билось
У дальних братьев греческих моих.

Они всегда с народом были вместе,
Храня его от плена и огня.
Кто за свободу борется, кто честен,
Тот кровный брат навеки для меня.

Вот только что мне радио сказало:
Расстреляны... И я стою, суров,
И, как четыре пули, пронизала
Мне сердце весть о гибели борцов.

Ты ночью, Белояннис, гибель встретил,
С тремя друзьями голову сложив.
Но враг не знал, что снова — на рассвете —
Для человечества ты будешь жив!

Жестокие, трусливые бандиты
При свете дня стрелять не смеют в нас.

Они боятся наших глаз открытых,
Они боятся правды наших глаз.

За эту правду, смертью угрожая,
Бросают нас в промозглый каземат.
Пусть распинают, пусть на кол сажают —
Мы никогда не повернем назад.

Мы знаем путь единственный и чистый,
Никто нас не собьет с того пути.
Умеют, стиснув зубы, коммунисты
На смерть идти!

1952

С Л О В О О Б Л И З К О М Б У Д У Щ Е М

...начать строительство новых крупных гидроэлектростанций: Чебоксарской на Волге, Воткинской на Каме, Бухтарминской на Иртыше...

Из директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану.

1

История

дней этих не забудет.

Наш трудовой порыв — как ввысь полет.

Он в шахте, в поле, в паровозном гуде,

В лаборатории, в стихе поет.

Народ-строитель, бурями испытан,

Так партии любимой говорит:

«Перед тобой душа моя открыта,

Твой творческий огонь во мне горит.

В тебе мое невиданное счастье,

Твоя мечта — моей была мечтой.

Она сбылась! Я черные напасти,

Невзгоды все преодолел с тобой.

Ты «победим!» сказала — победили,
«Построим!» говоришь — и будет так.
Прекрасна сталь, что служит мирной силе!
Хвала герою трудовых атак!

Что цифрами ложится на бумагу,
То скоро станет славой наших дней!..»
Так говорит, работая с отвагой,
Народ бессмертный партии своей.

2

Наш Шубашкар! Порою называли
Мы стариком седым тебя... Но вот
Твое мы имя в плане прочитали,
В великом плане завтрашних работ.

И сразу ты помолодел, наш город:
Иное солнце вспыхнет над тобой.
Все взоры привлечешь к себе ты скоро,
И я увижу новый облик твой.

Наш Шубашкар! Уже сегодня Волга
Сроднилась с водами пяти морей.
Изменим мы природу, ждать недолго —
Каштаны зацветут у волгарей.

Для нас обычной станет здесь отрадой
Свою черешню, груши летом рвать,
А осенью вино из винограда —
Свое вино — с гостями распивать.

Наш Шубашкар! Морские пароходы
С тобою заведут свой разговор.

Раскинутся под мирным небосводом
Проспектов ширь и площадей простор.

Сверкающий шлифовкою металла,
Мы через волны перекинем мост;
Гирлянду ламп повесим, чтоб блистала
И зависть вызывала бы у звезд!

3

Немало песен пел народ чувашский
О дальних, о неведомых морях;
И дивные о них сложил он сказки
На волжских и на сурских берегах.

Немало есть преданий об озерах,
Соединенных с морем под землей.
И чудились на них рыбачьим взорам
Обломки мачт порою грозовой...

Бледнеют сказки перед былью: вскоре
Советский богатырский наш народ
Еще одно создаст на Волге море
И, может быть, Чувашским назовет.

От моря этого, по нашей воле,
Незримой молнией помчится ток.
Электротракторы я вижу в поле,
Электровоза слышу я гудок.

И вижу я: до самого рассвета
Горят, как в ночь большого торжества,
Об электричестве и о Советах
Пророческие Ленина слова.

В Москве куранты бьют, и раздаются
Литые звуки гимна, чтоб опять,
Во имя всех грядущих революций
Нас на борьбу, на*подвиги поднять.

Так! Нет дерзанию нашему предела:
Наш ясный разум устремлен вперед,
Чтоб нам весь мир быстрее переделать,
Чтоб жили все мы как один народ...

1952

А Р Т И С Т К Е

О. И. Ырзэм

Давно известно: малой роли нет.
Есть что-то в нас единственное в каждом.
Как никогда и как нигде согрет
Наш человек заботою сограждан.

Но жизнь проходит. И грозит покой.
Мечта — неуловимей синей птицы.
Еще не найден эликсир такой,
Что б мог заставить юность возвратиться.

Летят года, как вихри по степи.
Что делать! В мире все закономерно:
Играла ты роль девушки Нарспи,
А ныне — мать играешь столь же верно.

Всем слабостям подвержен человек,
И сердце, видно, не загримируешь.
Одна душа не старится вовек
И словно говорит: «Перезимуешь!»

Быть может, у трельяжа своего
Порой, звонкам привычным не внимая,

Ты видишь вновь дебюта торжество,
Друзей, подруг по сцене вспоминая.

Нас в детстве игры детские влекут,
А в юности влечет кипенье чувства.
Чем старше мы, тем нам дороже труд —
Залог бессмертья всякого искусства.

Не каждому сопутствовал успех:
Коль сердцем не гореть, дотла сгорая, —
Искусство мстит. И это участь всех,
Кто походя стучится в двери рая.

1952

ПАМЯТНАЯ ПЕСНЯ

«Украина золотая,
Белоруссия родная...» —
Эту песню вновь я слышу,
О походах вспоминая.

Эту песню под Москвою
И над Волгою рекою,
В эшелонах и на марше
Пели мы, готовясь к бою.

Эту песню слышал в Курске
И в лесах я белорусских,
Вместе с русскими повсюду
Пели мы ее по-русски.

С думой светлою, единой
И армяне, и грузины,
И башкиры, и узбеки
Звали н а ш е й Украину.

«Украина золотая,
Белоруссия родная...»

Что ж припомнилась в дни мира
Эта песня боевая?

С этой песней, с этой песней
Через степи и полесье,
Через горы мы шагали
С алым стягом в поднебесье.

Украинцам и литовцам,
Белоруссам и эстонцам,
Молдаванам и казахам —
Всем одно светило солнце:

Солнце родины любимой,
Солнце дружбы нерушимой;
Пусть в сердцах сияет вечно
Свет его неугасимый!

Пусть крещение боевое,
Испытанье огневое,
Что прошла отчизна братства,
Нам прибавят силы вдвое;

Силы вдвое, силы втрое,
Чтоб герои новостроек
Были все у нас достойны
Победителей-героев...

«Украина золотая,
Белоруссия родная...» —
Эту песню вновь я слышу,
О походах вспоминая.

ТЕЗАВРУС ЛИНГВЕ ЧУВАШОРУМ

Памяти Н. И. Ашмарина ¹

Пока чиновники нестройным хором
Твердили тупо: мол, чуваш — не наш,
Пока носились где-то с приговором:
«Язык мы дикий уничтожим ваш!» —
Ученый русский встал живым укором
Злой силе и, спесивый сбив кураж,
Открыл Тезаврус Лингве Чувашорум —
Сокровищницу, что сберег чуваш.
Так назван им словарь наш по-латыни,
Плод честного усердия, подвиг жизни,
Что стал настольной книгой нам отныне
В великой и навек родной отчизне.
Так сын России, жаждущей свободы,
Нас разглядел во тьме тюрьмы народов.

1953

¹ Н. И. Ашмарин (1870—1933) — выдающийся русский лингвист, автор «Словаря чувашского языка» — *Thesaurus Linguae Tschuvaschorum*, первые два выпуска которого вышли в 1910—1912 гг.

ДУБ НАД ВОЛГОЙ

Старый дуб — наш батюшка.

Чувашская народная песня.

Над Волгою, на берегу крутом,
Я видел дуб с вершиной опаленной:
Знать, не однажды молнию и гром
Встречал старик, как ратник закаленный.

Широколиственной, могучей кроной
Еще с любым поспорит он врагом.
Об этом слышен говор оживленный
Сынов-дубков, теснящихся кругом.

Не так ли ты, народ мой, врос корнями
В родную землю? Не страшны тебе
В большой семье ни грохот гроз, ни пламя.

Во мне — все от тебя: и страсть к борьбе,
И радость, и тревога, и покой...
Дуб-батюшка! Я — желудь твой.

1953

ПРАВДЫ НАШЕЙ СВЕТ

Мы не устанем повторять
На все лады, на всех наречьях:
Путь к счастью начат с Октября.
«Авроры» залп нам был в тот вечер
Призывным колоколом веча.
С ним новая зажглась заря.

Набат, поднявший род людской,
Чтоб с вековечным злом покончить,
Прогрохотал над всей землей,
Срывая черный полог ночи,
И с каждым годом вторит громче
Призыву отклик боевой.

«Авроры» эхо слышно нам
В Мао Цзэ-дуна мудром слове
И в мужестве страны Вьетнам,
В стихах Хикмета огневого
И в песне Робсона — суровой,
Тревожной, как сигнал бойцам...

«Плыть в революцию!» — завет
Поэтам мира дан собратом.
Мы знаем: правды нашей свет,
Зажегшийся над Петроградом,
Сильней, чем расщепленный атом.
В сердцах он не погаснет, нет!

1954

И А К И Н Ф Б И Ч У Р И Н ¹

В век казней, солдафонского глумленья
Над всем, что мысли освещал маяк,
Ему глухое вспомнилось селенье,
Где он родился, выжил кое-как.

Б и ч у р и н о — неведомое слово,
Пустые звуки для чужих ушей.
А он услышал столько в нем родного,
Что взял его фамилией своей.

Он свято сохранил его как память
О родине истерзанной, где мы
Не смели даже зваться именами
В потемках николаевской тюрьмы.

Отрезанный ломоть, он год от года
Острее чувствовал в душе тоску,
Осмыслив, чем обязан был народу,
И разуму его, и языку.

¹ И а к и н ф (Никита Яковлевич) Б и ч у р и н (1777—1853)— знаменитый русский китаевед, чуваш по национальности.

Язык, которым он назвал впервые
Отца и мать, траву и солнца свет,
Нетронутыми воскрешал живые
Картины детских незабвенных лет.

Но не было ему пути! Жестоко
Обижен, оскорблен за свой народ,
Он верным следопытом стал Востока
И русской речью двинул век вперед.

Еретиком под рясою монаха,
Ученым в келье, взятым под надзор,
Он стену косности долбил без страха
Трудом упорным — всем наперекор.

Он запросто сходился с человеком,
Что для себя законом положил —
Быть с просвещеньем наравне и с веком:
Он Пушкину труды свои дарил.

Я вижу, как, кляня мишурность света,
Внимает слову мудрому поэт,
Как расширяются зрачки поэта,
Иной над Азией провидя свет...

Друг декабристов, он был понят ими:
Его портрет Бестужев написал.
В Париже повторялось это имя,
И все же он... монахом пребывал.

Не раз просил он снять свой сан монашій
Еще в расцвете сбереженных сил.
Но неизменен был отказ монарший, —
Пожизненно его он заточил.

Убит был Пушкин. Отгремела лира,
Оставив звон на самом дне души.
Он, жизнелюб, отторгнутый от мира,
Гворил, как Пимен, подвиг свой в тиши.

Давили стены, лавры, как вериги.
На Волгу бы, в лесной родимый край!..
Остались только книги, книги, книги
И мудрый, неразгаданный Китай...

1953

* * *

Поэзия — радость, так пусть она будет
Водою в дни жажды, живым родником;
Пусть каждая строчка волнение в нас будит,
Как будто ты встретился с милой тайком.

Поэзия — юность, с ней бодростью тело
Наполнится и облегченно вздохнет.
И вот уже сердце твое просветлело,
Готовое ринуться в новый полет.

Поэзия — смелость, чудесная сила.
Ты к ней припадаешь с мечтой, чтоб она
Тебя на ковре-самолете носила,
Чтоб пела душа твоя, счастья полна.

Поэзия — чувства и ширь и бездонье,
Не узкие гранки — безбрежный простор;
Наборщик огонь ее держит в ладони,
Печатник с ней первый ведет разговор.

Поэзия — редкий целебный напиток,
Ее лишь глотками отведать дано.
Ценитель твердит: «Среди вин знаменитых
Волшебной поэзии манит вино!»

Поэзия — мысли мучительный поиск,
Улыбка ребенка, и гения труд,
И сказка любви, и отчаянья повесть,
Которую, может, века не сотрут.

Поэзия — это сиянье рассвета,
И солнце, и музыка, и непокой...
Я жажду дожждаться такого поэта,
Я знаю — в народе моем есть такой!

1954

**ЧЕЛОВЕК ДОБРОЙ ВОЛИ,
ВСТАВАЙ НА БОРЬБУ!**

Легко ли построить крестьянину снова
Дом после пожара? Лишь ветер поет,
Вокруг пепелища кружа, да сурово
Крапива
 хозяина жалит и жжет...

Легко ли залитую шахту шахтеру
Опять осушить, не жалея труда?
Чернее ты угля, шахтерское горе,
Когда прорывается в штольни вода...

Легко ль машинисту, когда возвестила
Тревогу охрипшая песня колес,
Когда динамита гремучая сила
Бросает тяжелый состав под откос?..

И разве война принесла не такую,
Унесшую многие жизни, беду?
Я сердцем с народом за мир голосую,
В шеренге защитников мира иду.

И пусть в Хиросиме далекой я не был, —
Я видел, как, тучею солнце закрыв,
Обрушился адом с японского неба
Все в пепел сжигающий атомный взрыв.

Чтоб не было в мире страданья и боли,
Чтоб день не затмился над мирной страной,
Вставай на борьбу, человек доброй воли,
Войну победишь ты в сраженье с войной!

1955

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ МАРТА

День мартовский печальный! В нас навеки,
Благоговенье, душу укрепи:
Вновь календарь твердит о человеке,
Который миру подарил «Нарспи»¹.

Читаю: «...смерть поэта-демократа...
Исполнилось сегодня сорок лет...»
Пусть горько мне, что век его был краток. —
Осушит слезы доброй славы свет.

Пройдут года. Пройдут десятилетия.
Живую память время не сотрет:
Поэта слава ширится на свете,
Она достигнет мировых высот.

Пока чуваш зовет себя чувашем
И ласковое солнце светит нам,
Холодный пепел времени не страшен
Чудесной песни пламенным словам.

¹ «Н а р с п и» — произведение К. Иванова, основоположника чувашской поэзии.

Как медь и олово в едином сплаве
Становятся звенящей бронзой, так
Родной язык в иной воскреснет славе —
Его столетьям не стереть никак.

И наравне с другими языками
Он будет жить, и ведомо давно —
Живое слово мертвыми песками
Не может быть вовек занесено.

Оно — судьба народа и поэта,
Мысль мудрая и дух высокий наш.
«Кто так сказал?» — воскликнет вся планета;
Мой стих ответит: «Так сказал чуваш!»

ВЕСЕННЕЕ

Весна! Все преграды ломая,
В путь дальний отправился лед.
Вновь Волга качает родная
На зыбких волнах пароход.

Не все еще стаяли льдины,
Но манит река рыбаков.
Открылась большая путина, —
Да будет обилен улов!

В лугах разливаются воды,
Не скоро войдут в берега.
Хлопочут, спешат плотоводы, —
Своя им пора дорога.

Пора пробужденья! Дней весних
Приметы на всех и на всем.
Распелись скворцы на скворешнях,
В сплошной синева оком.

В деревьях не терпится сокам.
Закон вековечен и строг:
Верны предначертанным срокам
И почка, и лист, и цветок...

Дожди отплясали задорно,
Испариной дышит земля.
Набухли ядреные зерна,
И трактор спешит на поля.

Я слышу шаги агронома,
Идущего полем с зарей,
Раскаты веселого грома
Над поднятой вновь целиной.

Я славлю поход добровольцев
В просторы казахских степей.
Напомнил загар комсомольцев
О юности шумной моей.

Я молодость славлю и силу,
Мечты дерзновенной полет,
И все, что уже воплотилось,
И все, что сегодня встает.

Я славлю поборников мира,
Большой их и малый почин —
От Лондона и до Каира,
От Мексики до Филиппин.

Пусть крепнет содружество наций
Во имя той цели святой,
Чтоб дети могли улыбаться,
Чтоб не был никто сиротой.

Весна! Все кордоны минуя,
Пусть песня над миром плывет:
Отчизну я славлю родную —
Народного счастья оплот.

1955

Я — НАРОД

Я — народ. Мой девиз непреложен:
Миру — мир! Все под знамя труда!
Путь, что мною в победах проложен,
Не закрыть никому! Никогда!

Пятилеток торжественным гудом
Оглашая простор светлых дней,
Что ни год — все моложе я буду,
Что ни шаг — все я буду сильней.

Все я высчитал, смерил, прикинул —
От фундамента и до стропил.
Сделать подступ к заветным вершинам
Исторический срок наступил.

Подвиг завтрашний гимном могучим
Окрыляет мой творческий дух.
Будет взят перевал! Нет той кручи,
На которую я не взойду.

Вижу землю нарядной, богатой,
Слышу песни и радостный смех.

Все, что сделаю, сделал когда-то,
Все — мое. Для меня. И для всех.

Одержим созидания жаждой,
Я хочу жить со всеми как друг.
Пусть однажды почувствует каждый,
Что война — побежденный недуг...

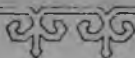
Я — народ. Мой девиз непреложен:
Миру — мир! Все под знамя труда!
Путь, что мною в победах проложен,
Не закрыть никому! Никогда!

1956

сиктерме

Р О Д

Живем среди татар в ладу и мире.
Два языка мы знаем, третий — наш.
Но помним все об Улып-батыре...
Ну, разве я не истинный чуваш?

Когда-то, в незапамятные годы,
Наш Улып, пробираясь на восток,
Прервал здесь путь, присел на пень-колоду
Да из лаптей повытряхнул песок.

Ушел батыр — остались два кургана.
Обжили наши предки этот край.
Кивьял — они название дали стану,
Где был главою рода Питтабай.

Дочерям дал Питтабай
В ожерелья жемчуга;
Сыновьям дал Питтабай
По зеленым сапогам;
Ходят снохи Питтабая,
Серебром монист сверкая...

Так в деревнях, что вышли из Кивьяла,
Во всех семи певалось в оны дни,

Но всем известно: с выдумкой мешала
Любая песня правду искони.

От друга самого Иван-Хаяра¹
Идет род Питтабая, говорят,
И дедовскую грамоту недаром
Хранил он, не сгибая, говорят.

Мол, грамотой был жалован и сам он,
Наш мудрый пращур, старый Питтабай.
Ее прислал к нам Алексей Романов,
Она цела еще и ныне, знай!

Когда соседи спорить об угодьях
Вдруг начинали с дедами, те шли
За грамотой, хранимой старшим в роде
В ларце, что пуще глаза берегли.

Та грамота — ее видал я, кстати,—
Была монаршей милости полна:
«Орех да мед собирать, хмель щипати
Да лыко дроти» нам в лесах она

Давала волю. Благо лес в округе —
Ни обойти пешком, ни обскакать.
Из чащи сам медведь бежал в испуге:
Слепней его одолевала рать.

Но жил наш род. Леса мы корчевали,
Растили просо, полбу да ячмень,
И древо рода, что взросло в Кивьяле,
Дало сучки — семь новых деревень.

1948

¹ И в а н - Х а я р — Иван Грозный.

СЕМЬ ЯЛОВ¹

Говорят в округе нашей,
Что, когда по ней скакал
На лихом коне чувашин,
Встречный русский закричал:

«Обронил ты шапку где-то,
Заворачивай конька!» —
Вырос ял на месте этом,
И назвался он — Шапка́.

А деревня, где кобыла
Испугалась вдруг куста,
Та Пугающей прослыла,
По-чувашски — Хурада.

Уступать, давать дорогу —
Смысл названия Пырнай.
Расселялся понемногу
Род, где правил Питтабай.

Хуладу, по-русски — город,
Назван был четвертый ял.

¹ Я л — чувашская деревня.

Видно, некогда дозором
Кремль чувашский здесь стоял.

Неразлучны, как две лыжни
Или, скажем, два весла,
Питтабали Верхний с Нижним —
Два соседние села.

А седьмое, где весною
Цвет черемух — как метель,
Сиктерме мое родное,
А по-русски — колыбель.

1948

СИКТЕРМЕ

Сиктерминцы! Сиктерме!
Вечно шутка на уме!

Тяжким встарь был жребий наш:
Хворь, бесхлебица, налог...
Если нынче цел чуваш, —
Значит, смех ему помог.

Как ягненка волк во тьме
Под носом у пастушка,
Так насмешка в Сиктерме
Настигала чужака.

Понаедет ли к нам власть,
Поп негаданно зайдет —
Вот когда пошутят всласть
Сиктерминцы — злой народ!

Только розги отсвистят
(Недоимки велики),
Тут же, потирая зад,
Власть поносят остряки.

Вор-ворович, мол, один,
На руку не чист другой,
А исправник, волчий сын,
Это — бабий, мол, герой.

Но, конечно, больше всех
Доставалось тут попу:
«Жеребец», «ходячий грех»,
«Чужеспинник», «жирный пуп»!

Помню, я на сходке был.
Речь держал кулак-куштан.
Вдруг слышалось: «Не пил,
А дуришь, как будто пьян!»

Чем богат — тому и рад.
Беднота была гола,
А вот клички — две подряд
Тут имело полсела.

Так и нынче: ярлычок
Присобачат, что репей.
Завертишься как волчок,
А не снимешь, хоть убей.

Сиктерминцы! Сиктерме!
Вечно шутка на уме!

А уж как все любят край,
Где родились, где живут.
Тут ты им не возражай:
Живо рот тебе заткнут!

«Что ж, хорош твой Шубашкар, —
Скажет местный патриот, —

Но и мы — не плох товар...
Погляди — село растет.

Мне не веришь — сам проверь.
Дело ясно, словно день:
В Сиктерме идут теперь
Из десятка деревень.

Взять больницу, школу взять —
Десять классов, не шути!
Нас теперь не миновать,
Словно вешку на пути...»

Я, признаться, рад и сам
За дела своей родни.
Прав земляк: округа к нам
Новые торит лыжни.

Возрастает их число
От зимы к другой зиме.
И, глядишь, мое село
Станет — «город Сиктерме»!

1948

ПИТТАБАЕВ ЛУЖОК

Коль о предках знать ты хочешь,
Их искать недалеко:
Много есть у нас урочищ,
И полянок, и лужков.

Здесь когда-то хоронили
Именитых чувашаи.
Славны те батыры были,
Справедливы, хороши.

И похуже попадались...
Всех народ не позабыл:
Добрым почестъ воздавалась,
Бессердечных он бранил.

Опасаясь злых, пусть мертвых,
(Не наслали б мор и глад!)
Провожал к отцам народ их
Всѣ на тот же древний лад:

Забивали скот, бывало,
Пили, ели у могил.

Мертвецу перепало
От всего, что он любил.

Не тужи на том, мол, свете...
Чтил и мой лесистый край
Луг, где больше трех столетий
Почивал сам Питтабай.

Три с излишком десятины
Окружал глубокий ров.
Не пасли на них скотины —
Ни баранов, ни коров;

Плуг не трогал эту землю
С незапамятных времен.
Лишь ковыль, бывало, дремлет,
Охраняя мирный сон.

Если раскопать могилу,
Мы, наверное, найдем
Всё, что в давнем прошлом было
Сбруей, панцирем, мечом.

На семик досель играют
Свадьбы шумно что ни день.
Чтило память Питтабая
Семь окрестных деревень.

И к могиле спозаранок
Люди шли из разных мест.
Много вышитых сурбанов
Тут висело от невест.

И другие приношенья:
Сары¹, рушники, платки —

¹ Сары — вышитая набедренная поязқа.

Предку в дар несли с почтеньем
Молодежь и старики.

На лужок плескали пиво,
И кусочки повкусней
Оставляли здесь: живи, мол,
Ты в довольстве — ешь да пей...

Хоровод вели девчата,
Вспоминали в песнях край,
Из которого когда-то
Вышел старый Питтабай.

Из-за Волги, из-за Камы —
Из Чувашии родной
Он пришел сюда, лаптями
Приминая прах земной.

Оттого весною все мы
С Питтабаевых времен
Просим птиц снести на север
В дедов край от нас поклон.

Все мы помним, чьи мы дети.
В поколениях кровь жива.
Не ослабил ряд столетий
Связей нашего родства.

Мог бы наш старик гордиться —
Хорошо живет чуваш!
Диво ль то, что сиктерминцы
Свой колхоз зовут Канаш?!¹

¹ К а н а ш — совет (чувашск.).

Мы, потомки Питтабая,
И в делах не отстаем
От всего родного края:
В пору сеем, в пору жнем.

Ездим в гости мы за Волгу
И порой из этих мест,
Не раздумывая долго,
Статных сватаем невест.

На «Чувашскую коммуну»¹
В Сиктерме не малый спрос:
И у старых и у юных
На уме один вопрос:

«Что за Волгой? Как там наши,
Хороши ль дела у них?»
Коль случится, тех чувашей
Всякий примет, как родных...

Зимним вечером в читальне
Или на дом книгу взяв,
Наши девушки и парни
Углубляются в «Ялав»².

В меру сил и средств колхозных,
Рядовой ли, бригадир,
Относясь к труду серьезно,
Все мы боремся за мир.

Целину мы поднимаем:
Взрыл многолемешный плуг

¹ «Чувашская коммуна» — газета, издававшаяся в Чебоксарах, ныне «Коммунизм ялве».

² «Я л а в» — название журнала.

Триста лет над Питтабаем
Ковылем шумевший луг.

Все мы предка уважаем,
Но земле не пропадать.
Будь красна ты урожаем,
Хорошей, земляца-маты!

Знай он, радовался б пращур, —
Ведь старик-то был не прост, —
Что над ним не луг пропащий.
А пшеница в полный рост.

1948

И Н Ч А

Обогнув лужок колечком,
В плавнях ласково журча,
За селом струится речка —
Наша светлая Инча.
Сквозь ольшаник еле-еле
Проберешься к ней весной:
Вихри вьются каруселью
И черемухи метелью
Осыпают цвет густой.
Под черемуховой веткой
Я сложил немало строк...
Кто ж назвал тебя так метко,
Жемчуг, светлый наш поток?
Говорят, что Питтабаем
Наречены так твои
Серебристые струи.
Правда ль это, я не знаю,
Но на свете, ей же ей,
Не найти реки милей!

Может быть, другой чувашин
Эти воды отличил,
Жемчуг, Жемчуг — речка наша,
Жемчуг — светлые ключи?
Кто, скажи нам, в добрый час
Так назвал тебя, Инча?

Кто назвал — того уж нету.
Он, конечно, был поэтом,
А скорей всего — была
Та, что речку назвала.
Не бродила ль тут, мечтая,
Дочь того же Питтабая?

Целый мир, Инча, вместила
Ты в названии своем!
Но не только близкий, милый
Мир, в котором мы живем,
Нет, еще другой, привольный,
Хоть он вечно наг и сир,
Нас Инчи родимой волны
Заставляют вспомнить мир:
Берега лагун далеких
С шалашами рыбаков,
Россыпь звезд в грядах высоких
И прозрачных облаков
И жемчужно-белой пеной
Окаймленные валы...
Мир отваги неизменной,
Мир, где люди — как орлы.

Только все ж, Инча родная,
Лучше всех земля простая

Та, где ты несешь свои
Серебристые струи.
Лейся ж, лейся вдаль, журча,
Наша светлая Инча!

1948

ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ

1

Когда краса и гордость дома —
Петух наш — трижды пропоет,
Я подхожу к окну двойному,
Смотрю спросонок на восход.

Зарею желто-розоватой
Подернут неба узкий край.
В степи алеет снег по скату.
И вдруг, как будто невзначай,

Сковородою раскаленной
Всплывает солнца красный диск.
На стеклах, словно золоченых,
Цветы нездешние зажглись.

Морозно. Дом простыл к рассвету.
Я выхожу: топить пора.
По завещанию поэта,
Дрова колю среди двора¹.

¹ Поэт М. Сеспель писал: «Пусть поэт дрова поколет».

Поленья мерзлы, суковаты,
Удар — и отскочил топор.
Но бьешь да бьешь по ним, пока ты
Не кончишь этот долгий спор.

Вот так и с первою строкою:
Не те слова, не тот накал,
И рифмы врозь... Но нет покоя,
Пока на след ты не попал.

Готовит завтрак мать-старуха,
Блины гречишные шипят.
Зимою в стужу-завируху
От них теплее, говорят.

Вот заскрипели половицы:
Мать чай несет. Клубится пар.
И важный, словно сват, садится
В конфорке-шапке самовар.

Но я о прозе забываю,
Сев за рабочий стол к окну,
И вновь тетрадку открываю,
В окно уставясь — на сосну.

2

Сосна шумит. Сугроб за нею
Напомнил чем-то мне Казбек.
А вон, замерзшая, синеет
Инда — светлейшая из рек.

Я не сравнил бы с морем целым
Теперь одной ее струи:

На берегу, под снегом белым,
Там детские следы мои.

Там, засучив штаны, бродила
Моя недоля сиротой
И старым решетом ловила
Рыбешку мелкую весной.

Какое все же это счастье,
Когда колючий первый ерш
Заплещется в нехитрой снасти! —
На всю окрестность заорешь.

А летом, в жаркую погоду,
Мы в день купались раз по семь.
Чуб высох — значит, снова в воду,
Ныряй по омутам по всем!

Обвеян дальними ветрами,
Пропитан солью трех морей,
Смотрю на речку в зимней раме
И знаю: нет ее милей!

На берегу всё те же ивы,
А дальше — ферма за рекой;
К ней, вижу, на коне ретивом
Подъехал бригадир рысцой.

Там симментальские телята,
Бараны-мериносы там.
Все стало явью, что когда-то
Показывали в книжках нам.

Там, над Инчой моей жемчужной,
Стоит высокий светлый дом:

То штаб артели нашей дружной, —
Недавно побывал я в нем.

Там в раме Иванов мечтает,
О лучшем думы затая;
В другой узнал портрет Тукая,
Татарского поэта, я.

Ровесники, друзья по духу,
Они — с народом, что навек
Похоронил соху-старуху
И корень нищенства подсек.

3

Шумит сосна. Я поработал.
Петух не зря пропел зарю.
Пусть нелегка моя забота —
Всегда я правду говорю.

По правде ж — здесь еще не праздник:
Колхоз наш не миллионер,
Соломой ветер с крыши дразнит.
И вид села довольно сер.

Не все мы носим драп, на многих —
Домашнего сукна кафтан.
Еще не в фетр обуты ноги
И кочедык в музей не сдан.

Но под соломенной крышей
Уже иных событий ход.
В названьях улиц даже слышно,
Как новь великая растет.

Вот, например, я жил на Задней,
И в детстве думал часто я:
«Ужели будет неприглядной
Вся жизнь, как улица моя?»

А нынче, подойдя под вечер
К селу родному — не гадал! —
На крайнем доме, на дощечке,
Я имя «Пушкин» прочитал.

Гляжу, — столбы под снежной пеной,
Распелся ветер в проводах;
Стоят над крышами антенны,
Потемок предвещая крах.

Теперь, я знаю, в доме каждом
В тиши чувашских сел стучат
Сердца родных моих сограждан
Со всей советской жизнью в лад.

Свои усилия умножая
Без шума и без лишних слов,
Здесь люди знают: урожаи —
Удар по проискам врагов.

Они не ждут указов сверху,
А поклялись — не хуже всех
Заштопать каждую прореху
И каждый запахать огрех.

Я видел их: вчерашний воин,
Парторг сегодня, в тишине,
Как над двухверсткой перед боем,
Сидел над книгой при огне.

И схему севооборота
Готовит председатель наш.
С артелью, как бывало с ротой,
Он совершит победный марш.

Они прошли, солдаты наши,
Европу вдоль и поперек:
Румынские заплаты-пашни,
Немецкий серый супесок,

Австрийские луга, долины
Болгарских роз, венгерский лес —
Все памятно бойцам доньше,
Но лучше нет родимых мест.

4

Шумит сосна. Уже над нею
Зажглася Ужина Звезда¹,
Окно синей, в избе темнее...
Подтопку топим, как всегда.

В золе печем «картошку в шубе»,
Поспела — словно бы мячом
Играя, обжигая губы,
Едим ее мы с варенцом.

Все так же в полумраке синем
Мигает свет — «цыплячий глаз».
Все так же пахнет керосином
По вечерам в избе у нас.

¹ Звезда Ужина — Сириус.

Но уж коптилки стали редки,
Есть свет другой верстах в пяти;
По воле нашей пятилетки
Не сможет нас он обойти.

За огоньком неяркой лампы
Я вижу нового черты.
Пишу — и воплощают ямбы
Мои заветные мечты...

5

Шумит сосна... Крепчает ветер.
Знать, до утра не жди добра.
Зарядкой будет на рассвете
Уборка снега со двора.

Завьюжило кругом... Вдыхает,
В ладонь покашливая, мать.
А боль в ноге напоминает
О Сталинграде мне опять.

Но вот на огонек заходит
Сосед мой, гвардии солдат.
Привет. Два слова о погоде.
Я оживаю, гостю рад.

О маршах говорим, о фронте,
Но не за тем, чтоб вновь там быть,
А чтобы в грозное «Не троньте!»
По праву голос наш включить.

Пусть воин покалечен в танке,
Пусть тих и скромн он на вид,
Но ворс его простой ушанки
След от звезды еще хранит!

А речь идет уж о плотине,
О стройке ГЭС — в счастливый час, —
О свекле сахарной, о дыне,
О многом, что волнует нас...

6

Бывает, что хранитель древний
Преданий и легенд ко мне
Заходит на чаек вечерний
Потолковать о старине.

Какой родник живого слова!
Бесценна каждая струя.
И жадно впитываю снова
И снова всё до капли я.

Когда сказитель седовласый
Смолкает, новый гость опять:
Поэт, школяр восьмого класса,
Приносит мне свою тетрадь.

Я вслух стихи его читаю.
Он, шейным вязаным платком
Как будто снег с лица стирая,
Бормочет: — Лучше вы потом... —

Тогда мы, по слогам хореи
Да ямбы мера, шутим так:
Пока огонь горит, скорее
Разжечь бы новый нам очаг!

Мы о чувашских полугласных,
Об удареньях говорим...
И представляется мне ясно:
Я — мост от старых к молодым.

Пусть годы-волны бьют о сваи,
Расшатывая их, — вперед
И прямо, юность боевая,
Бесстрашный, дерзкий вездеход!

Столбы — поэмы, а доскою —
Мой каждый стих, и вот настил.
Его не варом, не смолою,
А кровью сердца я полил.

Там, впереди, счастливый берег,
Там радуга цветов живых.
Дерзайте! Будете, я верю,
Там молоды навеки вы.

И там звенеть чувашской речи.
Я вижу — берег недалек.
Плечо к плечу! Держитесь крепче.
Раздайся, дружный топот ног!

Шагайте по мосту, потомки, —
Его я выстроил для вас —
И песни счастья пойте громко,
Мой голос вспомнив в добрый час!

Сосна шумит в ночи глубокой.
Не спится. Кровь стучит в висках.
Я вижу город мой далекий
И ту, что всюду мне близка.

В воображенье нахожу я
Слова, всех прочих слов нежней, —
Слова, которых не скажу я,
Быть может, никогда при ней.

И я зову: вперед и выше!
Пусть ветер лют и крут подъем, —
Твой каждый вздох в пути я слышу,
Идти нам до конца вдвоем.

Вперед и выше! Коль погаснуть,
Так самой яркою звездой!
Чтоб ослепительный и ясный
Зажегся свет от нас с тобой...

Пора! День новый недалеко!
Сосна уснула. Жар потух.
Вновь свет зари встает с востока,
Вновь на дворе поет петух.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Н. Я. Яковлевой

Ни ветер, ни мороз, ни вьюга
Не помешают видеть друга, —
Как в дальнем детстве на урок,
Я захожу к ней на часок.

Не так велик уж дней остаток —
Идет к концу восьмой десяток,
Из них на школьные дела
Она полвека отдала.

Ей мой приход — как светлый праздник..
О, сколько проживает разных
Ее «детей» в стране родной!
И... грустновато ей одной.

Зима долга. А снег валит как!..
Все ждет — не стукнет ли калитка
И не войдет ли почтальон.
Какая радость — это он!

Пять писем сразу — просто чудо!
Посмотрим от кого, откуда

Ей шлют привет ученики...
Скорей, скорей найти очки!

В письме нетрудно разобраться:
Знаком, примерно, лет уж двадцать
Ей почерк — он такой, как был,
Наклон лишь малость изменил...

Почуяв крылья за спиною,
Бросаем мы гнездо родное,
Летаем по другим местам...
И что односельчане нам!

Но нас с любовью ожидают
И так приветливо встречают,
Когда приедем погостить!..
Как их забыть, как их забыть!

Ко мне так радостно прильнула
Учительница, чуть всплакнула
Разок и лишь потом смогла
Расспрашивать про все дела.

Лишь назвала меня, — тотчас же —
Как бы не уезжал я даже —
Я с ней на «вы», она на «ты»...
Воскресли детские мечты.

И самовар сверкает медью,
И стол уставлен разной снедью,
И снова прошлое со мной,
И повторился день былой.

Сквозь дань годов я четко вижу:
Зимою... нет, к весне поближе,

В лаптях промокших мы сидим;
А класс не топлён, все дрожим.

Но Бежин луг встает далекий
(Тургенев нынче на уроке)...
Она сама перевела
И нам взволнованно прочла.

И Короленко нам дотолё
Был незнаком, — в холодной школе
Его далекие «Огни»
Манили, грели нас в те дни.

А то казалось мне, бывало,
Тухья Нарспи вдруг засверкала...
Нарспи! И ты была не прочь
Сидеть с ребятами всю ночь.

Твои далекие потомки,
Мы декламировали громко.
Учительница тонко нас
Вводила в мир певучих фраз.

И репетиции бывали:
С руками в муфте, в серой шали,
В такт строчкам, молча, нам порой
Она кивала головой.

Порою повторяла фразу
В другой тональности — и сразу
Ясней мы видели, о чем
Хотел сказать поэт стихом...

Тянули жребий мы порою —
Кому из нас сыграть героя?

Сетнера и Нарспи любя,
Мы узнавали в них себя.

Учительница понемногу
Нас выводила на дорогу.
А музы первые плоды?
И в них, и в них ее труды!

Потом, когда мы повзрослели,
Всё так же с нею мы сидели;
Она, наш друг, в сомненья час
Любовно вдохновляла нас.

И я хочу сказать ей нежно:
«За всю любовь, за труд прилежный,
Поверьте искренним словам:
Спасибо вам! Спасибо вам!

Я видел далеко в разлуке
Заботливые ваши руки;
Мы стали старше, но не раз
Тепло мы вспоминали вас.

Любимы вы семьёй немалой:
Врачи, артисты, генералы,
Поэты... Всех не перечесать.
И вам за всё — хвала и честь!

От всех передаю привет вам,
Пусть ваша старость будет светлой!
Недаром ваши дни прошли —
Посевы пышные взошли.

В П О Л Е

Как лист не начатый, бело
Лежит под снегом наше поле.
А вот его пересекло
Ну... многоточиями, что ли...

Тут цензор с рыжим был хвостом.
Не убережь такому шубы...
Вон там он крался за кустом,
На след зайчишки скаля зубы.

А тот, ловча, на свой же след
Нанес другой и третий снова,
Как будто труженик поэт
Искал единственное слово.

Вон там, где степь, как стол, ровна,
Щитки — как ломаные спички
Иль искаженные спьяна
Редакторские галки-птички.

Вдали пустой маячит ток,
А вон амбар, битком набитый.

Как зерен в нем, так мне бы — строк
Какой я стал бы знаменитый!

А вон, в полуверсте от них,
Застыл вагончик трактористов,
Как позабытый всеми стих
Кого-то из конструктивистов.

Лишь Улыпов курган вдали
Бесстрашно борется с веками...
О, если бы вот так могли
Стихи мои остаться с вами!

1948

КОТ

У старой матери моей
Бюро погоды — кот мурлыка.
Скребет — жди снега иль дождей,
А повалялся — сушь накликал.

Терпел бы я — куда ни шло —
Кота, лишь дал бы знать мне с печки,
Что: холодок или тепло
У милой нынче на сердечке.

1948

М Е Т Е Л Ь

С воробьиную головку
Хлопья сыпались кругом,
А под вечер ветер ловко
Прихватил их холодком.

Как медведь мохнатый, белый,
Туча к нам подобралась.
Закружило, завертело —
Мигом вьюга поднялась.

Вновь метель! Но не ворчи ты:
Лишь глаза на миг сомкну,
Вижу я в тухье расшитой
Ясноглазую весну.

Кто там легкими шагами
Ходит-бродит по двору,
Кто, стуча в окошко, с нами
Начал хитрую игру?

Вот легко взбежал пушистый
По ступенькам на крыльцо,

И на двери, как монисто,
Тихо звякнуло кольцо.

На стрехе шуршит солома,
А в избе — тепло, уют.
Хорошо сидится дома,
Если вьюги запоют.

И для сказок-неотвязок
Лучше нет поры в году
Той, когда зима с салазок
Дует в сиплую дуду.

Мать кудель прядет, молитвы
Что ни час творя за тех,
Кто в пути с дорожных рытвин
Нынче сбился как на грех.

«Господи, — твердит, вздыхая, —
Помоги ты им дойти...»
Если б знала ты, родная,
Что твой сын всегда в пути,

Что обязан быть готовым, —
В зной ли, в холод, — день и ночь
В той дороге теплым словом
Он уставшему помочь;

Если б знала, что с годами
Путь для сына все трудней:
Чем щедрей горим, тем сами
Остываем мы сильнее...

Как медведь мохнатый белый,
Туча к нам подобралась.

Закружило, завертело —
Мигом вьюга поднялась.

Все ж зима шумит напрасно.
Вьюга нынче не страшна:
К нам идет в тухье прекрасной
Ясноглазая весна.

1948

Д Ы М

Какая тишь! Дымок из труб
Столбом поднялся к небу.
Не ветер, а дыханье с губ,
Даво таким он не был!
Блинами пахнет — он мне люб;
Блинка теперь и мне бы!

Что-что, а масленицу все ж
Народ не забывает —
Со стариками молодежь
Весну подчас встречает.
Уж больно мед у нас хорош
На масленой бывает!

Повсюду бочки, вижу я,
Сейчас пришли в движенье.
Я нашим людям не судья,
Что в их умах брожение:
Ведь в этих бочках да бадьях
Не мед, а наслажденье!

Навстречу дед: «Будь здрав, земляк!» —
Сказал, меня заметив,

Достал кресало и табак
В затейливом кисете,
На мой вопрос: живем, мол, как? —
«Да ничего!» — ответил.

Дед высек искру из кремня.
Запахло жженным трутом...
И Прометея вспомнил я
Зачем-то в ту минуту.
А бородач, добыв огня,
Дымком себя окутал.

«И как не жить, — добавил дед, —
Ведь жизнь пошла складнее.
Вот только бы электросвет
Зажечь нам поскорее...»
Я помню до сих пор ответ
Седого Прометея.

МУЖСКАЯ ПЛЯСКА

Нет жены — ссоры нет,
Тестя нет — горя нет.
А подумаю, прикину, —
Ты милей мне, чем весь свет.
Ну-ка с правой ноги!
Жги, жги, жги, жги!

Ни следа, ни пути,
Ни проехать, ни пройти.
Мне потрянуть бы стариною
С девкой лет семнадцати.
Что пустые мечты!
В сердце ты, ты, ты!

Ах, время летит!
Был когда-то я джигит.
По кольцу на пальце было
От девчат, от молодух.
Стар стал, молод дух,
Дух, дух, дух, дух!..
Ух!

1948

БА Н Н А Я П Е С Е Н К А

Разлохмачена мочалка,
Ну-ка, жenuшка, намыль,
Да потри — спины не жалко!—
Смой-ка честный пот и пыль.

Веник пахнет смолкой,
Щелок — мягче шелка.
Ну-ка, старая, ударь,
Косточки пропарь!
Жарь, жарь, жарь!

Девкам хватит кипятка,
Жару хватит молодцам.
Ты ходи, ходи, рука!
Вот бы так бы без конца!

Веник пахнет смолкой,
Щелок — мягче шелка.
Ну-ка, жenuшка, ударь,
Косточки пропарь!
Жарь, жарь, жарь!

1948

У П Р О Р У Б И

У проруби лежит колода
В наплывах синих ледяных,
Ледок уже подернул воду,
Весенний ветер пьян и лих.

И вдруг красавица нагая
Наядой встала у воды...
Откуда здесь взялась такая?
Но есть приметы и следы:

Листочек банный на лопатке,
От бани стезжка на снегу...
Вот облилась и без оглядки —
Назад, смеется на бегу.

Ледок опять подернул воду,
А ветер мартовский притих.
У проруби одна колода
В наплывах синих ледяных...

1948

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Месяц коробом старинным
Свадебным поднялся.
Кто-то нынче домочадцев,
Знать, не досчитался...

В той избе, где посиделки,
Зашептались девки.
А когда вошли к ним парни,
Девки — за издевки:

«Счетовод средь вас?— спросили
Как бы между прочим,—
Говорят, колхозниц меньше
Стало этой ночью...»

Под окном промчались гулко
Сани с подрезами...
«Что, ребята? Прозевали?
Виноваты сами!»

1948

ДЕВУШКА

Если два браслета
И кольцо сверкает,
Значит, наша это
Девушка, я знаю.

Молнией глазенки —
Век их не забудешь!
Запоет ли звонко —
Слушают все люди.

Ведь не зря залилась
Смехом серебристым, —
Славно потрудилась:
Трудодней-то триста!

Снегозадержанье,
Хлеба обмолот ли —
Всюду со стараньем
Трудится добротнo.

Шалевый платочек,
Валенок не ношен.

Эх, немало дочек
На селе хороших!

Ты слыхал, быть может,
О деревне нашей?
Девушки пригожи,
Нет нигде их краше!

1948

ПЕСЕНКА ДЕВУШКИ

Я на триста трудодней
Накуплю что помодней.
Слышишь, бригадир?
Платье, туфельки да шаль —
Ничего отдать не жаль.
Удивлю весь мир!

На такой на мой наряд
Кто ж тогда не бросит взгляд?
Замирает дух!
Выйду за бородача,
Будет он дитя качать,
А не то и двух!

Бородач за мной — как тень.
У него в плече сажень,
Жаркий поцелуй.
Ходишь мимо? Что ж — ходи,
Пожалеешь, погоди!
После не ревнуй!

1948

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ВЕСНА

Февраль гудел в лесу и в поле,
Бросался снегом во дворе.
Он бушевал не от того ли,
Что было тихо в январе?

Но власть зимы, буйнки хмурой,
Укоротил пришедший март:
Уж там и сям кудахчут куры
И утки крикают: «нарт, нарт».

На солницепеке, возле тына,
Копытом роя влажный снег,
Дородный бык трубит призывно
Хвалу извечную весне.

Скребницей конюх чистит Чалку,
С забора скрадом, под шумок,
Косится хитрым глазом галка,
Стащить нацелясь шерсти клок.

Набивши на колеса шины,
Толкуют кузнецы: — Ну, вот...

Рыдван был рухлядью паршивой,
А стал теперь — железный ход!

Есть плуг и конь у нас железный,
Не будем знаться мы с бедой,—
Достаточно земли полезной
В войну спозналось с лебедой!

Про сотню дел не забывая,
Не знает председатель сна:
Он то в конюшне побывает,
То сам проверит семена.

С собранья вечером шагая,
Толкует меж собой народ:
— Нам для уборки урожая
Комбайн бы надо, самоход!—

Готовя парники и вкусный
Вдыхая предвесенний дух,
О выставке о всесоюзной
Мечтает огородник вслух.

Ведь у него всегда на редкость
Родится дыня-ананас,
А лук попробуешь иль редьку —
Так искры сыплются из глаз.

Иль помидоры взять — к примеру —
Красней, чем зоб у снегиря!
Арбузы, тыквы по размерам
Что голова богатыря.

Цветной капустой, чесноком он
Колхоз хоть завалить готов,

А также новых, незнакомых
Немало вырастит плодов...

Теплей и мягче воздух гулкий,
С крыш убирают снег кругом.
Блестят на солнце в переулке
Сосульки мокрым серебром.

Чернеет снег дороги вмятой,
Близка весна... Зиме капут.
Вот скоро матери ребятам
Пичужек разных напекут.

И мальчуганы, необычной
Стремясь достигнуть высоты,
Начнут бросать птенцов пшеничных,
Кричать до полной хрипоты:

— Эй, голубь, голубь, выше взвейся.
Лети во все, во все концы!
Пусть прилетят с тобою вместе
Назавтра к нам в колхоз скворцы.

Вот, слышно, дятел громко где-то
Стучится в крепкую сосну.
Мальчишка, шустрый сын соседа,
Давно почувявший весну,

Залез на дерево поспешно,
Как акробат, одним рывком.
Он чинит ветхую скворешню,
Постукивая молотком.

А дед гадает по приметам:
— Коль на окне в мороз узор.

Да снег большой, да дождик летом,
Так урожай придет на двор!—

Но молодежь не верит притчам
И не сидит зимой в углу,
Она помет сгребает птичий,
Золу собирает по селу.

Вот так сейчас в колхозе нашем,
Изжив извечную нужду,
Семьею дружною чувашин
Опять готовится к труду.

Задорным юным пионером,
Надежд и радостей полна,
Идет путями новой эры
К нам тридцать первая весна.

1948

ПРОЩАНИЕ

Уголок мой под сосною,
Уголок родной, прости!
Распахнулись предо мною
Нынче новые пути.

Далеки — измерить нечем,
Тяжелы — хватило б сил!
Что ж! Я сам себе на плечи
Бремя тяжкое взвалил.

Пусть и холод и усталость,
Пусть подчас и пот с лица, —
Что бы там со мной ни случилось,
Путь пройду я до конца!..

От плетня заковыляла
И с ленцою, без огня,
Собачонка лаять стала
Для остратки на меня.

Пусть полагет! Меряй метры,
Мой дорожный посошок.

Вместе с солнышком и ветром
Грустно мне, но хорошо!

Уголок мой под сосною,
Уголок родной, просги!
Распахнулись предо мною
Нынче новые пути!

1948

Л Е Т Н И Й В Е Ч Е Р

В. К.

Как облака чудесно превращенье!
Я вижу то верблюда, то коня.
Уж близок вечер. Канули в забвенье
Все мелочи угаснувшего дня.

Я к землякам пришел в село родное,
И встретила меня старуха мать.
Хлопочет, рядышком сидит со мною,
Бойтся, что я вдруг уйду опять.

Здесь, на лужайке, пир у нас богатый.
Стоит кувшин на праздничном столе.
А солнце разбросало в час заката
Сандаловые брызги по земле.

За изобилье тост я поднимаю,
За наш колхоз и дом любимый мой.
Тебя, моя подруга, вспоминаю:
Как жаль, что нет тебя сейчас со мной.

Мать догадалась о моей печали.
Так где ж ты, беспокойная душа?

Я пью и вижу — это засверкали
Твои, твои глаза на дне ковша.

И снова сердце что-то взволновало,
Не за калиткою ли ты стоишь?
Не щелкнет ли щеколда, как бывало,
Нетерпеливо, весело?.. Но — тишь.

Над крышею Медведица Большая,
Как этот ковш, что опрокинут мной.
Пусть жизнь всегда сияет нам такая,
Как Млечный Путь, широкий и прямой.

Все тянется вечерняя беседа.
Я — гость, и мне наказ нелегкий дан:
Того попробуй, этого отведай...
А вот и наш прославленный ширтан¹.

Вкусней стократ народа спутник давний,
Когда он — плод артельного труда.
Так пусть же в жизни изобильной, славной
Не сходит со стола он никогда.

Сижу я поздно с матерью своею.
Луна над нами словно круглый сыр,
И для старушки нет минут светлее:
Я с ней — ее неугомный сын!

Но где же, где же ты в минуты эти?
Нет от тебя ни писем, ни вестей.
Когда б к тебе слетал наш теплый ветер,
Ты слышала бы вздох души моей.

¹ Ш и р т а н — колбаса из баранины.

Доносится с насеста шелест перьев.
В молчанье чутком стынут небеса...
Я жду тебя, люблю и, значит, верю,
Коль смог стихотворенье написать!

1946—1952

ЧЕТЫРЕ БЕРЕЗЫ

Алели цветы и грозы...
В деревне родной моей
Росли четыре березы
И четверо сыновей.

По разным ушли дорогам
Подросшие сыновья.
Березы стоят у порога,
А с ними стою и я.

Полет белых веток зыбок.
И тучи плывут, как дым.
Не часто в родимых избах
Мы, выросшие, гостим.

И только в поблекшей раме,
Как вызов вискам седым,
С отцами и матерями
В штанишках простых сидим.

Гордятся родные наши,
Что мы не забыли дом,—

Что мы не в праздники даже
Гостинцы и письма шлем.

И чудится им сквозь слезы,
Что около их дверей
Шумят не четыре березы,
А четверо сыновей.

1947`

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Счастлив я, что довелось мне
Вновь запеть в родном краю.
Вновь тяжелые колосья
Песню слушают мою.

По степи, когда-то бедной
И изрезанной межой,
Мчит нас новая «победа».
Вдоль обочин — рожь стеной.

Машут нам жнецы и жницы
Первым праздничным снопом.
Всюду радостные лица
В блеске солнца золотом.

Тюбетейки и косынки
То всплывут, а то нырнут.
Запрокинутые крынки,
Блеск серпов. В разгаре труд.

А пока энтузиасты
Жнут вручную там и тут,

Выйдут жнейки строем частым
И комбайны подплывут.

Мчит районная машина,
Не пора ль ей отдых дать?
Для хорошего почина
Рожь мне хочется пожать.

Лишь хозяина района
Мановение руки —
И свернул шофер с разгона
По проселку вдоль реки.

Стоп! Машину окружили.
— Головной отряд полка! —
Козырнул один.— Решили
Начинать с бугров пока...

— Да, здесь рожь зеленовата...—
Поддержал его «район».
И походкою солдата
Зашагал к бригаде он.

И смутился тот, кто смелым
Так недавно был в речах:
Даже серп в тряпице белой
Смотрит вниз с его плеча.

— Вам видней,— сказал районный,—
На бугор — так на бугор...—
И сердечный, оживленный
Завязался разговор.

То смеются голосисто,
То у всех серьезный вид.

О пшенице колосистой,
Агротехник говорит.

Говорит и вспоминает
О Лысенко, о Москве.
Сизый дым махорки тает,
Расплываясь в синеве.

За рекой машина с хлебом —
Флаг мелькает на юру,
Красный флаг под синим небом
На порывистом ветру.

1949

* * *

...Вновь я посетил...

А. Пушкин.

Смотрю я вновь на землю, где родился,
Где ветлы старые трепещут в небе
Своей тревожной, изжелта-зеленой,
Еще не ярой, не густой листвою.
Ветла! На наш народ она похожа.
Воткни ты в землю сломанную ветку —
Она растет, пуская тут же корни.
Вот так и мы на берег луговой
Прохладной Камы, в ту страну, что люди
Назвали вслед за русскими Сакам,—
В Закамье наше, лет, пожалуй, триста
Тому назад пришли. Мы оторвались
От племени родного, словно ветка
Ветлы зеленой. Тут воткнулись в землю,
Пустили корни, стали разрастаться...
Мои односельчане! Земляки!
Мы никому еще не позволяли
Нам на ноги в дороге наступать.
В воде не тонем, не горим в огне!
Настойчивый народ густых кровей!

Скажи, где только не скитался ты,
Где не пытался счастья добывать?
Откуда здесь не получают письма?
Но пишем все к родным мы по-чувашки.
Давным-давно в лесу дремучем здешнем
Наш род неистребимый поселился:
Рубил дубы, пни корчевал с трудом,
Из чащи выходил на луговины.
Все так же люди складывали песни
О плуге-друге, о коне-кормильце,
Как в старину о сошке деревянной;
Все так же разрастались ветки рода;
Все так же берегли мы древний, звучный,
Богатый, терпеливый наш язык.

Пошел я вдаль по берегу Инчи...
Спресованный последний черный снег
Лежит еще, таетя по оврагам.
Ольха еще гола, а ива — в почках.
Трава едва пробилась на лужайке.
Прохладен ветер. Все же на полянке
Белеет, розовеет медуница —
Родной природы скромная краса.
Впиваются в цветы лесные пчелы,
И снова песня «Пчелка золотая»,
Стесняя сердце сладостным волненьем,
Звенит, звенит из юности моей...

Когда-то здесь, едва в лесу теплело,
В мои глаза смотрели незабудки —
Весны могучей хрупкие цветы.
Вот и теперь виднеются они,
Невинные и чистые, как прежде,
Но, кажется, я ими не замечен...
А где вы, что взглянули на меня
Впервые, в пору юности зеленой,
Когда сердца цветами раскрывались,

Вы, синие, бездонные глаза?
То робко вы посматривали сбоку,
Ловя мой жадный, ненасытный взор;
То, удивленные, в упор и долго
Глядели вы с упреком молчаливым...
Ужели вас я больше не увижу?
Пускай! Какие вы теперь — я знаю:
Спокойный свет и умные морщинки,
Давно уже устали удивляться,
Нет робости. Но любите все так же,—
Пусть не меня,— вы любите все так же,
Глаза любимой, ясные глаза!

За речкой, где стучит негромко трактор,
Вовсю поет полей родимых птаха —
Неугомонный жаворонок ранний.
Высоко поднимается, высоко
И вдруг, ныряя в голубом просторе,
Слетает вниз. А вон его товарищ
Поднялся, набирая высоту;
И у него свой мир, свои восторги.
Подруга жаворонка на земле
В гнезде сидит на пестрых яйцах тихо;
Едва касаясь, нежно, осторожно
Пощупает их лапками порою:
Все дома,— больше ничего не надо!
Но слышит песню милого она
И различает беспокойный голос
Среди большого хора голосов.
Как сотни гусель, голоса звенят,
Весь день звенят, взлетая выше, выше:
Рожденье жизни, небо, землю славят
Неутомимые певцы полей.

В черемушник вхожу я. Поредел
Ребячий мир. Когда-то мы, босые,
Гуськом сюда вбегали. Забирались

По сучьям на вершины, извиваясь,
Раскачиваясь, словно обезьяны;
И ели мы черемуху, жевали,
Пока язык во рту не цепенел;
И часто оставляли на деревьях
Своих рубях порхающие клочья.
Казались нам хвостами черных кошек
Сверкающие налитые кисти...
Стволы черемух старых поседели,
Засохли кое-где макушки. Ветви
Иными стали — в переломах, ранах.
Но вижу я — растут вокруг деревьев,
Вокруг засохших, обомшелых пней, —
Везде растут, друг друга обгоняя,
Коричневые, с крапинкою серой,
Прямые торопливые ростки.
Растут они семьею неделимой,
Не вытесняя никогда друг друга,
А дружно собираясь в куст единый;
Растут в борьбе настойчивой, питаюсь
Лучами солнца, соками земли.
Проходишь мимо них и ясно видишь,
Как мысли обновителей природы,
Хозяев замечательной земли,
Сама природа подтверждает властно
И превращает в истину для всех.

Синьзе! Так лес называли «Тонким лесом».

Глядишь — стволы руками не обнять;
Иные порубили на делянке,
Поставили, наверно, избы в селах,
А лес по-прежнему зовут Синьзе.
На вырубке, на солнечной поляне,
Теперь шумит орешник молодой.
Сказал я про себя: «Не гнись, орешник!»,
Припомнив песню радостную нашу,

И выбрал ствол покрепче, постройней,
Рукой нащупал корень розоватый,
Изогнутый и вырезал ножом,
Очистив от росточков, от земли.
В моей руке, как скромный дар отчизны,
Надежный, пахнувший орехом, посох.
Прости меня, неутомимый сторож —
Лесник с двухстволкой, с кожаной сумкой,
В болотных порыжелых сапогах,
С веселыми глазами следопыта!
Прости меня ты, добрый человек!
Далек еще мой путь, и впереди
Лежит работа бесконечным полем.
Я жить хочу под нашим небом синим,
Как никогда, все дольше, все полней!
Я жить хочу за всех моих собратьев,
Кто до меня под ношею тяжелой
Горьмя-горел всем юношеским жаром,
Чтоб путь открыть родному языку.
Чтоб силу нашей речи обрести.
За них хочу я в слове воплотить
Их смелые, высокие мечты,
Что оборвались слишком, слишком рано!
За сверстников, кто на войне великой
Глядел в глаза холодной смерти прямо,
Кто, побеждая, голову сложил!
За тех, кто был неправдой, клеветой
Оторван от родимых мест, от близких,
И вдалеке грустил об отчем крае,
Храня к нему и верность и любовь,—
За всех, за всех, мне кажется, я должен
Держать ответ перед моим народом!
Предчувствуя, что дела не закончу,
Тревожно, учащенно бьется сердце;
Вот-вот рванется, выпорхнет... Мне душно,

В глазах темнеет... Если это солнце,
И луг, и лес исчезнут с глаз навеки,—
Вы, молодые, в край придя родимый,
Найдите давнюю мою тропинку!
Узнав мой верный посох, поднимите,
Не дайте сгнить ему в земле сырой;
В руках сжимая, словно эстафету,
Передавайте вы его друг другу,
С тропинки выходите на большак!
На солнце глядя, прямо вдаль шагайте!
И солнце в небе синем, и поля,
И рощи, и дороги травяные
Меня, тревожного, влекли всегда.
Так пусть и вас они влекут все так же —
И в ясный день и в хмурь неотразимо!
Когда вы сядете с друзьями вместе
Передохнуть немного, покурить,—
Быть может, обо мне заговорите.
— Старик скитальцем был неисправимым!—
Друг с другом вы пошутите беззлобно,
Пусть эта шутка вам прибавит силы!

Спасибо, тихий многотравный луг, —
Учил меня ты с малых лет раздумью.
Спасибо, речка быстрая Инча,
С водой все так же сладкой, как шербет!
Благодарю тебя, родимый край,
За дни, когда я пахарем, жнецом
С людьми работал добрыми; за ночи,
Когда сидел я, не смыкая глаз,
Искал во мгле, наощупь, силу слова!
За думы все, что птицами поднялись
Со дна бывшего мира суеверий
К вершине человечности, где властно
Сияет разум! За большое счастье!
За первый шаг, который сделал я,

Ступив на землю эту босиком,
За первый дар — лопоть ржаного хлеба,
Посыпанный зернистой крупной солью;
За первое за памятное слово,
Которое я произнес когда-то
На языке родителей моих,—
За все, за все тебя благодарю!

1951

Земляки

ЭЛЬДИВАН

Старше не было в деревне
Эльдивана-старика.
Дед поистине был древний.
Будь земля ему легка!

Девяносто девять прожил!
Был наказ правленью дан:
Уточнить, почтить... И что же?
Взял да умер Эльдиван.

Он всегда передо мною:
Не высок, да и не мал;
Сед, с былинной бородою,—
С «русской», как он сам сказал.

Он ходил в кафтане белом
Из домашнего сукна,
В шляпе с тульей порыжелой,
Что сваляла в дар жена,—

В дар, когда еще невестой,
Может быть, ему была.

Но об этом здесь не место,
То — семейные дела...

Эльдиван был вечный сторож
Полевой; в селе народ
И прозвал его в ту пору
«Эльдиваном у ворот».

Так и жил в мирской избушке
У ворот он полевых,
Жил один; жены-старушки
Не застал уж я в живых.

На жнитво ль кто выезжает,
В лес ли тащится фургон —
Всех, бывало, провожает
Эльдиван, отдав поклон.

Всадник, женщина ль простая,
Будь то свой, чужой ли будь,—
Всем, ворота открывая,
Говорил он: — Добрый пути!

Пусть далекие дороги
Будут близкими для вас.
Возвращайтесь без тревоги,
Без печали, в добрый час!—

А заметит мимоходом,
Что в оси слаба чека,
Дед сочтет хозяйским долгом
Стукнуть палкою слегка.

Всех приветит он с охотой.
Даже взбалмошный козел,

Проходя в его ворота,
Надо думать, не был зол...

С первым снегом и ненастьем.
Когда скот в хлевах мычал.
Эльдиван — ворота настезь. —
До весны не закрывал.

Страстью давнею гонимый,
Ладил он силки легко
И выслеживал всю зиму
Птиц различных да зверьков.

То хорька, то горностая
Запетлит он на гумне.
— Уж таков охотник стал я,
Даль-то нынче не по мне... —

Вечерами к Эльдивану
Собирался стар и млад:
Сказки сказывал он славно,
Да и былью был богат.

Бил старик когда-то турка
За Дунаем за рекой.
Сохранилась даже трубка —
И в деревне нет такой.

Весь фарфоровый, расписан
Был чилим, как алькоран¹.
А чубук — из кипариса,
Так... аршина в полтора.

Дым проходит через воду,
И не горек будто он;

¹ А л ь к о р а н — коран, религиозная книга мусульман.

Все шипит, как в непогоду
Самовар, что не лужен.

Как затянется сначала
Раза два хозяин сам,
Так по всей избе, бывало,
Трубка ходит по рукам.

Вспомнит были-небылицы
Под дымок старик-солдат.
И не то, чтоб похвалиться —
Просто к слову — спеть он рад:

«Турки, турки, кверху руки!
Нас не чаяли вы здесь?
Дым клубится, пышут трубки,
Прокурили город весь...»

Так — то шуткой, то серьезно —
Занимал старик народ.
В год, что назван был колхозным,
Помню, он пришел на сход.

Он сказал: — Настало время...
Трех царей я пережил.
Жил... Но бедности я бремя
Скинуть не набрался сил.

Не держал в руках я повод,
И старуха — что ни год —
Все вздыхала о корове...
Где там! Пес был весь мой скот.

Дом мой вечно — караулка,
Сказки — вот моя скирда.

Утешала в горе трубка,
Да и та теперь худа.

Время! Ждал я, ждал от века,
Верил: будет праздник нам.
Да, в колхозе человеку
Честь и слава, вижу сам.

Встарь отцы твердили в поле:
«Будь-ка, парень, молодцом!
Кто заплачет здесь от боли —
Посмеется за столом».

А теперь смотреть мне дивно:
Сеют — шагу не шагнут, —
Все машиной... Жнут — и спину
Не согнут: комбайном жнут!

Да, пора... Мне жить немного...
Но велик, как видно, план:
Может, вам и я помога...—
Так сказал дед Эльдиван.

И в колхозе как-то сразу
Изменился наш старик.
Не проронит зря он фразы,
Хоть молчать и не привык.

То к колесам точит спицы,
То, глядишь, скоблит лубки,
То (в хозяйстве пригодится)
Вьет веревку из пеньки,

То — на мельницу порою,
То заглянет к лошадям.

Словно все своей рукою
Хочет он пощупать сам.

С первой оттепелью мастер
Парк машинный проверял.
Старика в те дни я часто
Возле трактора встречал.

Долго, пристально глядел он,
Забывая про чилим,
Как пыхтело и гудело
Что-то властное пред ним.

И кому известно — сколько,
Может, самых горьких дум
И воспоминаний горьких
Волновало старый ум!..

Появлялся председатель:
— Как твое здоровье, дед?
Ты у нас был предсказатель.
Будем с хлебом или нет?

— Снегу сколько! Видим сами.
Надо быть, земля воздаст
Хорошо, когда «гусями»
На полях твердеет наст... —

А весной лишь подсыхала
Ноздреватая земля,
Эльдиван кругом, бывало,
Обойдет пешком поля.

Шел он медленно, но твердо.
Ни полосок, ни межи,

Широка земля! И гордо
Думал старый: «Стоит жить!»

Вдруг не стало Эльдивана.
А о нем уж знал район.
Даже, слышно, «ветераном»
Кем-то там был назван он.

— По-солдатски хороните, —
Чтобы музыка была.
Гроб мой сами не несите, —
Чтоб машина повезла... —

Так сказал старик, прощаясь,
Да еще, уже без сил,
Старикам курцам на зависть,
Трубку в гроб с собой просил.

Свят обычай: все по разу
Затянулись вслед за ним
И вернули, по приказу,
Отходящему чилим.

На шести дубовых ножках
Гроб внесли (дед сделал сам)
И, поставив у окошка,
Пошептались: — Как он там?.. —

А старик лежал спокойно,
Только глаз не открывал.
Не живой и не покойник —
И никак не умирал.

Голова его сползала
Ниже, ниже... То ль уснул?

Наконец, вздохнув, сказал он:
— Жаль, до ста не дотянул! —

С тем и умер. Все, что было
Стариком припасено, —
Холст, белье, чулки и мыло
Чинно в хату внесено.

По обычаю обмыли
На соломе на ржаной.
Причесали, нарядили,
И лежал он как живой.

Табаком набили трубку,
Дали вышитый кисет;
Трут, кремь, огниво в руку —
И готов в путь дальний дед...

На полуторку подняли
Гроб, стараясь не качнуть.
Восемь скрипок заиграли:
«Нам сквозь звезды виден путь...»

Эту песенку солдата
Больше всех старик любил,
Сам певал ее когда-то,
Как на службу уходил.

Он говаривал, что с нею
Даль была ему не даль,
Край чужой — и тот светлее,
Умереть — и то не жалы!..

Гроб в могилу опускали.
Эльдиванов старый друг,

Музыкант Саврук, вначале
Все молчал, молчал — и вдруг

Из-за пазухи достал он
Знаменитый шибыр¹ свой
И сыграл, как встарь бывало,
Эрзерумский марш лихой.

То грозя кому-то резко,
То растягивая звук,
Выводил мотив турецкий
На чувашский лад Саврук.

Чтоб иметь секундный роздых,
Музыкант поколдовал:
Как подбросит шибыр в воздух, —
Тот и в воздухе играл...

Гроб в могиле. Повздыхали.
Каждый бросил горсть земли.
Насыпь крепко трамбовали,
Чтоб солдата дождь не злил.

Напоследок, время выждав,
Глядя в землю, дед Саврук
Обошел могилу трижды,
Совершив по солнцу круг.

Он сказал: — И кость и тело —
Это все теперь сгниет.
Лишь бы имя не истлело,
А оно — переживет... —

¹ Ш и б ы р — род волынки из бычьего пузыря.

Да, старик не зря работал
Верным стражем у ворот:
«Эльдивановы ворота»
Называет их народ!

1939

У Г И М Е

Ухливана-торгаша
Вырыли богатства, —
Люди, будто на базар,
Стали собираться.

Все, что спрятал скупердяй
Загодя когда-то,
Три тяжелых сундука
Вырыли ребята.

Здесь торгуют сапоги,
Рвут из рук сукно там:
«Ох, и нажил толстосум
Нашим горьким потом!»

Видно, Ухливан-кулак
Щукой был зубастой,
Все повадки ведал он;
Кровь сосал — и баста!

Лавку он имел в ссле,
Дьявола приятель...

— Вот и шелковая шаль,—
Крикнул председатель.

Ну и шаль! Глаза слепит
Блеском самоцветным;
Как тут сил найти в себе,
Скрыться незаметно?!

Пляшет в пальцах бахрама —
Огоньки сверкают,
Глянь — друг дружку локотком
Девушки толкают.

Председатель поднял шаль,
Ухмыльнулся тонко:
Щеголяла в ней подчас
Ухливана женка;

Шаль возьми ты, Угиме,
А уплатишь после. —
Ты ведь скоро дочерей
Выпестуешь взрослых. —

Угиме смутилась тут,
Рдеют щски-розы.
— В сентябре уплатишь долг! —
Молвил предколхоза.

— Что ж, — добавил счетовод, —
Ты теперь богата,
За шесть сотен трудодней
Дорога и плата;

Ты о дочках не тужи,
Не было печали!

А потрудятся — себе
Сами купят шали... —

Муж у тетки Угиме
Не был долговечным,
Но оставил ей сирот —
Не скупясь, конечно.

Вот и мается вдова,
Чей удел несладок:
Приголубит кто чужих,
В дом возьмет ребяток?..

Люди сватали ее,
Предлагали замуж, —
Отвечает: — Сын растет,
Не до свадеб нам уж!..

Вдовье дело — шить, стирать,
И, в конечном счете,
Не щадить остатка сил
На мужской работе.

То бранит, то слезы льет,
Горькой шуткой мучит:
«Потерпите — и нужда
Булки есть отучит!..»

В старой вязанке своей,
В армяке коротком,
Лет за тридцать уж давно
Выглядела тетка.

А сейчас она — в шелку,
Повязалась шалью,

И румяною зарей
Щеки заиграли.

Смотрит на вдову народ —
Приключилось диво:
И не знали до сих пор,
Как она красива!

«Вот опять вошла в красу.—
Признаются честно,—
Право, наша Угиме
Нынче что невеста...»

1959

У Н Я Х В И

Скажут «Уняхви» — и память
Вспыхивает в тот же миг:
Смотрит тихими глазами
Бедной внешности старик.

В деревнях у нас, бывало,
Чтоб свести с налогом счет,
Беднота с торгов пускала
Барахло свое и скот.

Уняхви не ведал скуки:
Он, хоть был и нищ и мал,
Но не свадьбы и учуки¹
А торги предпочитал.

Да и в церкви (не забыть бы!)
За всю жизнь он дважды был:
В день рожденья, в час женитьбы,
А к отходной не спешил.

¹ Учуки — языческий обряд, совершаемый в поле.

О «торгах» едва услышит —
Закипала в старце прыть.
Что ж, рассудите: барышник,
Иль кулак он, может быть?

Нет, с торгов он даже спички
Не купил бы, ей-же-ей:
В караулке по привычке
Постоит он у дверей.

Дым в избе лилов и горек,
Речь, как присказка, проста:
«Тридцать пять...—Кто больше?—Сорок.—
Догоняйте до полста!»

— Шестьдесят!
— Так что же — точка?.. —
И тогда прорежет тишь
Чей-то смех из уголочка:
— Уняхви, чего молчишь?.. —

Он шутить: — Набавлю гривну! —
Улыбается народ.
Ну, а он глядит наивно,
Даже глазом не моргнет.

Снова шумно, снова — душно,
А старик — худой, больной —
Прячет руку равнодушно
За сутулою спиной.

*

Я его таким запомнил:
Невеселый озорник,

Со своей лачужкой темной
Был в одних годах старик.

А когда мы воевали
Толстосумов, кулаков, —
Все дома их продавали
Власти сельские с торгов.

Как пропустит старичина!
Хоть зови, хоть не зови,
На торги являлся чинно,
С толстой палкой Уняхви.

И однажды, басом грянув,
Дед сказал в дыму густом:
— Покупаю Лариванов
Пятистенный новый дом!

Ни к чему он мне, пожалуй,
Недалеко до конца,
Да спешит ко мне мой малый,
Я узнал из письмаца;

Думал: сына больше нету,
Оказалось: сын — герой;
Может, видели газету,
Где портретик на второй?

Пишет мне орел: «Папаша,
У меня в медалях грудь,
Мой поклон сельчанам нашим,
Приезжаю подмогнуть!..»

В октябре, скажу по чести,
Молодца хочу женить,

Как введет он в дом невесту,
Коль в лачуге буду жить?!

Жизнь не та, пора вам знать бы,
Шлет Ягур гостинцы вам;
Для сынка веселой свадьбы
Я скопил денег и сам...

Из-за пазухи дед вынул
Толстый кожаный кисет
И на стол небрежно кинул:
Вот каков сегодня дед!

И никто не засмеялся,
Хоть доселе человек
Горькой шуткой утешался
Свой нелегкий долгий век.

Дед мечтал об этом чуде
Не один, должно быть, год...
Значит, братцы, век наш людям
По заслугам воздаст!

САНДОР - ШАПКОВЕРТ

Красным летом начинал
И до санного пути
В нашем крае объезжал
Все базары он почти.
Кто не знал о нем, не слышал?
Шапка Сандора всех выше.

То ль отцовская она,
То ль от деда перешла, —
С верхом красного сукна
Шапка древняя была:
Куний мех — краса мужчины —
Полысел наполовину.

Рыжий, штопанный азам,
Старый выцветший кушак.
Худощав и строен сам,
Балагур и весельчак,
Он ходил чуть-чуть вразвалку,
Вечно с яблоневой палкой.

А на палке тут и там —
Морды змей, собак, зверей
Вырезал он по сучкам,
Это целый был музей.
Мордам тем, в резьбе искусен,
И глаза вставлял из бусин.

И на этой палке так
Шапку он свою вращал,
Так кричал, что слышал всяк,
Весь базар к нему бежал!
Вся цена-то, может, глотке —
Пива ковш да рюмка водки.

— Вот кобыла! Что ни шаг —
Жеребенка принесет.
Человек без барыша
Чуть не даром отдает:
Рубь кобыла, только просит
Сто на магарыч подбросить...

Вот корова! Слышь, народ!
До такой, брат, далеко!
Вымя щупайте вперед:
Масло в нем, не молоко.
Рубь цена, да за рога вот
Разве сто рублей прибавят... —

Так вертелась над толпой
Кунья шапка там и здесь.
Так, хваля товар чужой,
Пел свою глашатай песнь.
Дело, может, и не в хмеле,
Что там кружка в самом деле!

Просто хочет человек
С жизни сбросить скуки груз.
— Вот! — кричит он, — целый век
Помнить будете арбуз:
Красный, как девичьи щеки.
Слаще меда и сычевки!..

Постели любым гостям —
Вот кошма ворблюжья, вот!..
Черемшанской рыбы вам?
Так пойдем за мной, народ!
Рыба свежая, с похмелья
Съешь и — снова за веселье!.. —

Вот таков был мой земляк —
Знаменитый шапковерт.
Он по-своему вот так
Оживлял мужицкий торг.
Сам же Сандор — вряд ли лишний
Смог наторговать семишник.

Каждый, кто его встречал,
Пусть не на базаре, все ж
Головой ему кивал:
Как, мол, вертишь? Как живешь?
— Как же, как же! Крутим, вертим,
Чтоб подальше быть от смерти.

Говорят, ведь и земля
Наша вертится? Так что ж!
Вот и крутишься, пыля,
В пыль пока не упадешь.
Так вот и несет нас ветер —
И меня... и всех на свете... —

Детства милые края
Посетил я по весне.
— Бригадиром нынче я! —
Руку подал Сандор мне.
Так сказал он это важно, —
Я сперва смутился даже.

Слово за слово... И вот
Человек другой встает:
Сандор — конюх, к о н е в о д,
Как он сам себя зовет,
И ведет меня в конюшню:
— Посмотри, пиши что нужно... —

Светлогривый рыжий конь
Равнодушный принял вид.
— Это наш Вутлан — Огонь, —
Бригадир мне говорит, —
Не гляди, что он спокоен,
Этот конь — бывалый воин.

Председатель наш на нем
До Берлина мерил путь
И на нем же в отчий дом
Возвратился, не забудь!
А на скачках мы с Вутланом
Взяли приз... Коняга славный!

Был в газете и портрет,
Может, видел? Жаль, что нет...
Вот он! — Я смотрю на свет:
Всадник и стишок «Привет».

— Значит, вертится?! — кричу я.
Улыбнулся Сандор: — Чую...

Да, вертелось над землей
Наше счастье там и сям.
Лишь с колхозною семьей
Счастью я хозяин сам.

1939—1950

ПОСЛЕДНИЙ

Как все предки в скромном роде
Карандаевом, Матвей
Век известен был в народе
Под фамилией своей.

Жил, пахал свой клин... Когда же
Встал народ на путь иной,
Чуть фамилии он даже
Не лишился коренной.

Было все село в колхозе,
И поди-ка — разгадай,
Почему с сохой елозил
В одиночку Карандай.

Из района приезжали
И из центра. Сколько раз
На собраниях убеждали:
Отстаешь, мол, ты от масс!

Так иль этак — ежегодно
Среди ста дворов с тех пор

Кляксой в ведомости сводной
Был один Матвеев двор.

Счетовод, бывало, колет:
— С головою чуваша
Врозь с народом жить легко ли,
Одинокая душа?

Что ж, отдельный список долго
На тебя писать, скажи?
— Подожду... Что в спешке толку?
Чай, колхоз не убежит...

Шла родня к нему с укором:
— Ты роняешь рода честь,
Чтоб тебя сразило мором!
Погляди — какой ты есть!

Сесть за стол с тобою стыдно,
Ты хиреешь с каждым днем,
Обнищал совсем, как видно,
А гляди, как мы живем! —

Отвечал Матвей, не споря:
— Так-то так... Доход плохой... —
Но царапал так же — с горя —
Землю собственной сохой.

Председатель с речью пылкой
Сам пришел: вступай, мол, друг!
А Матвей чесал в затылке:
— Надо б, только недосуг...—

А не то и огрызнется:
— Дайте жить мне самому!

Как оно там обернется —
Не известно никому...

— Как? Да так же! Скоро двадцать
Лет колхозу. В день родин
Юбилей у нас справляться
Будет, брат, а ты — один!..

— Да, пока один... А что же?
Ну, как если — врозь колхоз?..
— А! Так ты подкладыш¹, может? —
Кто-то едко произнес.

Слово накрепко пристало,
Точно клещ, — не оторвать!
Вся с тех пор деревня стала
Так Матвея называть.

Повторять не нужно дважды:
— Кто? Матвей? Какой такой? —
Вмиг тебе ответит каждый:
— Да Подкладыш, кто ж другой?

И в чужом селе (ведь надо ж!)
Кто-то раз слышал вопрос:
— Что ты, как Матвей Подкладыш?
Недосуг вступить в колхоз?

«Карандая» все забыли,
Словно тот и не бывал.
Так под кличкой, без фамилии
Наш Матвей и проживал.

¹ Яйцо, которое кладут в гнездо курицы, чтобы она не нес-
лась в другом месте.

А старуха страсть серчала —
У нее характер крут.
— Срам! Подкладыш-то, — кричала, —
Ведь под курицу кладут!

Без того они с супругом
В жизни ладили с трудом,
А теперь пошло все кругом,
Будто вихрь ворвался в дом.

— Жить не стану! — заявила. —
Баста! Маюсь сорок лет!
Без людей мне жизнь постыла,
А в колхоз прошусь — так нет!

Ведь подкладыш-то под клушкой,
Глядь, и станет болтуном,
Он не стоит и полушки,
Стыд, позор, как мы живем.

Вот дождешься — станут люди
И Подкурициным звать.
То-то с новой кличкой будет
Знатно жить да поживать! —

И сама — за дверь. По коже
Старика подрал мороз.
А она кричит: — Назло же,
Так и знай, — вступлю в колхоз! —

У соседей заявленье
Написал парнишка ей,
И пошла она в правленье
Тут же с просьбою своей...

Без костей язык, что ж делать!
Как накаркала она,
Словно в воду поглядела
Карандаева жена:

Все сбылось весть! И недели
Не прошло с той ссоры, глядь,
Уж Матвея в самом деле
Новой кличкой стали звать.

Человек словечко бросит,
А оно — ножа острей:
— Чей Матвей? — бывало, спросят.
— Да Подкурицын Матвей...

От своих-то по привычке
Он стерпел бы как-нибудь,
Да чужие хлесткой кличкой
Тоже любят козырнуть.

Вдруг — нет-нет — и скажет кто-то:
— Видно, били не до слез,
Что спешишь ты на работу,
Как Подкурицын в колхоз... —

Может, наш единоличник
Так и прожил бы свой срок
С этой кличкой неприличной,
Если б случай не помог.

К юбилейному веселью
По колхозу «Амарду»¹
Уж с утра блины шипели
Шириной в сковороду.

¹ «Амарду» — «Соревнование».

Пива свежего старухи
Нацедили. Старики
Наварили медовухи
Всяким нормам вопреки.

Ведь не зря ж почти неделю
Все они кряхтели днем,
И комбайн иным с похмелья
Представлялся кораблем...

В день веселый юбилея
Вдруг явился кум Максим.
— Приходи к нам, кум! — Матвея
Он на праздник пригласил.

Тот в ответ: — Нет! Скажут люди —
На готовое пришел.
Не проси. Неладно будет.
Попрекнут. Нехорошо.

— Председатель сам ведь просит.
Будь спокоен, кум, вполне!
— Если так... Нет, лучше спросим,
Что старуха скажет мне?

— Прибери себя хоть малость, —
Говорит жена ему. —
Борода-то вся свалаялась!
Зубы скалить ни к чему.

Грязь-то смой! Возьми вон мыло,
«Ландыш»... жаль, да так и быть:
Чтоб людей не стыдно было... —
И пошла, пошла костить!..

К юбилею все готово
У колхоза «Амарду».
Говор, смех стоит в плодовом
Молодом, густом саду.

Сад под солнцем свеж и пышен,
Сливы, яблоки видны,
Ветви сплошь красны от вишен,
От смородины черны.

По-над речкою питомник,
На пригорке ж, знай, гремит
Мощный радиоприемник,
А кругом народ стоит.

Не один здесь стол сколочен,
И скамьи вокруг столов;
Мясом пахнет — нету мочи:
Мол, садись, обед готов!

Два бочонка друг за дружкой
Старики вкатили в сад.
И фарфоровые кружки
Стройно выстроились в ряд.

Стал налаживать скрипицу
Дед — скрипач и пчеловод.
Встали в круг певцы, певицы,
Приумолкнув, ждет народ.

Председатель, парень бравый,
Держит речь. Хоть юн на вид,
А военный орден «Славы»
На груди его блестит.

— ... Мы хозяйствуем артелью
Двадцать лет уж! Не шути!
Продвигаемся мы к цели
По научному пути...

Вновь напомнить — пользы ради —
Кой-кому я здесь хочу:
С чем один не в силах сладить,
То народу по плечу...

— А толков наш председатель,
Как-никак башка варит!
И тебя поддел он кстати! —
Кум Матвею говорит.

Тот поскреб рукою темя:
— Поздно я взялся за ум! —
А Максим: — Еще есть время
Все поправить. — Ой ли, кум?

— Будь здоров! — Максим солидно
Произнес. — Спасибо, пей!
— Нынче ты в читальню, видно,
Не заходишь, кум Матвей?

А в газетах пишут: В Польше
И в Болгарии вперед
Жизнь идет, артелей больше
С каждым днем. Растет народ!

Ты смекни: земля навечно
Нам дана. В стране своей
Мы ведь сила, друг сердечный!..
Будь здоров! — Спасибо, пей!..

Прогодал. Моя ошибка.
Сам себе испортил жизнь.
Вы идете больно шибко, —
Как догнать? Хоть в гроб ложись...

— Коли хочешь, вмиг, без шума!..
Дайте слово!.. Кум тут мой
К нам в колхоз вступить надумал
Тоже, следом за женой!..

— Что ж, пусть пишет заявленье, —
Председатель подмигнул, —
Не открыть же тут нам пренья! —
И хитро на всех взглянул.

— Может, коль народ не против,
Здесь решим? А то пока
Суд да дело, — все он вроде
Холостого гусака! —

Толк старуха локтем мужа:
— Сам скажи! Все вас учить!
Или прозвище похуже
Захотелось получить? —

Тот откашлялся. — Сам знаю —
Не на месяц, не на год
Опоздал я, но желаю
Нынче жить, как весь народ.

Все сказал я без утайки,
Мой недолог разговор:
От сохи-то попрошайки
Только слезы да позор.

А в колхозе дело справит
На картошке и она...
А бумагу кум составит,
Завтра ж будет подана... —

Счетовод меж тем мальчишку
Подозвал и под шумок
Зашептал: — Лупи, братишка,
К телефону со всех ног!

Дозвонись в район... Момента
Не теряй, брат, по пути!
Передай, что сто процентов
В «Амарду» теперь... Лети!

Да... постой... Еще о деле:
Сводку я послал вчера ж...
Пусть укажут, что в артели
Он... Матвей Агапыч наш. —

Три последних слова вслух он,
Как нарочно, произнес.
Покосившись на старуху,
Карандай тут поднял нос.

Как его ни называли:
То Подкладыш, то Гусак,
То Подкурицын... Едва ли
Клей столярный липнет так,

Как та кличка, что народом
В осуждение дана.
Лишь трудами — год за годом —
Изживается она.

По добру, не для укора,
Говорят из края в край:
Хоронись от бед и мора,
От людей не отставай!

Нынче люди-то учены,
Все в артелях в добрый час, —
Словно белые вороны —
Не колхозники у нас.

Потому народ доньше
Острым словом метит их,
К коммунизму и в помине
Не останется таких.

Даже сразу не поверишь,
Что на весь окрестный край
За глаза и то теперь уж
Он зовется — Карандай.

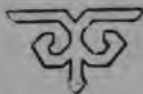
Нынче так и говорится:
— Кто? — Матвей Агапыч! — Как
С трудоднями? — В месяц тридцать
Заработал. — Это так! —

Правда, будто кто-то слышал,
Как шутник, взглянув вокруг:
— Из-под курицы, мол, вышел,—
Про Матвея брякнул вдруг.

Что ж, такие пустословы,
Надо думать, всюду есть.
Но у нас корят сурово
Тех, кто любит лапти плести.

— Он давно уж с нами вместе,
Что ж колоть его весь век?
Он — ударник честь по чести,
Свой, советский человек!

1949—1950

Суровые годы

НЕПРИСТУПНЫЙ ЛЕНИНГРАД

Сурова невская волна,
Свинцом блестит вода.
Не будет пленницей она —
Ничью! Никогда!

Дворцы, музеи и сады,
И бронзу, и гранит
Народ, как кровные труды,
Навеки сохранит.

Проспекты, улицы, мосты —
Все родине под стать:
На всем российской широты
И вольности печать.

С железного броневика
Простертая вперед
Вождя знакомая рука
К победе нас ведет.

Великой совестью страны,
Не бронзовый — живой,

В багровом зареве войны
Встал Ленин над землей..

Сурова невяская волна,
Свинцом блестит вода.
Не будет пленницей она —
Ничьею! Никогда!

1941, июль. Ленинград

* * *

Навстречу падающим звездам
Летят светящиеся пули.
Под августовским небосводом
Друзья мои навек уснули...

Я древнее поверье вспомнил:
Звездой отмечен жизни жребий.
И в детстве было так легко мне
Кричать: «Моя звезда на небе!»

А ныне молча провожаю
Звезду, ныряющую в пропасть,
И поневоле обнажаю
Я голову в сыром окопе...

Ребята, воины простые,
Едва был начат путь их жизни,
Сыны суровых лет России,
Все отдали они отчизне.

Прекрасна молодость, — прекрасней
Мне песни не сложить. Но если

В ночи звезда моя погаснет,
Я мир с одной покину песней:

Пусть звезды падают... Нет краше
Звезды земной, пятиконечной.
И кровью чистою всех павших
Алеть и пламенеть ей вечно!

1942

ЕРМАК

От взрывов пенилась река.
Лил дождь. Врывался ветер в щели.
Не что-нибудь, а «Ермака»
В ту ночь осеннюю мы пели.

Наперекор погоде злой
Крепчал знакомый бас под кручей:
«С рассветом глас раздастся мой,
На славу и на смерть зовущий...»

То голос командира был,
Его всегда мы узнавали.
Он песни русские любил
Попеть в походе, на привале.

В Сибири он оставил дом,
На Иртыше своем бурливом,
И воевал за тихий Дон,
За Волгу кровь уже пролил он...

Рассвет забрезжил над рекой.
На юг гусей летела стая.

Наш командир махнул рукой
И встал, над нами вырастая:

— Друзья! — сказал он, — поплывем.
На сорок человек две лодки...
На нас не панцирь, не шелом,—
На нас шинели и пилотки.

Должны форсировать мы Дон,
Победу взять ценою крови.
Кто выйдет — значит, счастлив он.
А нет — прощай... Не хмурьте брови.

Велик наш край. Кругом в степи
Простора солнечного много.
Но некуда нам отступить:
Товарищи, за нами Волга!.. —

И первым бросился в реку
Наш командир: — За мной, ребята! —
На том и этом берегу
Заговорили автоматы.

Плывем — волне наперекор —
За храбрым командиром нашим.
В нас боевой пылал задор,
Осенний Дон нам был не страшен.

Но взвыл мотор над нами вдруг,
И волны вновь забушевали.
Тут был убит наш лучший друг,
Но мы... мы этого не знали.

Покамест в предрассветный час
Сражались мы за переправу,

Все верили, что он средь нас, —
И впереди идет по праву.

Все смолкло. Разожгли костер.
Вокруг костра сушиться стали.
И тут заметили... С тех пор
Мы Ермаком его прозвали.

Как жил — живет и будет жить
Он с нами, наш Ермак чудесный.
Да жаль вот — новую сложить
О нем мы не сумели песню!

1942

ЖУРАВЛИ

Мы залегли в бурьяне и в пыли.
Замолкла к ночи канонада.
И только пролетают журавли,
Курлыча грустно, к Сталинграду.

Расстроенный гортанный голос птиц,
Нет-нет, и затрубит вожак их.
Летят они вдоль Млечного Пути
Туда, за море, в край свой жаркий...

О журавли! Далеко, далеко ваш путь...
Пусть мне под утро — снова к бою,
Но жалко вас: вам негде отдохнуть
В полях, повыжженных войною.

Рокочет где-то самолет вдали.
Рокочет наш. Знаком по звуку.
Вы можете спокойно, журавли,
Лететь под ним, даю поруку.

До скорого свиданья, журавли,
Лететь вам далеко-далече!

Весною на полях моей земли
У нас иная будет встреча.

Пока же — равнодушный Млечный Путь
И звезд холодных мириады,
Тоска, что до утра не даст уснуть,
И зарево над Сталинградом...

1942

САЛАМБИ

Моей дочери

На письмо мое в ответ
Ты бы мне писала тоже.
Но тебе так мало лет!
Ты писать еще не можешь.

Как растешь ты без меня?
Вспоминаешь ли солдата?
На войне, среди огня,
Образ твой храню я свято.

И в землянке и в пути
Мне твой взгляд повсюду светит...
Бегай, радуйся, расти,
Будь счастливою на свете!

*

Твой портрет — со мной всегда.
С ним я в бой иду смелее,
С ним в любые холода
Мне становится теплее.

Ты приснилась мне во сне, —
Значит, смерть промчится мимо.
Талисманом служит мне
Образ дочери любимой.

*

Вьется ласточек семья...
Ты прости меня, родная, —
К ним тебя не вынес я,
Наш обычай вспоминая,
Чтобы ты, пока мала,
Щебет их переняла ¹.

Я на пчелок золотых
Загляделся мимоходом...
Ты прости, что губ твоих
Я не смазал сладким медом,
Чтобы речь твоя была
И сладка и весела ².

*

Дождь свинца и мрак ночной...
Мне в землянке одиноко...
Хорошо, что ты со мной!
Хорошо, что ты далеко!

На портрет я твой гляжу
И как будто молодею.
Снова силу нахожу
И стихом опять владею.

¹ Маленьких детей чувашки выносят весной к ласточкам, чтобы птицы «дали им такой же нежный язык».

² Тоже народный обычай.

Ветра шум в сухой листве...
Вдруг себе я представляю
Кровь на детской голове, —
Вздрыгнув сердцем, замираю.

Дождь свинца и мрак ночной...
Мне в землянке одиноко...
Хорошо, что ты со мной!
Хорошо, что ты далеко!

*

Пишут мне — ты любишь турах¹,
Ты в меня пошла как раз.
Только бабка смотрит хмуро —
Ведь коровы нет у вас!

Пишут мне — ты резвой стала, —
Бьешь посуду, — пишут мне.
А теперь посуды мало,
Гончары-то на войне.

Ты с утра до самой ночки
Скачешь, точно воробей.
Штопать рваные чулочки
Трудно бабушке твоей.

Их, ворча, она латает
В тихом доме у окна.
Даже ниток не хватает!
Что поделаешь, — война!

Знаю. Вижу все отсюда.
Но вернем мы все назад.

¹ Т у р а х — род варенца из топленого молока.

Будет тóрах, и посуда,
И чулки для всех ребят!

*

Вьюга белая шумит.
Норовит забраться в щели.
Внучка с бабушкой сидит
И грустит под шум метели.

Скучно ей. Игрушек нет.
Кто теперь их ей приносит?
— Спой мне песню, азанне! ¹ —
Саламби старушку просит.

Долог бабушкин рассказ,
Песня медленно струится...
Как хотел бы я сейчас
Сам в ребенка превратиться!

Слушать сказку, чуть дыша,
Под шуршание пороши...
Если сказка хороша,
У нее — конец хороший!

Нет! Не сказка жизнь бойца.
Все в ней трудно, переменно.
Но хорошего конца
Мы дождемся непременно!

1942

¹ А з а н н е — бабушка (чувашик)

КЛЯТВА ВОЛГЕ

Волга! Родное, заветное слово,
Песней звенящее в каждом из нас!
Клятвой солдата клянемся мы снова,
Волга, тебе в испытания час.

Встанем стеною, как встали когда-то
Наши отцы за отчизну свою.
Можем, должны мы побить супостата,
Духом не дрогнем в жестоком бою.

Волга, кормилица наша родная!
Кто, вспоминая тебя, не вздохнет?
Гордые волны от края до края
Славят на всех языках наш народ.

Волга — отрадные глазу просторы,
Бакен, надеждой горящий вдали;
Поймы, луга и лесистые горы,
Ой, Жигули вы мои, Жигули!

Волга — народного вольного духа
Символ немеркнувший, вечный призыв!

Словно вчера еще Разин на стругах
Здесь проплывал по волнам на низы.

Здесь пугачевская пушка среди пашен
Вдруг иногда остановит наш плуг.
Русский, татарин, башкир и чувашин —
Каждый друг другу здесь исстари друг.

Шли рука об руку храбрый Тудимер,
Старый Булат и джигит Салават;¹
Шли, чтобы правнуки, гордые ими,
Лучшие в мире добыли права.

Волгою гребень невиданный вспенен,
Будет шуметь он в веках и мирах.
Это — бессмертие родины — Ленин,
С именем чьим победили мы мрак.

Всюду и вечно пребудет он с нами —
Честью, присягою в каждой груди.
Знамя чистейшее, Ленина знамя,
Нас осеняет на нашем пути.

1942

¹ Герои-пугачевцы: чуваш, татарин и башкир по национальности.

СМЕРТЬ РЯДОВОГО

Пыль и дым. И полыни запах.
Автоматов слепых трескогня...
Он упал головой на запад,
Котелком и лопатой звеня.

Он упал, человек с востока,
Вражьей пулей убит наповал.
Руки так он раскинул широко,
Словно шар земной обнимал.

Его родина там, далеко,
Где Памир, где была тишина...
Но когда в руки взял он винтовку,
До Карпат пролегла страна.

Хоронили бойца всем взводом,
Хоть от взвода осталась треть.
Головой положили к восходу,
Ибо смертью попрад он смерть.

1942

А Л Ы Й Ш А Р Ф

На прощанье подарила
Алый шарф подруга;
Как дарила, говорила,
Обнимая друга:

«Коль вернешь ты мне сохранным
Мой подарок скромный,
Значит, поздно или рано,
Сам ты будешь дома...»

Развернула шарф широкий,
С другом помолчала;
Посмотрела вдоль дороги
И поцеловала.

Шел он с севера до юга
С именем заветным;
Испытал и зной и выюгу
На пути победном.

И, с подарком неразлучен,
Воевал, как надо.

У донских он был излучин,
Был у Сталинграда...

Командир упал, сраженный
В схватки час суровый.
Парень, боем опаленный,
Не сказал ни слова.

Размотал он шарф на шее,
Развернул как знамя,
И воскликнул над траншеей:
«Родина — за нами!»

Силу ярости утроив,
Из окопов тесных
Шквалом хлынули герои
За бойцом безвестным.

А бойцу казалось — где-то
В далях, за снегами,
Взор любимый видит это
Маленькое знамя.

1943

Г А Н Н А

...По этой дороге
В тоске и тревоге
В то лето я шел на восток.
«Ой, добрые люди!
Да что ж это будет?» —
Вослед мне звенел голосок.

Запомнил я Ганну:
Девчурке румяной
Шел галстук с горящим костром...
И образ тот долго
Над Доном, над Волгой
Был рядом со мною потом.

А в сердце вставала
И сердце сжигала
Вся в ранах сквозных Беларусь...
Промчалось два года
В боях и походах,
К победе — на запад я рвусь.

Над шляхом просторным,
Всё в угольях черных,
Дымясь, догорает село.
И вновь меня с Ганной
Случайно, неожиданно
Солдатское счастье свело.

Худа, бледновата, —
Живут не богато,
Но дни шли своим чередом:
Не галстук на шее, —
На блузке алеет
Значок комсомольский флажком.

И девушка ловко
Достала листовку:
«Мы верили... ждали мы вас...»
Под черной березой
Закапали слезы
Из синих смеющихся глаз...

Н О В О Г О Д Н Е Е

Третий раз, друзья, встречаем
Новый год в землянке.
Котелок с грузинским чаем
Да консервов банка.

Эй, сержант! Где наша фляга?
Пусть засеребрится
Чудодейственная влага
Марки «Горе фрицу!»

Старшина! Ты был не постник:
Лей, не проливая.
Может статья, скоро в гости
Приглашу тебя я.

Может статья, в день парада,
В первомайском громе,
Вспомним степи Сталинграда,
Брянский лес и Гомель.

Вспомним вьюги в балке снежной,
Зной, и пыль, и жажду,

И зальем ее, конечно,
Не водой овражной.

Вспомним о друзьях, о дружбе —
Боевой, походной.
О солдатской нашей службе,
Трудной и почетной.

А пока — сжимай винтовку
И вперед, не так ли?
И за это нашу сотку
Выпьем всю, до капли!

1943—1944

* * *

Равниной ровенской зеленой
Летит на запад поезд наш.
А под откосом, разбомбленный,
Мелькнул вагон: «Кап. рем. Канаш».

Канаш!.. Кто б мог понять то чувство,
Каким объят я в этот час?
Мне стало радостно и грустно,
Улыбка... и — слеза из глаз.

Меня баюкает, качает
Воспоминанье светлых лет...
Жить Канашу! Ведь означает
Канаш по-нашему — Совет.

1944, апрель

Ровно — Луцк

З Д Р А В С Т В У Й , Н А Ш П Е Р В О М А Й

Свежий ветер в кустах краснотала.
Затянулся гусей перелет.
«Что-то нынче весна запоздала, —
Говорит в ожиданье народ, —
И примет незнакомых полна,
Знать, особенной будет она!..»

Да, сквозь холод и ночь силы темной,
Не сдаваясь покою и сну,
Мы несем на победных знаменах
Небывалую миру весну.
Так встречай же ты нас, принимай,
Боевой, трудовой Первомай!

1944. Гараджа

ПАВЛО ТЫЧИНЕ

В секстинах стремительных, в строгих терцинах
Доходит Ваш голос до нас.
Мы чувствуем локоть поэта Тычины,
И песней звучит нам приказ.

Пылают сады, от музеев — руины...
Но, что бы ни видел мой глаз,
Бессмертна в единой семье Украина
И вечен в ней песен запас.

Пусть гарью и кровью заря запеклась,
«Твой пепел стучит в мое сердце, Клаас!» —
То голос Ваш гневный, призывный.
И мать, кем был вскормлен великий Тарас,
Почуяла в Ваших словах в скорбный час
Объятия верного сына.

1944

ПЕСНЬ О ПОБЕДЕ

Эта песня о победе.

Наливайте ковш резной
Брагой пенистой, хмельной!

Приглашаю я гостей:
Сядьте в ряд да потесней.
Пей да дело разумей!

Кто мечтает, кто вперед
Дум своих стремится полет,
Тот со мною запоет.

1

Сталинград... Бывал и я там.
Вот медаль солдата вам.
Никаким я бриллиантам
Предпочтенья не отдам!

Шелк-муар зеленой ленты —
Для меня сверкает он

Изумрудом самоцветным
И волнуется, как Дон.

А рубиновая жила —
Крови след, на страх врагам,
Что победа проложила
С Волги к рейнским берегам.

2

Зной был адский. Все до тленья,
Все до белого каленья
Выжег август, но терпи.
Роты, взводы, отделенья
Поезд высыпал в степи.

Зажелтел подсолнух, ожил
Сиротливый уголок. *
Слез узбек, и вынул ножик,
И по смуглой водит коже,
Глядя в зеркальца кружок.

— «Воздух!» — шутит с ним татарин.
Не моргнул и глазом парень:
— Что мне! Я ведь не мулла.
Есть земные, брат, дела!.. —
Улыбнулся взглядом карим.

Легкой шуткой, гневом сердца
И попутным ветерком
Нас бодрило. Шли пешком...
Не видал пока я немца,
И со мной он не знаком!

Целый день мы прошагали,
 Просоленные в поту.
 В нашей роте не слышали
 Слова мы «невмоготу».
 Неумытые, в пыли,
 С марша в пекло мы вошли.

От бомбежки нету мочи:
 Рев и вой, пожар и гром —
 Дни и ночи, дни и ночи...
 Все темным-темно кругом.
 Эх, лопата! Почему
 Так узка ты, не пойму!

Только здесь земля что камень;
 На позиции своей
 Ты вцепись в нее руками,
 Чтобы кровь из-под ногтей!
 Ты — пехота, так смелей,
 Будь царицею полей!

Танков лязг... Лежишь ты в поле.
 Ближе черные кресты...
 И в ладони сжал до боли
 Первую гранату ты.
 Ты — пехота: сам живи
 И врага останови!

Было: пали, но не сдали.
 Помни их, отчизна-мать!
 Сталинградские медали
 Могут многое сказать.
 В них начало всех побед
 И грядущей славы свет.

...Мой окоп обороняет
 Взвода линию, а с ним —
 Взводом — роту мы храним,
 Рота наша охраняет
 Батальон, тот — полк, а тот...
 Так до армии идет,
 Все наш брат солдат скрепляет.

Да, до армии, до фронта,
 И до самой до Москвы!
 С рядовым не очень вы...
 Рядовой боец! Уж он-то
 Знает нынче, что к чему,
 Чем обязан мир ему,
 Наш солдат, он с горизонтом!

«...Если буду я убит,
 Хороните коммунистом...» —
 Так солдат пером скрипит
 Под обрывом каменистым.
 Так и я пишу; кипит
 Кровь под грохотом и свистом,
 И возвышеннее строк
 Я в ту ночь найти не мог.

Занялась заря степная,
 Окровавив неба гладь.
 Кто кого, а я, мечтая,
 Вижу сгорбленную мать:

Не могла б она, я знаю,
Хоть бы раз зарю прослать.
В эти ночи, в эти ночи
Скорбь не даст сомкнуть ей очи...

Степь чернеет лебедой,
В ноздри запах бьет полынный.
Враг — за энской высотой.
Все изрыто бомбой, миной.
Ты сегодня встал живой,
Но лишь начал день свой длинный.
Солнце всходит — и оно,
Как снаряд, раскалено.

Здесь сошлись два мира к бою.
Сто шагов «ничьей» земли.
С низким солнцем за спиною
Под бурьяном мы ползли.
Где-то рядом смерть с косою.
Миг один, века ль прошли...
Скоро вся планета, мнится,
Как граната, разлетится.

На земле я до сих пор
Не убил и малой птицы.
...Враг свалился на бугор,
Сжал кулак — не ухватиться:
Жизнь ушла, померк простор,
Сердцу больше не забиться...
И, как тень, в глазах на миг
У врага вопрос возник.

Долго знать давали нервы
Сердцу, как струна звеня.

Но не он ли в жизни первый
Замахнулся на меня?
Есть закон, навеки верный:
Поднял меч, так не пеняй!
Если б сдался — жив остался,
Мне на мушку не попался.

Может, я впервые путь
Преградил ему в то утро
И заставил повернуть
В разоренный им же хутор.
Ведь не я — так кто-нибудь
Выстрелил бы в ту минуту,
Чтоб расплата провела
Свой рубеж добра и зла.

6

Я пою победу нашу.
До краев налей, друг, чашу
И обычай не забудь:
Поминая всех, кого мы
Не дождались нынче дома,
Надо три глотка плеснуть.
Рядовой, сержант иль кто ты, —
Но, наверно, из той роты,
Что прошла до Рейна путь.

...Долгожданный снег — как весть.
Нет саней, так лыжи есть,
И держать остро нам ухо.
Ветер злой. Трамбуя наст,
То коленом он поддаст,
То залепит оплеуху.
Край реки пригладил лед,

За рекою враг залег.
Что он думает? Ни слуха.

Тихий Дон был тих не очень:
Темной ночью мост сколочен —
Разбомбят его тотчас.
А появишься на лодке —
«Фердинанд» не плох в наводке,
Он не спустит с лодки глаз.
Протянуть канат попробуй,
Вверх и вниз гляди ты в оба —
Угодишь в реку как раз.

Но мосты нужны, как бой:
Разобьют один, другой,
Может, пятый уцелеет.
Но плывут челны чредой —
Первый, третий... а шестой,
Может, Дон спасти сумеет.
Но тянуть, тянуть канат!
Десять, двадцать ли подряд...
А один — тонуть не смеет.

Животворна дружбы сила:
Рота пела, говорила
Языках на десяти.
Средней Азии прохладно,
А сибирякам досадно:
«Это ль стужа? Нет шести!
Погодите, жарко будет...»
И решили наши люди
Сквозь кусты к реке ползти.

То-то ночь была, друзья!
Позабыть не в силах я.

Плыли лодки, плыли бревна,
Доски, шпалы и плащи.
Ветер, волны — полощи!
Не мочить бы лишь патроны.
Тихий Дон, не выдай ты
Наши замыслы, мечты,
Переправь нас без урона.

Середина. Вдруг ракета,
Две... четыре... Море света.
О проклятье! Вновь летят
Пули трассою горящей.
Грянул гром, и хлынул страшный
Град свинцовый наугад.
Забурлил фарватер Дона.
Но пальбу, и страх, и стоны
Заглушало: С т а л и н г р а д.

Это слово нас несло,
Как челнок и как весло,
Подымая над пучиной;
Этим словом зажжены,
Выйти к Волге мы должны
На широкую путину.
Волги друг старинный — Дон,
Ей протягивает он
Руку в трудную годину.

7

То крупа, то дождь, то выюжит.
Мокрый снег слепит и злит.
Ночью вдруг такая стужа,
Что насквозь проледенит.

Лишь одно нас греет чувство,
Колебанья нет ни в ком:
В слякоть, стужу, вплавь, ползком
К гитлеровцам (будь им пусто!)
Через тысячи преград
Тянешь ты петлю, солдат!

Их — не много и не мало —
Триста тридцать тысяч шей
В наш аркан тогда попало.
И, сжимая все тесней,
В громе пушек, в минном вое,
Стиснув зубы, шел ты, шел...
Разбомбят с борщом котел —
Ты жевал пшено сырое,
Но, не жалуясь, свой взгляд
Устремлял вперед, солдат!

Не забыть рассвет январский
В день десятого числа.
Как в конце какой-то сказки,
Тишина всю ночь росла.
Лагерь их и наш как будто
Вдруг заснули. Но истек
На раздумье данный срок.
Мы прислушивались к утру.
Длилась ночь как год для нас,
Немцам — ночь была что час.

Наш не принят ультиматум.
«Хорошо!» — сказал солдат,
И проверил автомат он,
Посмотрев на снежный скат.
Разрывая хмарь и тучи,
Солнце выстрелило ввысь.

И пошли и понеслись
Пушки, танки и «катюши» —
Шквал огня и гнева шквал...
Это Судный день настал.

Я хотел пропеть вам песню,
Рассказать про нашу быль.
Пяльцы песни слишком тесны,
Чтоб вместить узор судьбы.
А у каждого судьба там!
Было — былью поросло.
Не кичусь я, но пришлось
Рядовым тушить солдатом
Сталинградский мне пожар,
Тем и дышит песни жар.

Что солдату? Быть согретым.
Не парад война, не бал.
Рад он валенкам, а летом
Молока бы похлебал.
Ну, а если формировка
Да кругом весна цветет,
В сердце что-то засосет...
И становится неловко,
Как, войдя в тенистый сад,
Вдруг поймашь нежный взгляд.

Что же делать, что же делать?
Не у каждого семья...
Благодарность без предела
Шлю донским казачкам я.

Благодарен всей душою
За тепло и за уход,
За сметану и за мед
И за самое большое,
Что волнует вновь и вновь:
Благодарен за любовь.

Да, друзья, любовь горела
В сердце родины святой:
То девчонкою смотрела
С затаенною мечтой,
То невестой обнимала,
То тоскующей вдовой,
То старушкою седой
Нас, как мать, благословляла,
То улыбкою детей
Нас встречала у плетней...

Петь сегодня я кончаю.
Наливайте ковш полней.
Тост один я поднимаю:
За любовь земли моей!
Не любовь ли, штык цветами
Разубрав, над смертью шла?
Не она ли разожгла
Нашей ненависти пламя?
Не она ль, целуя стяг,
Поклялась, что сгинет враг?

Не любовь ли победила?
Не посмеет в очи вновь
Заглянуть ей злая сила.
Наша чистая любовь —
Это гордая отчизна, —
Победивший смерть и тлен —

Мавзолей у вечных стен,
Это — верность коммунизму.
Вот за что мой тост, друзья,
Песня, сердце, жизнь моя!

1945

НИКОЛАЮ ТИХОНОВУ

Я с теми был, чье имя — сталинградцы.
Я был звеном в той сомкнутой цепи,
Которой вышла доля — насмерть драться
И победить в заснеженной степи.

Мела метель, свистя над головами,
Все замерзало — хлеб, консервы, щи...
Газета принесла нам: «Киров с нами» —
Из города, зажатого в клещи.

Окопы стали вдруг теплей и краше
От Вашего, дошедшего к нам в срок,
Стоического мужества, от Ваших
Железной поступью прошедших строк.

Все — русские, узбеки и чувашаи,
Грузины и татары — вновь и вновь
Почувствовали мы к России нашей
Безмерную сыновнюю любовь.

А Ваш правдивый стих под гром снарядов,
В цепи солдатской, не боясь преград,
На Волгу шел, на помощь Сталинграду,
Чтоб на Неве воспрянул Ленинград.

1946

Польские этюды

* * *

Может, месяц, может, больше
Не снимали мы сапог,
Гоним мы фашиста к Польше
Без путей и без дорог.

Сквозь огонь — вперед, к победе!..
На двухверстку поглядишь:
Сколько там еще трагедий
Спрятала лесная тишь?

Радостью делиться с другом
Хочется в победный час —
Польша там лежит, за Бугом
Польша ожидает нас!..

Или это только снится?
Сколько мы в боях прошли!
Государственной границы
Мы черту пересекли.

Пыль июльская кружится
Вместе с дымом день-деньской,

Вечером туман ложится
Над несчастною землей.

Мгла тяжелая нависла,
Артиллерия гудит...
Вот уже пред нами Висла,
А за Вислой враг укрыт.

Ярких вспышек полыханье...
И на каждого бойца
Враг в предсмертном содроганье
Тратит чуть не пуд свинца.

Только мы всегда на страже,
Нас не остановит враг.
Трудно нам — мы «Волга» скажем,
И — увереннее шаг!

Сомкнутым железным строем
Сквозь огонь и дым идем,
После боя, перед боем
О родной реке поем.

И под грохот канонады,
Мнится нам, издалека
Светит славой Сталинграда
Наша гордая река.

1944

АДАМ МИЦКЕВИЧ

Пусть ваши кандалы расплавит гневный стих
Слезами жгучими окровавленной Польши.

А. Мицкевич, «Русским друзьям».

За Бугом Западным, на польском берегу,
Вошли в деревню мы, в деревню без домов...
Одну картину я навеки сберегу,
Хотя рисунок мой едва ли будет нов:

Поляк — старик седой, ограблен, сир и вдов,
Стоит среди золы и смотрит на реку,
Туда, откуда вдруг на долгодневный зов
Пришел свободы друг, друг мира к старику.

Все сожжено дотла. Но чудом сохранен
Мицкевича портрет. И мнится, видит он,
Как я, взволнованный, молчать не в силах больше.

Прими привет бойца, великий мой собрат!
Твой гневный стих встает солдатом с нами в ряд
Во имя завтрашней, навек счастливой Польши.

1944

Н У Ж Д А

Пароконное дышло,
А лошадь одна.
И, качаясь, чуть слышно
Проходит она.

За телегой, я вижу,
Плетется нужда,
Наклоняясь все ниже,
Не зная — куда.

Взглядом тусклым устало
Поводит кругом.
У горы она встала
Вдруг рядом с конем.

И впряглась... И так близко
Звучали слова:
«Немец забрал, пан, вшиско...»

Вздыхала трава.

1944

П Р И В А Л

Седые от пыли каштаны
Встречают гостей долгожданных.

Толпа окружила бойца,
И нет любопытству конца.

В тени, у прохлады колодца,
И песня и смех раздается.

Родная славянская речь
Не может сердца не привлечь.

В засаленной шляпе, в жилете
Крестьянин толкует о лете.

Подходит к сержанту — и так
Отводит с ним душу бедняк:

«Хоть пар поднимать еще рано, —
Мне землю дадут, прошу пана?..»

1944

О С В О Б О Д И Т Е Л Ь

Когда на сельское кладбище
Порой заводит бой,
Тревожный взгляд невольно ищет
Могилу под звездой.

Неважно, кто он — мусульманин,
Католик иль буддист:
За мир народов был он ранен
И умер, сердцем чист.

Под расщепленную черешней,
Среди крестов и плит,
Такой нездешний он и здешний —
Земной навеки — спит.

Звезду из медной гильзы мне бы
Над миром так поднять,
Чтоб ярче всех созвездий неба
Могла она сиять!

1944

* * *

Грезит ночь. Из комнатного плена
Вырвалась мелодия Шопена
И в раскрытое окно палаты
Залетела, трепетна крылата.
Грустное, ночное что-то влилось.
Но светло на сердце становилось.
Вспомнилось, что в детстве я о звездах
Думал, как о певчих птицах в гнездах:
Вот вспорхнут, я думал, звезды-птицы,
Чтобы песней звонкою залиться.
Так Шопена сердце вдруг запело,
Ожерельем звездным зазвенело.
Нежные, чарующие звуки
Успокаивали боль и муки.
Слушал я — и только мне, казалось,
Музыка в признаньях изливалась.
Но под ропот струн иная сила
Мысль мою, волнуя, уносила:
Видел я закат на Волге мирной,
Заливных лугов простор обширный;
Видел смуглых девушек на лодке,
Слышал смех их сдержанный и кроткий...

Чувство родины, святое чувство,
Без тебя как было б сердце пусто!
Постоянно ты и неизменно,
Как печаль в мелодии Шопена.

1944

* * *

Польский месяц! Впервые заметил —
Полный, зрелый, как чувства мои.
Рядом спутница робкая светит,
Дела нет им, что где-то бои.
Дорогая! Скажу, не тая,
Позавидовал месяцу я.

Не тому, что и знать он не хочет
Про войну, про страданья людей;
Не тому, что влюбленные очи
Ищут в счастье его и в беде;
А тому, что на небе ночном
Он и спутница — вечно вдвоем...

1944

Письма из госпиталя

* * *

За окном палаты —
Золотая осень.
Знаю, не ждала ты,
Не гадала вовсе.

Не гадал и сам я
Там, в жестокой сече,
Что вот этой самой
Пулей буду встречен.

Думал — не отлита
И не отольется...
Вздригнула ракета,
Почернело солнце.

Красною росой
Окропились травы...
Я ль над силой злою
Суд творить не вправе?

* * *

О, как красноречива ты
Была в молчании своем,
Когда до полной темноты
Сумерничали мы вдвоем!

Родных весенних песен звон,
Что раздавался по селу,
Был как давно забытый сон...
Ты грустно слушала в углу.

Зажгла ночник. И тень твоя,
Скользнув, застыла на стене,
И молча, нежность не тая,
Подвинула ты стул ко мне.

* * *

Под внезапным налетом дождя
Осыпаются вишен цветы.
За падением капель следя,
Я припомнил, как плакала ты.

Душно мне. Настежь, настежь окно!
Лишь вчера ликовал здесь мой враг.
И с далекой с тобой заодно
Плачет сад, непокорен и наг.

На дорожках, в траве, на плетне —
Лепестки, лепестки, лепестки..
Только, знаешь, не кажутся мне
Эти слезы слезами тоски.

Пусть, на радость плодам, на ветру
Опыленные вянут цветы:
Будет день — и, тревожная, вдруг
Улыбнешься спокойно мне ты...

Обетов никаких
Тебе я не даю.
В тревоге каждый стих
За чистоту твою.

На свете люди есть,
Особый род ханжей:
Блюдут чужую честь,
Лишенные своей.

Молва нас не шадит,
Завистлива, дика.
О, если б сделать щит
Из верного стиха!

Пускай при встрече буду сдержан,—
Сегодня так близка мне ты!
Коль ты — волна, я — бурный стрежень,
Умчу тебя от суеты.

Я жду тебя не в снежной маске,
Не Дамою Прекрасной жду.
Но сделай так, чтоб были ласки
Как вдохновение к труду.

Дожди, дожди... Лежи и жди!
Как будто кто-то малой дозой
Больной земле дает глюкозу —
И день и ночь... Дожди, дожди...

Теперь в сосновый бы уют,
К черновикам, сверчку и кошке.
И чтоб узоры на окошке,
И песню слушать бы твою.

Но вижу я, закрыв глаза,
Грязь, хлябь, размытые траншеи;
Пурга. и тает снег на шее,
И не по времени гроза...

И там друзья мои идут
Вперед, упрямо, стиснув зубы;
Небриты щеки, пальцы грубы...
Благословен их тяжкий труд!

Они, они — никто иной —
Сквозь ад и гром, сквозь смерть и тленье
Несут отраду исцеленья
И мне и всей земле больной.

* * *

Твой портрет всегда, везде со мной
В офицерской сумке полевон.

Степи, горы, реки, переправы...
Ты обстреляна не меньше, право.

Нынче я в больничной тишине
Говорю с тобой наедине.

В час, когда роятся звезды в парке
И в палатном бледном полумраке

Отзвенит курантов дальний бой,
Я держу тебя перед собой.

И ты видишь, как старушка няня
Дремлет чутко, сидя на диване.

И ты слышишь, как вблизи сквозь сон
Прорывается невольный стон.

Мне тогда ты кажешься, не скрою,
Самою заботливой сестрою.

Я прислушался к птичьему гомону,
Он похож на журчанье ручья.
Как ты там, ожиданьем окована,
Речка горная, злая, ничья?

Подо льдом равнодушия так же ль все
Ты несешься навстречу весне,
Хлопоча о кремне, что отважился
К твоим струям прильнуть потесней?

Так же ль катишь, гранишь его, пестуя,
И готовишь к конечной судьбе,
Чтоб разборчивой строгой невестою
Взять его в ожерелье себе?

Я хочу, чтоб течение быстрое,
Закружив, увлекло меня в путь,
Чтоб кремню и последнюю искрою
В твоей капле последней сверкнуть!

Кипарисы в снегу. Это так необычно,
Так тоскливо их видеть склоненными вниз,
Словно каждый из них пойман с чем-то поличным,
Устремленный вчера лишь легко и привычно
Гордой готикой в синюю высь.

Встрепенулись деревья, лишь первые капли
Засверкали, и что ни мгновение — крупней.
Снег, спасаясь, сползал тихо хлопьями пакли.
Отряхнулась и вверх взмыла зелень. Не так ли
Ожил я от твоих слов-лучей?

* * *

Госпитальный Харитоша,
Твой конверт передавая,
Говорит мне: «Все от той же...»
Будто может быть другая!

«И какой хороший почерк!»—
Добавляет он лукаво.
Хоть графолог он не очень,
Но ему я верю, право.

Он, кто носит скорбь и радость
С явной гордостью мальчишки,
Он, наверное, по взгляду
Знает, кто кому что пишет.

Мы прощаемся. На память
Мне приходит поневоле,
Что невинными устами
Только истина глаголет.

* * *

Письма с севера напомнили,
Что есть праздник — Новый год.
И стаканы мы наполнили,
Отрешившись от забот.

Вышло все не по обычаю:
Среди гипса, шин и гирь,
Без стихов, без тостов вычурных
Поднимали мы чихирь.

А чихирь наш был классический.
В дни младенческие лоз
Автор «Бэлы» саркастически
При свечах сражался в штосс.

Да, чихирь был тот! Оценишь ты,
Пропустив едва глоток:
Молодой, задорный, пенистый,
Как стихов живой поток.

Коль обет дала себя блюсти
И никто тебе не мил,
Ты прости меня на слабости:
Я твое здоровье пил.

• • •

Война вошла мне в кровь и плоть,
Ее не вытравишь с годами.
Пусть сердце превратится в камень —
Осколка не перемолоть.
Но вдохновение, любовь,
Бессмертье песни — все отдам я.
Чтоб только не услышать вновь
Мужского страшного рыданья.

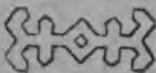
* * *

О нас еще не сложена былина,—
Нас много. И у каждого бойца
Была мечта — добраться до Берлина
И довести победу до конца.

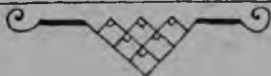
И вот она вошла под флагом нашим.
Не минет кары тот, чей бог — война.
Живущим слава! Трижды слава павшим!
Навеки их священны имена.

Навеки вечные покрыта славой
Мужавшая в огне и бурях Русь,
Сплотившая великую державу —
Народов вольных клятвенный Союз.

1944—1945

стихи разных лет

В звезду судьбы давно не веря,
Я греюсь собственным огнем.
Какие б ни были потери,
Он светит ночью мне и днем.

На мир гляжу, глаза прищурив,
Предвижу поступь новых дней.
Ни соль нужды, ни славы буря
Не сломят прямоты моей.

Перед обидчиком не струшу,
На ноги наступать не дам,
И кривдой не унижу душу,
Покуда жить моим словам.

1928

Гола осина...
Наполовину
Бедней родных берез уборы.
Придет и дубу
Пора, но любы
Нам и осенние просторы.

Тропа все мгliestей...
Бредем по листьям
С вопросом, долго ли еще нам
Шагать по свету...
Но нет ответа —
Все тихо в роще обнаженной.

Природа дело
Свое успела
Свершить в прозрачном перелеске.
Красу и силу
От взоров скрыла,
Чтоб вдруг явить их в новом блеске..

1926

* * *

Ветер, ветер... Мочи нет!
Рассвистелись на весь свет
Все пазы, все щели вдруг.
Так в оркестре каждый звук
Пред началом увертюры, —
Знать не зная партитуры,
Некий малый срок настройки
Обособленно живет:
Звук унылый, нежный, бойкий —
Всяк свое пока несет.
Так с моим бывает сердцем
И с душой моей, когда
Вдруг почувствую, что деться
Невозможно никуда,
Что перо не взять — беда!
Слышу свист и тихий шелест,
Шорох, шепот, ропот слов;
Слышу свист и тихий шелест,
Захлестнуть меня готов
Их напев, что, как волна,
Ближе, ближе подступает...
Натянулась, уступая,

Сердца каждая струна..
Я пишу и твердо знаю:
Каждый стих мой на листке —
Это жизнь на волоске!

1927

* * *

Идет иль нет? Идет иль нет?..
Прислушиваюсь я.
Не постучалась ты в ответ,
Беззвучна дверь моя.

Не слышишь ты, как я реву
Белугой на песке.
Не знаешь ты, как душу рву
На строфы я в тоске.

Вот поверну портрет к стене,—
Пусть не волнует кровь!
Раз не явилась ты ко мне,
Возьмусь за строки вновь.

Живое чувство, что кипит
И сердце горячит,—
В поэзию! Пускай он спит,
Сурок любви, в ночи.

Идет иль нет? Из темноты
Ловлю и «нет» и «да».

Нет, не придешь сегодня ты.
Что, если никогда?

Куда, куда тебе бежать?
Померкнет завтра день —
И, сдержанно-нежна, свежа,
Ты явишься, как тень.

Перешагнешь порог: «Прости», —
Я рта открыть не дам;
И замолчит в смущенье стих,
Когда прильну к губам.

Разденешься. «Прости...» А я
И слушать не смогу.
Не зря, жестокая моя,
Ты у меня в долгу!

ДВЕ КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

I

На черемуховой дужке
Белый липовый лубок,
А качалка из рябины,
Из орешника крючок.

Пестрядинный старый полог,
Стертый войлока кусок...
Так росли в нужде и горе
В наше время мы, сынок.

Ты лежишь в кроватке новой
С сеткой частой и тугой,
На перинке спишь пуховой,
Мой малютка дорогой.

Белоснежная простынка,
Одеяло — сатинет.
Спи, расти, в колхозе будешь
Бригадиром ты, мой свет.

Как дубок, расти и крепни,
Ты родился в светлый век.
Под счастливою звездою
Ты, счастливый человек!

1936

2

Сыну Атнеру

Дуб качает головой,
Засыпает горный кряж.
Глазки черные закрой,
Спи, мой маленький чуваш!
Под кустом зайчата спят...
Рыбаки ушли в шалаш...
Посмотри все сны ибдряд.
Спи, мой маленький чуваш!

Тихо-тихо за окном,
Шепчет садик наш.
Вырастай же крепышом,
Спи, мой маленький чуваш!
С другом верно ты дружи —
Будь товарищ, будь юлдаш.
Честно родине служи...
Спи, мой маленький чуваш!

1948

ДВА ПОРТРЕТА

1

То шаловлива, как ребенок,
И веселей подружек всех,
И смех ее игрив и тонок, —
Мне любо слушать этот смех;
То вдруг — ни слова не ответит,
Задумавшись о чем-нибудь:
Вздохнет — и голову на грудь.
В тот миг она — одна на свете.

2

Изменчивы ее глаза:
То серые, то голубые,
А то темны зрачки большие,
Как будто копится гроза.
Бездонный омут пред тобой,
Он манит властно и тревожит:
Нырнув, не всякий выплыть сможет,
Но... броситься готов любой.

1940

Прислонилась. Потерлась щекой о щеку.
Заглянула в глаза, отстранившись слегка.
Знала, верила: снова в тоске привлеку
И — в восторг превратится тоска!

1945

СЕРЕНАДА

Смотри, как хорошеет Волга,
Открой окно, открой окно.
Впусти хоть песню ненадолго,
Хоть на минуту — все равно,
Открой окно!

Ты видишь, как спокойны воды,
Какая всюду тишина.
А в сердце кружит непогода,
Уймешь ее лишь ты одна,
Лишь ты одна.

Плывет луна и, обольщая,
Ныряет русой головой.
В душе моей тоска большая:
Хочу я вечно быть с тобой,
С тобой одной.

Природа нас благословляет.
Открой окно, открой окно.
Тебе я песню оставляю,
А песне — сердце вручено.
Открой окно!

1945

КИЕВСКИМ КАШТАНАМ

Каштаны киевские! Вы воспеты
На всех, наверно, языках у нас,
И вас уже не удивят поэты.
Что делать мне, коль здесь я первый раз?

Что делать мне, коль в середине лета
Пришел я к вам и не застал на вас
Ни свеч, ни их чарующего света?
Цветы осыпались — и свет погас.

Но мне светило дружбы жаркой пламя —
И все как будто снова зацвело,
Все трепетало, пело и влекло:
Бульвар, и пляж, и звезды над волнами,
Веселый смех, прибрежная лоза
И карие — с хитринкою — глаза!

1952

В нелегкой жизни я немало
Встречал умов; но к одному
Душа всей силой приковала,
К простому, светлому уму.

— Пусть друг тебя достойней будет, —
Нередко говорила мать, —
Кто друга лучшего добудет,
Тому уж нечего желать... —

Но я желал бы, чтоб сквозь годы
Одно увидел друг во мне:
Я так хотел помочь народу
Скорей стать с веком наравне!

1954

В СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Здесь много стихов — и шуточных и разных;
Одно для меня несомненно:
Красу лицезить — для художника праздник,
Но все же краса — только пена.
Сверкнет и погаснет. Под ней глубина —
Бездонна, как верность святая.
Об этом... пусть знают лишь *он* и *она*.
Я просто им счастья желаю.

1955

* * *

Не отдавая предпочтенья
Ни дням осенним, ни весне,
Благодарю сердечно день я,
Который кровь бодрит во мне.
Зной на дворе иль ветра вой —
Обиды мелкой не замечу.
Так что же нужно мне? Отвечу:
С тобой хочу я быть. С тобой!

1955

* * *

У гроба друга молча я стоял.
Был гулкой тишиной наполнен зал.
Сквозь складки штор две световые нити
Пробились, чтобы лечь на темный китель
Сурового военного сукна.
Сверкали боевые ордена...
Всю жизнь ушедшего в одно мгновенье
Я увидел в каком-то просветленье,
И показалось мне, что друг мой жив,
Что встанет и, улыбкой осветив
Торжественный и строгий сумрак зала,
Заговорит со мною, как бывало...
Но оставалось все без перемены.
Печальная мелодия Шопена
И черный креп на бархате знамен
Напоминали, что не встанет он;
Что эти губы, сжатые сурово,
Отныне не произнесут ни слова;
Что друг не улыбнется мне в ответ
И не подаст в тяжелый час совет...
Да, в разные неведомые сроки
И мы уйдем все в тот же путь далекий

Иная жизнь на смену нам придет.
Бессмертен на земле один народ.
«Что сделал для него я? Неужели
Все кончено и годы пролетели,
И я уйду из мира без следа?» —
Так сам себя я спрашивал тогда.
Мне избежать хотелось бы забвенья
И жить в словах хоть одного творенья.
Ни веткою над струями ручья,
Ни облаком стать не хотел бы я.
Их немота всегда меня томит.
Навек с людьми я помыслами слит.
Далекий брат, свидетель жизни новой,
Пусть до тебя дойдет живое слово —
Вот этот стих, что нынче я кладу
Венком на гроб, с молчаньем не в ладу;
Быть может, бросив горсть земли сырой,
Помянешь ты меня моей строкой..

К О Н И

Мальчишки из нашего дома
В лошадки играют с утра.
С далекой поры мне знакома
Задорная эта игра.

И сон меня давний тревожит,
Глаза лишь прикрою едва...
Мне года четыре, быть может.
А, может быть, три. Или два.

На лавке отец-горемыка
Все лапти плетет у огня
Да, отдыха ради, из лыка
Коней мастерит для меня.

Я ставил их на подоконник,
Часами разглядывал их.
Ну, что за отменные кони —
Нигде не отыщешь таких!

Короткие ноги упруги,
А уши торчат высоко,

И лишь не хватает подпруги,
Чтоб сесть и скакать далеко.

Но конь уже цокал копытом
И пыль по дорогам клубил...
Не в том ли году позабытом
Я так лошадей полюбил!

И позже, в базарную давку,
Где звякает потная медь,
Я шел не за пряником в лавку,
А шел лошадей поглядеть.

Знакомый торговец-татарин
Давал мне кобылу свою,
И шел я, копейкой отдарен
За то, что ее напою.

Трусил я к реке по проселку.
Копейка ли тут дорога:
Хоть сам я чуть выше седелки,
Смотрю же на всех свысока!

Стараюсь держаться степенней,
А повод натянут в руках,
И задраны выше коленей
Штаны у меня на ногах...

А в ярмарку — помню доселе
Как самое яркое в ней
Мелькающих на карусели
Раскрашенных пестро коней.

Все мимо неслось и летело,
И мерно дрожал подо мной

Со странною кличкой «Отелло»
Гривастый конек вороной.

Слегка меня в сторону валит,
А конь удивительный тот,
Вот, кажется, зубы оскалит,
И гривой взмахнет, и заржет.

Полшага, еще лишь полшага —
И вздыбится вместе со мной...

Куда ты несешься, коняга?
Где спустишь меня, вороной?

1956

* * *

Давно я с этим городом знаком
И где бы ни был — думаю о нем.
Коль выпал случай, так спешу сюда,
Меняя на распутьях поезда...
Как тихо! Вдалеке гудит мотор.
Должно быть, кончил поздний рейс шофер,
Из крана мерно капает вода.
Не спится. Пережитые года,
Волнуя сердце, в памяти встают,
Мне за полночь покоя не дают.
Закончив день, спокойно спит семья —
Спит сын, жена и мать, один лишь я
Лежу, всю ночь не закрывая глаз:
Не обрывает память свой рассказ.
То радость вспыхнет в сердце, то печаль,
Когда на миг вдруг близкой станет даль.
Я вижу детство: мальчик на ветру
Шагает с недоуздкой поутру;
Его лаптям, обрызганным росой,
Мечта указывала путь другой...
Я вижу годы юности моей.
Металось сердце в пламени страстей,
Но та мечта сильнее день ото дня
Куда-то вдаль звала, влекла меня.
Простор чужих морей, громады гор

Издали притягивали взор.
Обычай, одежды, языки —
Всё, всё узнать хотелось до тоски.
А нынче, где бы ни был, всей душой
Хочу я одного: скорей домой!..
Все тихо. Только мерное «кап, кап»
Звучит, как поступь чьих-то мягких лап.
И мысль ко мне приходит: не она ль,
С косою, которой никого не жаль?
«Встать, что ли, кран покрепче завернуть?
Нет, пусть в тиши звучит хоть что-нибудь!»
Поохала слегка за стенкой мать,
Должно быть, собирается вставать.
Теперь ее шагов я слышу звук —
Наверно, смотрит, не раскрылся ль внук.
И вдруг во мне напрягся каждый нерв:
«Стой! Руки вверх!» — кричит во сне Атнер.
Ах, мальчик мой, шалун мой дорогой,
Не знаешь ты, что это значит — «бой»,
И отчего отец всю ночь подчас
В тяжелых думах не смыкает глаз.
Мой маленький, еще не знаешь ты,
Что пули убивают и мечты...
Вот шлепанцами шаркает опять,
На кухне двери отворяет мать,
Тихонько нашим чайником гремит,
И слышно, как вода в него бежит.
Беги, вода, гуди, звени, журчи!
Пускай бьют жизни светлые ключи,
Пускай веселый звонкий плеск струи
Развеет думы хмурые мои.

* * *

По-прежнему на дне души
Храню я образ твой,
Как этот глиняный кувшин
Хранит цветок простой.

Весь век кувшин недорогой
Был счастлив бы служить.
А треснет... ставят пусть в другой:
Цветку ведь надо жить.

1957

ПОЛВЕКА

Васьлею Митта

Отныне я не загрущу нимало,
В толпе приметив стройного юнца.
Ровесник мой, коль сердце не устало,
И ты пройдешь по веку до конца.

Щепотками нам бодрость выдавали
Или пудами мерили ее —
Не в этом суть. Прочнейшие детали
В тираж выходят, отслужив свое.

Едва ль помчишься, голову закинув,
Как жеребенок, увидавший луг,
Коль тридцать лет, натруживая спину,
Тянул по целине тяжелый плуг.

Но нас не вдруг согнешь, не вдруг состаришь!
Конь вдохновенья не сдает пока.
В любой строфе, — не правда ли, товарищ? —
Стрелую с тетивы летит строка.

Как острый плуг, распахивая поле,
Врезается в сердца упрямый стих.
Нет тяжелей, но и завидней доли,
Чем труд на щедрой ниве душ людских.

Теперь кругом возделанная почва,
И рук — не счесть. Работай, молодежь!
А раньше было б некому помочь вам.
Кряхти один, пока не упадешь.

Вся жизнь была суровым поединком:
Что б ни стряслось — никто не пособит.
Мне небо показалось бы с овчинку,
Побудь я день на месте Шелеби¹.

Чувашия, он знал твой день вчерашний.
Он мук твоих и радостей певец.
Он первый плуг провел по Новой Пашне
И Сеспеля¹ дождался наконец.

Немало их, кем должно нам гордиться.
Один из них мог ныне быть средь нас.
Наш Константин!¹ Я вижу, как лучится
Глубокий взгляд твоих правдивых глаз.

Еще одно не позабыть мне имя..
Где наши общие труды и дни,
Расцвеченные шутками твоими,
Ушедший мой собрат Шубоссинни?¹

Где ты угас? Что надорвало силы?
Под чьей рукой оборвалась струна?
Священна ранняя твоя могила,
В каком бы ни была краю она.

Да, было тяжело. Всѣ камни, корни...
Случалось так, что лемех пополам.

¹ Шелеби, Сеспель, Константин Иванов, Шубоссинни — зачинатели чувашской поэзии.

Но мы идем вперед еще упорней:
Свой путь нелегкий каждый выбрал сам.

Оглянемся! Ведь пройдено ползетка.
Из них ни дня, ни часа не забыть.
Бывает всяко в жизни человека.
А я отнюдь не баловень судьбы.

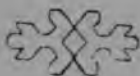
За долгий путь колдобин знал я много,
Но все ж мечта по-прежнему светла.
Пускай бежит с холма на холм дорога,
Пускай ведет вперед нас, как вела.

Летит мой конь, земли едва касаясь.
Ты, кровь неугомонная, гуди!
Быть может, внуки испытают зависть,
Что нет такого трепета в груди.

Смелей, смелей, мой иноходец верный!
По ветру гриву и — во весь опор!
Там, впереди, раскинулся безмерный,
Весенним солнцем залитый простор.

Порой не просто разобраться сразу,
Где прямо гнать, где надо брать в обход.
Но в сторону мы не сошли ни разу
С того пути, каким идет народ.

И ты не скоро, время, нас состаришь!
Конь вдохновенья не сдает пока.
В любой строфе — не правда ли, товарищ? —
Стрелой с тетивы летит строка.

П О Э М Ы

ТЕРЛЕМЕС В ЯБЛОНЯХ

1. В ТЕЛЕГЕ

В лугах июльских изумрудных
Ярился зной, траву измаяв.
Со мной в телеге ехал спутник,
Архива нашего сотрудник,
Скромнейший Павел Ермолаев,
И в нем же (выдам я секрет)
Скрывался Иленьгей, поэт.

«Вперед! Не сетуй на судьбу,
Лошадка со звездой на лбу!
Ты что плетешься еле-еле?
Иль позабыла про овес,
Иль конюх утром встал с похмелья, —
Зачем позоришь свой колхоз?»

А ну, пегашка, подбодрись
Да покажи приедем рьсь.
Но-но! Вперед! Легка дорога.
Вон твой овес растет, спеша, —

И стебель толще камыша,
И зерна все крупней гороха.

Мотай, пегашка, головой!
Твой пассажир не так уж прост.
Он — песенник, он парень свой,
И с ним товарищ деловой,
Потрафим — вспомнят нас с тобой..
Ай-ай! Зачем задрала хвост?
Иль ты считаешь — людям знатным
Глядеть на это так приятно?
Прикрой же, глупенькая, срам!
Вперед! Осталось полдороги.
А добрый человек нестрогий,
Глядишь, прибавит на сто грамм.

Давно б, земляк, вам не мешало
Взглянуть на зелень наших сел,
Чем петь о черных покрывалах...¹
Вперед, пегашка! Дождь пошел!

Чем тут помочь своим друзьям?
Возьмите, нате-ка, азиям!
За скорость, граждане, за смех
И угостить меня не грех!»

*

Возниша говорил с лошадкой.
В телеге сидя, тряся я,
Лежал, потягивался сладко;

¹ Намек на стихи автора «Черная чадра».

Курилась пылью колея.
Луга, поля, речушки, лес...
Я направлялся в Терлемес.

Наверно, думал Ермолаев,
Вернее — Иленьгей: «Как быть?
Свободно ль петь, архив оставив,
Иль пыль на полочках копить?»

Но могут вместе жить, не ссорясь,
И папки «дел» и звуков рой...
Работай, вдохновляйся, пой,
Мой друг, безвестный стихотворец!

2. СОЛДАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Тут небо спокойно, как омут...
Давно ли здесь бой грохотал?
Чего только люди не помнят,
Кто эти поля не топтал!

Хозяином к станции белой
Спешит паровоз — в добрый час...
Вокзал разбивали обстрелом
И строили снова не раз.

Замолкли жестокие грозы,
Спокойно живет Терлемес...
О чем же лепечут березы?
Кого же скрывал этот лес?

Не хочется мне ошибиться:
Всю правду о прошлом храня,
Я слово даю очевидцам —
Пускай говорят за меня.

Тут год восемнадцатый видел
Знакомый мой старый учитель;
О белых, о нашем враге,
Рассказывал он, Кариньге:

«Свобода была под угрозой,
Тревожно шумели березы...
А яблок в тот год уродилось —
Не съесть! Вся округа гордилась!
В Успенье звонили к обедне,
Раскатисто колокол пел;
Сады тяжелели, и бедный
В День Яблок антоновку ел.
Я чай пил в саду за столом,
А солнце так мирно сияло;
И вдруг в стороне, у вокзала,
Послышался пушечный гром.
Хранил я брошюры, газеты,
И книги берег, и декреты.
Как быть? Чай во рту леденел.
И сам я, видать, побледнел.
Смотрю на жену, на детей:
— Бегите туда, за гумно! —
Я книги зарыл поскорей,
И — к тракту задами, к Москве,
К народу, с людьми заодно.
Бегу напрямки по траве.
А в поле скотина ревет;
Перины, посуда, возы;
Народу-то сколько! Вперед
Бегут земляки от грозы.

Остались в тот день, говорят,
Лишь старый да малый в селе...
Вблизи пролетает снаряд,
Повозки прижались к земле.
Качается шапками дым
Над нами, под небом родным.
Подпаски — команда босая —
Скорей на коней, врассыпную...
И тут же, весь мир сотрясая,
На воздух взлетел эшелон.
Померк, словно в пору ночную,
В горячем дыму перегон.
Ни щепки не сыщешь! А оси
С откоса катились, дымясь...
Осталось в живых двадцать восемь
Бойцов за советскую власть.
Когда беляков отогнали, —
Нашли мы бойцов, не узнали.
Попали товарищи в плен:
Отрублены руки по локти,
И ноги — до самых колен.
В грудь пули вонзались, как когти.
Кровавые звезды на лбах,
И кровь на лице, на губах...
Их ночью вели на обрыв,
Скривило им губы мученье...
Лежали, глаза не закрыв,
Живых призывая к отмщенью.
Мы все здесь бойцов поминаем
Октябрьскими днями. и в мае,
И в праздник республики нашей.
Тут лесу зеленому цвесть
Все гуще, все радостней, краше...
Солдатское кладбище здесь».

Пел я песню, где Каспий кипел,
Двадцать шесть комиссаров воспел...

Да, страна моя, труден твой путь!
След кровавый — на тропке любой;
Каждый лес многолистной гурьбой
Шелестит: «И меня не забудь!»

Двадцать шесть вожаков из Баку!
Тут, как вы, не сдаваясь врагу,
Двадцать восемь в могилу легли.
У могилы в раздумье стоим.
Слава им, хлеборобам простым,
Сыновьям Терлемесской земли!

Тракт Московский пролег за селом,
Тут сразились два мира в былом.
Терлемес! На кого ты взглянул?
Чей же цвет полюбился тебе?
Красным стал ты в тяжелой борьбе,
Беляков от Москвы отпугнул!

Двадцать восемь нашли здесь приют;
На могиле ромашки цветут.
Сколько в мире безвестных могил!
Пусть людей вдохновляют простых
Муки, мужество, подвиги их,
Кто свободу, Москву защитил!

Двадцать восемь! Вам песня моя!
Ваш приют — это чувствую я —
Не оденется сорной травой,

С нами вы, с нами вы навсегда!
Сберегут, пронесут сквозь года
Поклоненья ваш облик живой.

3. Г О В О Р И Т М А Й Р А Б И

Красивыми словами не блистая,
Лишь ради правды стих пришел на свет...
Рассказывает Майраби, простая
Крестьянка, мать, шестидесяти лет:

«Постой-ка... Жарко было... Все ушли —
Кто за орехами, кто за малиной,
Кто просто к лесу побежал долиной,
Услышав залпы... Гром гремел вдали,
Все приближался... Тут я вышла в сад;
Смотрю — с плетня свалился к нам солдат.

— Спаси меня, укрой скорей, мамаша! —
Мне говорит нездешний, но родной.
Руками и ногами быстро машет;
Понятно: дескать, гонятся за мной.

До пояса бедняга гол, разутый.
Кровь по спине сбегает, по плечу.
Язык перевязали мне как будто —
Ни слова не могу сказать, молчу.

Все думаю: быть может, сын мой смелый
Забрел, изранен, так же в чей-то сад...
Сурбан я с головы сорвала белый,
Перевязала рану, как умела,
И яблочко дала: — Поешь, солдат!

— А нет ли погреба? — И погреб есть! —
Едва сказала, слышу — скачут кони.
Нет! Не найти вам раненого здесь,
Он в коноплю метнулся от погоня!
Смотрю — чужие ломаются в ворота:
— Хозяин дома? Эй, открой скорей! —
Видать, что ищут всадники кого-то.
Один сказал мне: — Тетка, не робей!
Где красные, скажи-ка сразу? Ясно! —
Как на вопрос ответить главарю?
Не знаю: то ли белый, то ли красный...
— Одна я тут, ребята! — говорю.

Тот светлоплечий погрозил мне плеткой:
— Смотри, не ври. мы разберемся, тетка! —
И всадники чубатые в хмелю
Помчались мимо сада в коноплю.
Один из них тогда догнал солдата,
И голову рассек ему, проклятый!
Латыш погибший, люди говорят,
Хотел пробраться лесом в свой отряд.

Тут шел тропинкой, бледный, весь в крови;
Там положил он девочке одной
Свой сахар в туесок берестяной...
Вон косит та девчонка — Угахви.

*

Луга, что стелются коврами,
Бессильны перед косарями;
Побреют косы влажный дол,
И станет луг росистый гол.

Тяжелым зноем не примят
Цветов погибших аромат:
Чем ближе вечер, тем сильнее
Тот запах радует людей.

Бригада вроде не устала,
Мать Майраби моложе стала.
И словно все твердит здесь ей:
«Живи, родная, не старей!»

В лугах вечерних — солнца пряди
Да космы трав, промытых, свежих...
Старуха все сидит, не глядя
На пепел черных головешек;

Сидит, не вытирая пота,
Что выступил из-под сурбана;
Сидит и ждет конца работы, —
Сегодня люди встали рано.

Как статуя, сидит в молчанье,
Так терпелива, так добра...
Сейчас она на солнце взглянет
И скажет: «Ужинать пора!»

И чем румяней, краше лица
Счастливых девушек, парней,
Тем чаще путь суровый гнется,
Тем ярче свет родных огней.

Ребенка приласкал солдат...
Пятнадцать лет тому назад

Прогнали белых... Пой, живи.
Трудись умело, Угахви!
Коси в лугах густые травы,
Гражданка солнечной державы!

Кусочек сахара — паек,
Что отдал девочке латыш,
Красноармеец тот, стрелок,
И труд, и луговая тишь —
Слились в душе моей в одно!
Всю жизнь мне славить суждено!

4. ГОСТИ БОГАТЫХ

«Ухарь купец, ухарь купец,
Ухарь купец — удалой молодец!»
Станция — в щепки. Народ — за селом.
Скачут вояки на пир напролом.
Пили с попом, разбрелись по селу;
Знамя трехцветное в красном углу.
Пили, орали в кулацком дому —
Стены качались в угарном дыму.
Сам офицер гоготал, словно гусь:
— Выпьем, друзья, за великую Русь!
Пей же, хозяин, купайся в вине,
На ночь найди черноглазую мне! —
Сдернута скатерть, посуда вся — прочь.
— Где же твоя перезрелая дочь?
Где она, яблоня в пышном цвету?
Девичьи косы я сам расплету! —
«Ухарь купец, ухарь купец,
Ухарь купец — удалой молодец!»
Станция — в щепки. Народ — за селом...
Мчатся назад беяки. Поделом!

Из-под Свяжска гнали белых,
Клинками перерезав путь...
Село судачило, шумело,
Все вспоминало эту жуть.

5. БАЛЛАДА О ДЕНЕЖНОМ СУНДУКЕ

Всадником, слитым с тяжелым конем,
Век он сидел на богатстве своем;
Ночи просиживал на сундуке.
— Добрые боги, Хиртсурт, Пигамбар!
Свято храните мой дом, мой амбар! —
Ныл тот хозяин в своем уголке.

— Старый слепец и собаке своей
Горсточку лишней не даст отрубей! —
Так на селе говорили о нем.
— Режь ему палец — скупец богатей
Капли не выпустит крови своей!
В зиму не выпросишь миски со льдом! —

Он породнился с яичным купцом.
Корочку ел он с протухшим яйцом,
Чтобы скопить и червонцы и рожь.
Бедного он разучился жалеть:
— Лодырь! — корил он — ступай в мою клеть!
На! Только мне десятину сожнешь! —

Всадничком, слитым с тяжелым конем,
Век он сидел на богатстве своем;
Шорох пугал старика, словно гром.
Желтыми пальцами высохших рук
Он, как ребенка, ласкал свой сундук;
Трясся годами над грузным добром.

Семеро конных летели селом,
Громко крича: — Где купеческий дом?—
Все разбежались от войска того.
Семеро конных быстрее понеслись,
Спешились, в дом богача ворвались.
— Воры! — подумал слепец. — Кто кого?! —

Взял он в бескровные руки косу,
Слушает, словно охотник в лесу.
Крикнули грозно ему: — Руки вверх! —
Вроде прозрел богатей Убамзар...
Древние боги, Хиртсурт, Пигамбар!
Вы не спасли его, — мир весь померк.

/

*

Позже, когда после долгой войны
Стали селенья от флагов красны,
Песню разгульную пьяных повес
Так переделал, запел Терлемес:
— Сукар¹ купец, старый слепец,
Не убежал никуда под конец!
Надо ли белых сюда было звать,
С ними, убийцами, пить-пировать!

6. ТЕРЛЕМЕС В ЯБЛОНЯХ

Терлемес! Сады, сады, сады!
Яблонь, вишен за домами — тьма!
Отдыхать бы, кушать здесь плоды —
Вот и дача, чуть не задарма.

¹ С у к а р — слепой.

Сами в каждом доме хлеб пекут,
Есть коровы, есть бараны тут.
Туфли тут проносишь год и два, —
Тротуаров нет, кругом трава.

Просыпайся вместе с солнцем, встань,
Поработай всласть в такую рань!
Улья тут пузатые гурьбой,
Мед цветочный, липовый — любой!

А несучки квохчут: — Куд-куда
Купчики девались навсегда? —
Тетки ходят, платьями шурша:
— И без них торговля хороша! —

Девушки склонились над холстом,
Шутят, колотушками стуча:
— Мягким, белым станешь ты потом,
Краше полотенец богача! —

Может быть, вернется он опять
К нам на шею? Пусть не мыслит зря!
Яйца вновь по селам не скупаты!
Здесь иная занялась заря.

По иному тут шумят дубы,
Вторя песням радостной судьбы.
Хоть голодным волком, враг, завой, —
Победил везде колхозный строй.

— Эй, подружки, бейте холст дружней!
Быть рубашкам на плечах парней!
Шире круг! А ну, Клавье, спляши!
Чем же мы с тобой не хороши? —

Тут — любовь, и дружба, и труды;
Утопает в яблонях село...
Терлемес! Сады, сады, сады, —
Это счастье густо расцвело!

*

А небо спокойно, как омут...
Давно ли здесь бой грохотал?
Чего только люди не помнят,
Кто эти поля не топтал!

Пыхтит паровоз на увале,
Дубы поднялись до небес...
Как этот вокзал ни взрывали,
Кого не скрывал этот лес!

Л Е Т Н И Е С У Т К И

Заставал меня в дороге
В чистом поле дождь косой,
Я натруженные ноги
Освежал не раз росой.

От жары в пути страдая,
Был я вёдру рад подчас:
Зной так зной — жара такая
Для пшеницы в самый раз.

Нынче копнам в поле тесно —
Скоро свадьбы зашумят...
Край родимый, край чудесный,
Ты цветешь, как вешний сад!

Мне в районе отдаленном
Побывать на днях пришлось.
Прямо в поле из вагона
Соскочи — и вот ты гость.

Ты в глубинке, где не часто
Горожанин держит путь:
Раз-другой в году начальство
По нужде какой-нибудь.

Впрочем, к делу! Спрыгнув наземь
И не встретив ни души,
Впредь до будущих okazji
Я идти пешком решил.

В путь! А там, глядишь, подвода
Или газик МТС.
Правда, жаркая погода,
Но подать рукою — лес.

Зашагал к нему и, верно,
Долго ждать не довелось:
Сзади топот равномерный,
Стук окованных колес.

Нагнала меня телега.
Слышу голос: — Эй, дружок!
Сядь, доставлю до ночлега —
До района путь далек! —

Сел я рядышком с возницей.
Понукает он коня,
Сам же, вижу я, косится
С любопытством на меня.

— Сел? Ну вот и молодчина.
Будут целы сапоги.
Лошадь, правда, не машина,
Но четыре все ж ноги... —

Я спросил его, откуда
Сам он. Слышу: — Из Малкас.
Знают здесь меня повсюду.
Тысяч пять, примерно, раз

Путь от станции к району
Я прошел за двадцать лет,
И за это почтальону
От людей почет, привет.

— Ну, а плата? — Подходяща.
Сыт, хватает на табак.
Для работы настоящей
Не гожусь ведь, как-никак.

Но зато я гость желанный
У любого огонька,
Гость почетный, долгожданный,
Вроде, скажем, жениха.

Здесь по множеству вопросов
Не последний голос мой... —
Почтальон мой был философ
И оратор записной.

Я под речь его, не скрою,
Лег, пристроившись, как мог;
Кашкой, мятой луговой
Пахнул встречный ветерок.

И забылся я в телеге,
Прочной, легкой на ходу.
Есть такое в мерном беге,
Что всегда чего-то жду;

Он уводит прямо в детство
С огоньком костра в ночном;
Он живет в груди наследством,
Светлых дней в краю родном.

Проведенных. Той порою
Мой сосед твердил свое.
Говорил он с похвалою
Про колхозное житье:

— Видишь сам, часты копенки.
А с чего они взялись?
О земле как о ребенке,
С прошлой жатвы тут пеклись.

Трактор тоже... Прямо скажем,
Разве конь ему чета?
Вглубь берет, как ни прикажем,
Как по нитке борозда... —

С этой темы на другую
Перешел вдруг почтальон:
— О войне-то что толкуют
В Шубашкаре? — начал он. —

По всему видать — не будет, —
Сам же дал себе ответ. —
Есть везле простые люди,
С них довольно всяких бед. —

Что к словам его добавить?
Сам я мыслю точно так.
И решили мы оставить
Разговор наш натошак.

Незатейливый, но скорый
Ужин мигом был готов:
Лук, десяток помидоров,
Горка свежих огурцов,

Хлеб да соль еще, к тому же
Деревенский аппетит...
Вот такой, примерно, ужин
Никому не повредит.

Мой заботливый возница,
Подложил сенца коню,
Незамедлил извиниться,
Что мясного нет в меню.

— Тут всего бы полбарана,
Заморили б червячка,
Но не режем: слишком рано,
Пусть побегают пока.

Налегай на витамины!
О куриной слепоте
Нет в округе и помина.
Времена пошли не те.

А была ведь хворь такая,
А случилось — и цинга.
Не слыхал? А я, брат, знаю... —
И старик вздохнул слегка.

— Да, теперь мы знаем сами,
Что за сила в овощах,
Только все же, между нами,
Мясо — главное во щах. —

Посвежело. Добрый коник
Зашагал по большаку.
И с возницей мы в районе
Оказались к вечерку.

К трудодню его прибавив
Дар, что был мне по плечу,
Попрошался я — и вправе
Путь держать куда хочу.

Проходя мимо райкома,
Я невольно услышал,
Как какой-то бас знакомый
Директиву диктовал.

А потом по телефону
Речь завел о молотьебе.
То давал глава района
Знать кому-то о себе.

Не дослушав речи строгой,
Мешкать даром не любя,
Я пошел своей дорогой,
Улыбнувшись про себя.

Между тем на небе синем
Звезды вспыхнули. Чуть-чуть
Обозначился Гусиный,
А по-русски — Млечный Путь.

Птицы смолкли. У обочин
Ветлы замерли, и вот
Стало слышно, как рокочет
Невидимка самолет.

В середине расстоянья
Меж небесных двух Ковшей
Появилось вдруг сиянье
Бортовых его огней.

Кто там, в поле звездном, ездит,
Кто в полночный час летит,
Очертания созвездий
Изменяя на пути?

Кто б там ни был, путь им добрый!
Это свой, родной народ.
Доброй ночи вам, кем собран
Каждый в путь и вам, кто ждет!

Снова стихло. С небосклона
В вечность канула звезда.
Вот еще огонь зеленый,
Вспыхнув, замер навсегда.

Третий, тоненький, как волос,
След свой прочертил болид.
В этот миг раздался голос:
«А моя звезда горит!»

Оказалось — я в деревне,
Называется Патмар.
Тут пройти бы поскорей мне,
Только я попал в разгар

Вечеринки в местном клубе:
Здешний молодой народ
По утрам работать любит,
Ночь — гуляет напролет.

Смех и пенье. Звуки скрипки.
Ну, конечно, и гармонь.
Всюду девичьи улыбки,
Сами девушки — огонь.

Поглядев на эту сцену,
Искушенье поборов,
Где-нибудь на свежем сене
Обрести покой и кров,

Зашагал я дальше. Скоро
Впереди в глухой ночи
Сквозь неясный гул и шорох
Колокольчик различил.

Вот он ближе. Парень статный,
В тарантасе развалясь,
Знать, со свадьбы путь обратный
Держит, важный, словно князь.

Я спросил, не поспешил ли,
Не вернешься ль, мол, назад.
— Нет, уж дело порешили,
Бал окончен, гости спят. —

Голос хриплый. Парню спать бы —
Пел и пил во всю он мочь,
Как и водится на свадьбе,
Не одну, должно быть, ночь.

Указал он мне дорогу
И поехал не спеша.
Ну, а я пройдусь немного —
Ночка больно хороша!

Если копнам в поле тесно —
Свадьбы весело шумят,
Край чувашский, край чудесный,
Ты цветешь, как вешний сад!

Уж давно огни Патмара
Позади оставил я.
Впереди поля под паром,
Копит силушку земля.

Вдалеке мотор рокочет
И, усердствуя за двух,
Где-то рядом что есть мочи
Голосит в ночи петух.

Заливаются собаки.
Знать, жильё недалеко.
Слева копны. Их во мраке
За дома принять легко.

Вот и избы в два порядка,
Но нигде ни огонька.
«То-то спят, наверно, сладко:
Ночь-то в жатву коротка!» —

Так подумал я, шагая
Вдоль дренажной колеи.
Но была совсем иная
Тут причина. Не легли

Спать колхозники, и дико
Было думать так. Давно

Здесь от мала до велика
Все село пошло в кино.

О событье, пусть не ярком,
Но отрадном, я узнал,
Обратившись к двум дояркам
Что, покинув кинозал,

Шли, еще до половины
Новый фильм не досмотрев,
Корм готовить для скотины
За село, в колхозный хлев.

Я спросил их, что давали.
— «Дочь Китая», — был ответ. —
Жаль, что поздно нас собрали:
На дворе-то уж рассвет... —

Правда их была: верхушки
Посветлели у берез.
— Далеко ль от вас до Кушки? —
Задал я еще вопрос.

— Недалеко, но к чему же
Вам спешить? Ночуйте здесь,
Ведь у нас ничуть не хуже
Отдохнете — место есть. —

Я сказал, что торопиться,
Мол, обязан, и они,
Чтоб с дороги мне не сбиться,
Указали на огни.

Невдали, за полем чистым —
Крыши виделись. Совет

Тут же принял я и быстро
Зашагал на яркий свет...

Свет тот самый, что «электра»
Назовет в стихах поэт
Или, скажем, клубный лектор,
А народ, тот просто — свет.

«Свет-сюды!» В нем сила солнца,
Сила ветра и воды.
Пусть из каждого оконца
Льется светлый «свет-сюды!»

Как бы где ни называли
Эти новые огни,
В каждом хлеве, в каждом зале
Пусть горят у нас они!

Перешел я мостик гулкий
Через Шетме иль Сявал,
Пожалев, что для прогулки
Раньше здесь не побывал.

Все виднее становился
На пути любой предмет,
Впереди все так же лился
Тот же ровный, ясный свет.

Месяц выглянул, и сразу
Просветлел весь мир вокруг,
Чистой россыпью алмазов
Засверкал росистый луг.

Побледнели в небе звезды,
Стала ночь сходить на нет.

Только тот, что мыслью создан,
Не тускнел покамест свет.

Вот он скрылся за холмами,
Но минуты не прошло,
Как знакомыми огнями
Поманило вновь село.

«Свет-сюды», я путь свой знаю,
Ты мани иль не мани.
Вот иду, припоминая
Те далекие огни,

О каких в глухую пору
Короленко написал.
Свет их чистый многим взорам
Путь-дорогу указал.

Огоньки чудесной веры
В человека, как маяк,
Освещали сумрак серый
И глухой полночный мрак.

И в огнях, что предо мною
Разливают ровный свет,
Еьетесь искрой вы живою,
Огоньки далеких лет!

*

Вот и в Кушке я. Хоть цели
Не вполне достиг пока,
Но добрался до постели.
Хороша постель, мягка!

Надо мной навес дощатый,
Подо мною — сеновал.
Сено — пух, за аромат я
Все перины бы отдал!

Кто, скажу тут без пристрастья,
Запах свежего сенца
Не вдыхал хоть раз, тот счастья
Не изведал до конца.

Я устал, но мне не спится.
Слышу близкое «Ай-яр...»¹
Скоро в небе разгорится
Золотой зари пожар.

Застучал мотор машины,
Дверью хлопнули в избе,
Говор, шум — ясна картина:
Свадьба вся, конец гульбе.

«Увезет жених невесту,
Будет новая семья.
Путь им добрый, честь и место
В новой жизни», — думал я.

Если копнам тесно в поле,
Значит свадьбы хороши.
Молодым счастливой доли
Пожелаем от души!

Стихло все, а нет покоя:
Радость спать мне не дает.
Вижу я, что ты судьбою
Не обижен, мой народ.

¹ «Л й я р» — напев народных песен.

Жатва — то ли не забота,
Пропасть дела у людей,
Но не спит после работы
Вся округа, хоть убей.

Игры разные и танцы,
Песни с пляской заодно
И полночные сеансы
Долгожданного кино.

Спал я мало. Пробудился —
На дворе стук топора.
Стало быть, уже трудился
Кто-то с раннего утра.

То был сам хозяин дома.
Борода лопатой. Стар.
Но в руке, с трудом знакомой,
Сил хватало на удар.

Он с недели на неделю
Ждал из армии сынка
И тесал шести для хмеля...
Дело шло у старика.

— Хорошо ли спал? — спросил он, —
Без перины не продрог?
— Лучше быть нельзя, спасибо.
— В дом прошу. Я в погребок

Баб послал... — Пошли мы рядом.
— Вот тружусь по мере сил.
Но, видать, на отдых надо.
Этим летом не косил;

Так, у скирд помог и — точка,
А работнички нужны.
Ну, да есть и сын и дочка...
Только не было б войны.

Нас бы дети хоронили,
А не мы их в горький час.
А работа... что же, в силе
Недостатка нет у нас... —

«Да, такому верить можно, —
Думал я, бредя за ним, —
Видно, что етарик надежный
И пример всем молодым.

Он еще не сдаст в работе.
А ведь как слова верны:
«У народа труд в почете,
Только б не было войны!»

*

Над Сявалом светлым — сёла,
Заливных лугов простор,
Здесьних жителей веселых
Я узнал с недавних пор.

И, узнав, гощу тут часто.
Путь не близок, спору нет,
Да зовет в дорогу властно
Этих мест прекрасный свет...

Позади оставив Кушку,
Типсирму, Кужар пройдя.

Словно рощей, вдоль опушки
Я иду после дождя.

Два ряда берез старинных,
Вдаль протянутых, как нить.
(Их еще Екатерина
Приказала посадить.)

А между рядов тех строгих,
Под листвою, что век в пыли,
В грунт Березовой Дороги
Камни старые легли.

И под кронами густыми
Вековых, седых берез
То в пыли, то в синем дыме
Не один спешит обоз

С новым хлебом. А в сторонке
Самоход плывет во ржи.
Рядом газик — струйкой тонкой
Прямо в кузов рожь бежит.

Но серпы в ходу и ныне:
Где изгиб оврага крут
И проезда нет машине,
В три ряда жнецы идут.

А комбайн — как на паркете.
И какой ему простор!
Приглядевшись, я заметил,
Что в платочке комбайнер.

Кто там с песенкою звонкой
Самоход ведет вдаль?

То не давняя ль знакомка,
Не моя ли Натали?

Нет, должно быть. Разве мало
У нее подруг в стране,
И умелых, как пристало
Новым людям новых дней,

И готовых петь, как птица,
Оттого, что жизнь красна.
У любого труд спорится,
Если на душе весна.

Но особенно — машинный,
Коллективный, дружный труд.
В сказках о труде старинных
Самомолки сеют, жнут,

Самопрялки ткут полотна,
Чудо-печь сама печет, —
Человек в мечте охотно
Избавлялся от забот.

А забот и бед хватало
Всюду у простых людей:
Пашня силы надрывала,
Люд в страду не спал ночей.

Помню я, порой проклятой
Проливая тяжкий пот,
Серп не зря свиньей горбатой
Называл везде народ.

Но мечта о самомолке
Не пропала даром, нет.

Подчинилось комсомолке
Это чудо давних лет.

И ведет себя примерно:
Жнет, молотит на ходу.
Будет нужно, так, наверно,
Приготовит и еду.

Песни нынешнего века
Славят мысли торжество,
Славят разум человека,
Волю гордую его.

А давно ль интеллигентов
Не любил простой народ.
Сколько едких комплиментов
Отпускал на этот счет!

«Прямоспинки», — с возмущеньем
Говорил о них любой.
Где оно к тому презренью,
Кто трудится головой?

Нет его. «Любое дело, —
Так гласят слова молвы, —
Ждет сейчас и рук умелых
И толковой головы!»

*

Широко ты нынче, поле!
Ни межи, ни края нет...
Кухня — вроде ротной, что ли.
Пар валит — кипит обед.

«На обед!» — кричит бригаде
На все поле кинемей¹,
Я отмечу, правды ради,
Поварской колпак на ней.

И еще, что ей не надо
Дважды звать людей. Они
Вмиг явились. Знать, бригада
Одобряла вкус стряпни.

Я назвался. Бригадир же,
Парень, видно, из лихих,
Крикнул людям: — Братцы, тише!
К нам — поэт, прочтет стихи!

— Просим, просим. Да немного
Подкрепится пусть у нас.
Ведь от нас, поди, в дорогу
Он отправится сейчас.

Поприбавилось заботы
У дородной кинемей,
Коль по мне судить, с охотой
Привечающей гостей.

Между тем шутник досужий
К ней успел уже подсесть.
Где получше, где похуже,
Но везде такие есть.

Он сказал, сверкнувши ярко
Всем наличием зубов:

¹ К и н е м е й — так почтительно называют пожилую женщину.

«С тем, что Ленин о кухарках
Написал, и я готов

Согласиться, ибо дар свой
Доказали вы опять.
Вам и суп и государство
Смело можно доверять!»

Шутка — шуткой, только, к слову,
Я уже за много дней
Ни в одной другой столовой
Не едал супов вкусней.

Вмиг исчез он, а беседе
Дан иной был оборот.
За вторым мои соседи
Обсуждали самоход.

— На таком работать можно, —
Говорил о нем один, —
Спору нет, куда надежней
Всех, какие знал, машин.

Но изъян и в нем немалый:
На пшенице — хоть куда,
А на ржи — пиши пропало:
Так потравит, что беда...

— Не везде берет, согласен, —
Поддержал его другой, —
А вот корень в чем? — Он ясен:
Рожь такая, что с дугой

Лошадь скроется, пожалуй,
Вот и травит самоход.

Но зато поломок мало
Против прежнего... — Народ

Говорил со знанием дела.
Никаких особых тайн
От пытливых и умелых
Утаить не мог комбайн.

Кто постарше (скуповаты,
Как известно, старики)
Говорили, что, мол, плата
За комбайн им не с руки.

— Вот страда, а дела нету, —
Все к тому ж вели они. —
Поработал бы, да где там!
Съел комбайн все трудодни. —

Стариков не поддержали:
Все же вырос, мол, доход,
В разговоре по деталям
Разобрали самоход.

В чем какой допущен промах,
И на ком лежит вина
За простои от поломок.
Прояснен вопрос до дна.

Вслушиваясь, я, признаться,
Пережил приятный миг.
Был тут повод восхищаться:
Нет, не лапотник мужик!

Разве смог бы в дни бывшего,
Как бы ни был он остер,

Дельно вставить хоть полслова
В этот общий разговор?

«Между нами нету грани, —
Думал автор в тот момент, —
А ведь все кругом крестьяне,
Только я — интеллигент!»

Вот он здесь; на первом плане,
Хлебороб, батрацкий сын,
Вот он, нынешний крестьянин,
Книгочей, знаток машин;

Агроном уже отчасти,
А отчасти — правовед,
Представитель местной власти
И немножечко поэт.

Заявляю смело свету:
Первенство на много дней
По количеству поэтов
За Чувашией моей!

Не шучу я. В самом деле —
Стужа, вешние ль деньки,
Но в любой из дней недели
Здесь услышите стихи.

И хотя попал не в пору —
Как-никак, а все ж — страда,
Но внимание во взорах
Я улавливал всегда.

Я читал стихи бригаде.
Только разве бригадир,
На часы, на небо глядя,
Как заправский командир,

Взвешивающий толково
Обстановку в трудный миг,
Пропустил одно-два слова,
Впрочем, суть и он постиг.

Кончил я. Он поднял голос:
— Как, понравились стихи? —
Тут бригада раскололась:
— Что же, рифмы не плохи...

— Нет, постой, не все там четко, —
Начал было комбайнер. —
«Вот тебе и проработка», —
Мне подумалось. Но спор,

Что вот-вот мог разгореться,
Был отложен: бригадир,
Вовремя подав совет свой,
Водворил покамест мир.

— Стоп! — сказал он. — Вечер целый
Погостит у нас поэт.
А сейчас пора за дело.
По местам, кончай обед!

Нынче копнам тесно в поле,
Свадьбы весело шумят.

На родимое раздолье
Устремлен весь день мой взгляд.

Не меня на свадьбы эти
Ждут, все очи проглядев.
Отчего ж так чист и светел
В сердце свадебный напев?

Отчего, дыша любовью,
Он подчас звенит тоской?..
День и ночь идти готов я
По тебе, мой край родной!

Видеть все в своей отчизне —
В этом право и удел.
В путь же, чтоб еще при жизни
Не остаться не у дел!

*

Я пяток мостов дощатых
Перешел. У рыбаков
Ел уху. Весьма богатый
В день тот выдался улов.

И ширтан и сыр домашний
Я попробовал у них
В час, когда над свежей пашней
Вечер ласковый притих.

И кувшин с янтарным пивом
Показал нам дно свое,
И текла беседа живо
Про крестьянское житье.

Но внезапно оборвался
Этот мирный разговор.
Мой сосед вперед подался,
Устремил направо взор.

Проследив за взглядом этим,
Оживились рыбаки.
Наконец и я заметил:
Кто-то едет вдоль реки.

Из ближайшего селенья
Направлялся прямо к нам
Кто-то важный, без сомненья,
Коль судить по рыбакам.

Крик раздался: «Почта! Почта!
Сандор письма нам везет!»
«А, — подумал я, — так вот что
Взбудоражило народ!»

Наступил конец беседе.
Правя к нам на огонек,
Мчался на велосипеде
Худощавый паренек.

Мигом молодежь сбежалась
С пашни, жнива, от реки,
И не мало оказалось
Тут народу. Старики

Ждали городских известий,
Писем — девушки, юнцы —
Той одной желанной вести,
Что лететь во все концы

Нашей родины просторной
Даст им право. В эти дни
Стать на путь борьбы упорной
Приготовились они.

Одного ждал ВУЗ, другого
В дальний путь манил завод,
Третий... Впрочем, у иного
В мыслях все еще разброд.

Разобрался Сандор в почте,
Роздал письма, а народ
Все еще чего-то хочет —
Не расходится и ждет.

— Сандор, где же «Таван Адол»?
Где «Ялав»? Газета где?
— Подождать пока что надо:
Запоздали в этот день¹.

Не видал я лиц унылых,
Но пришлось увидеть. Вдруг
Что-то будто бы остыло
В каждом, кто стоял вокруг.

Лишь один, — зато уж кстати! —
Местный орган «Коммунист»
Поддержал все ж честь печати.
Зашуршал газетный лист.

Люди сводку прочитали.
Дух поднялся. В эти дни,
Видимо, не отставали
От соперников они.

¹ «Таван Адол» («Родная Волга»), «Ялав» («Знамя») — чувашские журналы.

Слышу: — Да, земляк, работой
Тут все заняты всерьез.
Первым на Доску почета
Записали наш колхоз.

Уж теперь-то мы задание
Перевыполнить должны... —
Вот он, дух соревнования,
Мощный дух моей страны!

Я в пути. Еще работы
Не закончены в полях.
Солнце теплой позолотой
Покрывает пыльный шлях,

Но уже спустилось низко.
Где-то за бугром поют.
По напевам, сердцу близким,
Шубашкарцев узнаю.

С ревом, словно танк, трехтонка
Вырвалась из-за бугра.
Я от пыли встал в сторонку,
Вдруг услышал тарарам.

Громко, дружно по кабине
Застучали в десять рук.
Оказалось, что в машине
Режиссер, мой старый друг.

С ним десятка два актеров --
Все знакомый мне народ.

Сел без долгих разговоров.
И поехали вперед.

Мчится полная машина.
— Вы куда? — Не все ль равно?
Пой и будешь молодчиной,
Действуй с нами заодно!

*

Лес, поля, лужок и речка —
Все осталось далеко.
До последнего словечка
Спета песня с огоньком:

«Не для матери — для дочки
В избу новую зашел...»
Въезд в село. Без проволочки
Зоркий страж к нам подошел.

Он раскрыл ворота. Был то
Семилетний мальчуган,
Из таких, кто страстью пылкой
К механизмам обуян.

Впрочем, как в лесу — деревьев
Мигом стало их, босых.
— Это что же за деревня?
— Здесь село Карук-касы. —

Поручусь, что все селенье
Разузнало в этот миг
О внезапном появленьи
Трупы городской у них.

— Мама, дай скорее рублик! —
Карапуз бежал. Сопит. —
Ведь сегодня в нашем клубе
Академтеатр «Нарспи»!

А театр уж подъезжает
К двери клуба, и гудком
Всех шофер оповещает
О прибытии своем.

Он шутник. Кричит: — Кто быстро
Государству сдаст зерно,
Тем колхозам по артисту
Дать за центнер решено! —

Шутке рады. Но в народе
И ответить есть кому.
«Избу суженый находит
Сам, дружок!» — кричат ему.

С толком выбрав из артистов
Повнушительней на вид,
Кинемей с клюкой статисту
Между тем свое твердит:

— Мне, сынок, оставь местечко,
Да поближе где-нибудь:
Издали-то ни словечка
Не пойму... Глуха чуть-чуть.

— Ладно, ладно. Место будет, —
Улыбнулся тот слегка. —
Кинемей ведь не забудет
Пригласить и старика?

— Как же, как же, мой голубчик!
Позову. Уж так и быть —
И ему оставьте стульчик:
Где иголка, там и нить!.. —

Пред большим помостом сцены —
Зал на сколько хочешь мест.
Потолок, ряды и стены —
Все, что видит глаз окрест.

Чудодей — колхозный плотник
Ходит, пробуя настил.
Сам хозяин, сам работник.
Весь театр он смастерил.

Ребятишки, как обычно,
В щель любую тычут нос.
Голоса — что щебет птичий.
Разрешается вопрос,

Скоро ль занавес поднимут.
Но театр пока что ждет:
День из тех, что кормят зиму —
В поле все еще народ.

Солнце село, и прохладой
Потянуло от реки.
Вот последняя бригада
Возвратилась. Огоньки

Загорелись повсеместно.
А артисты между тем
За столом расселись тесным,
Мест хватило, впрочем, всем.

— Вкусный суп небось сегодня! —
Заявил один из них.
И шутник был всеми понят.
Общий смех не скоро стих.

— Тут-то дело без обмана, —
Улыбнулся Тахтаман, —
А на сцене есть не стану,
Не поддамся на обман¹.

Мигедер с Нарспи смеялись,
Улыбался и Сетнер.
Все они в тот миг являли
Дружбы искренней пример.

И ничем вам эти люди
Не напомнили б о том,
Что один другому будет
Через полчаса «врагом».

Что они в обличье новом
И любовь и гнев подчас
От души идущим словом
Скоро вызовут у вас.

Славен труд их. В грозной драме
Потрясут игрой сердца
Те, кто в этот вечер с нами,
А другие без конца

Заставляют зал смеяться,
Может, где-то в этот миг.
В тесных рамках декораций
Сжат весь мир, а мир — велик.

¹ Речь идет об отравленном супе, который подает Нарспи Тахтаману в пьесе К. Иванова «Нарспи».

Век минувший, наших буден
И торжество круговорот —
Все, чем нынче живы люди,
Перед ними предстает.

Смена сцен, и лиц, и реплик...
Мал его рабочий стаж,
Но растет и быстро крепнет
Наш театр — любимец наш.

И могу ль хотя двух слов я
Не сказать, друзья о тех,
Кто, горя к нему любовью,
С ним и срывы и успех,

Кстати, часто очень краткий,
Разделяет всякий раз,
Отдавая без остатка
Силы творческой запас.

Глубину и свежесть чувства,
Мужество в борьбе со злом,
Все, что с вами мы искусством
В общезитии зовем,

В поездах и на машинах,
На своих двоих подчас
В город и в район глубинный
Донесли они до нас.

Кто б то ни был: Алексеев,
Ярдыкова иль Ырзэм,
Молодым и корифеям —
От души спасибо всем!

Пусть простят, коли некстати
(Для всего своя пора)
Помянул о них в печати
Скромный труженик пера.

Прозвенел звонок короткий,
И, как водится, парторг
Начал вечер наш со сводки:
За три дня подвел итог.

— Вот спектакль посмотрим нынче, —
Так повел он дальше речь, —
Только пусть никто не хнычет,
Что пришлось, мол, поздно лечь.

Кто пословицы не помнит,
Так прошу иметь в виду:
«Целый год народ прокормит
День без дождика в страду».

А погода — просто чудо,
Я б сказал, природы дар,
Но зевать нельзя, покуда
Не свезем зерно в амбар.

Приналечь еще нам надо
И тогда уж снова в клуб
Театральную бригаду
Звать на Петушиный Суп¹.

Это можно... Мы не хуже,
Чем любой другой колхоз.

¹ Петушиный Суп — осенний праздник урожая.

С жатвой справимся... Заслужим, —
Это нынче не вопрос.

Не вопрос, что будем с хлебом
Все мы в нынешнем году.
Но ведь мыслит всяк: а мне бы
И скоромную еду...

Так ведь? И, конечно, прав он:
Все мы лучше жить хотим.
Труд дает на это право
Каждому — на том стоим.

Но, как свадьбы нет без пира, —
 Попрошу иметь в виду, —
 Так житья нам нет без мира —
 Вот к чему я речь веду.

Как помочь нам в этом деле?
 Путь один, соображай:
 Без потерь к концу недели
 Соберем весь урожай!

Полночь темная, глухая,
 А в селе никто не спит.
 Люди смотрят, сострадавая,
 Как терзается Нарспи.

Много тут, скажу по чести,
 Было тронута сердец,
 И глаза на мокром месте
 Оказались под конец

И у девушек задорных
И у женщин пожилых.
Словом, был успех бесспорный
У приятелей моих.

Только сутки, как я вышел
В необычный этот путь,
А увидел и услышал —
Как за год какой-нибудь.

Но и сотой даже доли
Из того не описать,
Что и в избах и на поле
Довелось мне повидать.

Голубиной зорькой скоро
Просветлеет небосвод.
Пьесу кончили актеры,
Рукоплещет им народ...

Улеглась деревня поздно.
Я же вышел поглядеть,
Как на небе меркнут звезды,
Как восток начнет алеть,

И мотив давно известный
Услыхал, свернув за клуб:
«Выходи скорей, невеста!» —
Разносилось по селу...

Если копнам тесно в поле,
Свадьбы весело шумят.
Край чувашский, на приволье
Звонче ты поешь стократ.

И в простом твоём обличье
Взору каждому видны
Доблесть, слава и величье
Всей моей большой страны.

Наше счастье и богатство —
В воплощении идей
Равноправия и братства
Всех народов, сущих в ней.

Так цветы, страна родная,
Мира светоч и оплот!
Сноп тяжёлый поднимая,
Урожай на ток идет.

Лейтесь, свадебные песни,
В городах и на селе!
Станет жизнь ещё чудесней,
Краше, ярче, веселей.

В том порукой наша сила,
Что растёт из года в год.
Будь же славен, край мой милый,
Вечно славься, мой народ!

1951

СИЛА СЛОВА

1

Верю в силу правдивого слова.
Знаю: слово разит, как свинец,
В прах повергнет и выпрямит снова
И зажжет миллионы сердец!

Но сердца запылают тогда лишь,
Если полная чувства строка
Станет жарче расплавленной стали
И светлее огней маяка.

Слово может стать другу оплотом,
А врага поразит наповал.
Если нес в своем сердце его ты
И, как жизнь свою Данко, отдал

В тяжкий час испытанья отчизне...
Есть слова — их, как глаз, берегут!
Я же встречи, единственной в жизни
Встречи с Горьким, забыть не могу.

Светлый Данко! Мы больше ни разу
Глуховатый его говорок
Не услышим... Я каждую фразу
С той поры в своем сердце берег.

И еще один голос мне близок —
Не умолкнет за временем он.
Нынче этому голосу визу
Ни за что бы не дал Вашингтон!

Но без виз от Москвы до Нью-Йорка
Узнают и враги и друзья
Львиный бас, глаз наметанный, зоркий —
Те, что спутать с другими нельзя.

Через головы всех дипломатов,
Всех правительств, угроз не боясь,
Ты шагнул, Маяковский, де-факто
Утвердив с миром завтрашним связь.

2

Слово правды! У нас на свободе,
На просторе сегодня оно.
Но есть земли, где правда не в моде,
Где ей воли еще не дано.

Если в речи пробьется горячей,
Доллар желтой кругляшкой-рукой
Зажимает ей рот... Правду прячут,
Правду мигом берут под конвой,

Заковав в кандалы, запирают
И расправой грозят: «Не кричи!»

Но где правда, там речь обретают
Даже стены тюрьмы — кирпичи.

В Бурсе¹ разве молчали те стены,
За какими тринадцать лет
От тебя добивались измены,
Плохо зная тебя, наш Хикмет!

В одиночке с решеткой стальной,
Где и в полдень едва брезжит свет,
Нашу русскую девушку Зою,
Как живую, ты видел, поэт.

Билось сердце, как пойманный сокол,—
И сжималось, сжималось кольцо,
Но явилось к тебе издалека
Вечно юное Зои лицо.

Ты сложил о ней добрую песню,
Ты назвал Зою младшей сестрой.
Как победы и радости вестник,
Песня шар облетела земной.

Взбудоражила Турцию песня,
Побывала в Софии и к нам
Из Парижа на Красную Пресню
Прилетела, как птица, она.

Миллионы ее подхватили,
Вновь увидел ты солнечный свет,
Неподдавшийся лжи и насилью,
Верный долгу и правде, поэт!

¹ Б у р с а — город в Турции.

И, приветствуя единоверца,
Крепко обнял тебя наш народ,
В чьем доме благородное сердце
Только верных друзей обретет...

Но, собакой побитою взвизгнув,
Из-за моря приказ получив,
Для поэта навеки отчизну
Захотели закрыть палачи.

О глупцы! Разве голос народа
Оторвешь от него хоть на миг?
Не осталась без песен свобода,
Не иссяк этих песен родник!

Тех, кто ложью пятнает поэта,
Кто гоненью подверг его дар,
Имена скроет мрак без просвета,
Черных дел их исчезнет кошмар.

А поэт не умрет в своих песнях;
Жизни нет только лжи с клеветой.
Правда вынесет казнь и воскреснет,
Вечно жить ей в ладу с красотой!

Песнь поэта — не воздух, не влага.
Песнь поэта — не хлеб, но она,
Точно так же, как в битве — отвага,
Как оружие, народу нужна!

Мир на станы расколот покамест,
И обязан бойцом быть поэт.
Здравствуй, друг! Вновь сегодня ты с нами,
Наш соратник, товарищ Хикмет!

Слово правды! Тебя ль не душили
 В казематах пеньковой петлей?
 Наша правда, в Панкраце не ты ли
 После казни осталась живой?

Жив наш Фучик! Разящее слово
 Засверкало подобно лучам.
 Против правды бессильны оковы,
 Револьвер и топор палача.

На листки, из каких сигарету
 Трудно было бы даже свернуть,
 Наносил он слова, а к рассвету
 Отправлялись слова эти в путь.

Через горы и реки, сквозь дали
 В Братиславу, в Афины, в Загреб
 В руки к верным друзьям долетали
 Строки, нужные людям, как хлеб.

Жив наш Юлиус Фучик! Он с нами —
 В каждом сердце нетленны вовек
 Те слова, за которые в пламя
 И под пули пойдет человек.

Книжка — словно пушок на ладони,
 Но читай, не смотри, что легка.
 Будто рану открытую тронет
 В чистом сердце любая строка.

Не ученый трактат, не поэма,
 Не роман под обложкою скрыт.
 Нет, слова ее, образы, тема —
 Каждый лист в ней — сухой динамит.

Прочитай и взглядишь — не ошибка?
На обложке не плаха с петлей,
А с простою открытой улыбкой
Фучик смотрит на нас, как живой.

Есть своя в этом правда большая:
Смех — оружие не хуже штыка.
Смех — не взрыв, а подчас оглушает,
В пору уши врагу затыкать.

Над входившими в раж палачами
Он смеялся, негнувшийся чех.
Жив наш Юлиус Фучик, и с нами
Молодой торжествующий смех.

4

В отдаленной от нас океаном
Благодатной чилийской стране
Есть поэт, о каком постоянно
Помню я, как о близкой родне.

В Чили знают поэта повсюду,
Чтит народ в нем певца своего.
Взял у чехов он имя Неруда
И еще раз прославил его.

Беглецом он себя называет,
Потому что пристанища нет
Тем, кто хищников там обличает.
А молчать разве может поэт?

Там такие, как он, вне закона.
Их изгнание ждет иль тюрьма.

Слово правды сметает препоны:
Их слова — это правда сама!

Как свободы и мира глашатай,
Ходит Пабло, и, где б он ни шел,
Принимают поэта, как брата,
Как родного сажают за стол.

Рудокопы, крестьяне, матросы,
Даже те, кто стихов не читал,
Пабло ждут, как в песках — водоноса
Те, кто с жаждой бороться устал.

Песнь его не богатым в усладу
Баркаролой ночью звучит.
Песнь Неруды пропитана ядом,
Отравляющим вас, богачи!

Как труба, призывает вперед,
Как набат, она будит отчизну,
Чтобы светлую даль коммунизма
Пред собою увидел народ.

Угнетенному, бедному люду,
Миллионам усталых сердец
Посвятил свою песню Неруда.
Будь же славен, поэт и борец!

5

Наша партия — гвардия правды,
Миллионы ведущий вожак!
К светлой цели направлен, оправдан,
Точно выверен каждый твой шаг.

Мудрый друг и суровый наставник,
Пред тобою открыты сердца.
Ты вела нас в сраженьях недавних,
Трудный путь мы прошли до конца.

Совесть, воля и ум миллионов,
Счастье — быть твоим верным бойцом.
Хлебороб станет завтра ученым,
Городов и заводов творцом;

Рудокоп превратится в поэта,
Повелителя пламенных слов,
Потому что тобою согреты
Миллионы сердец и умов.

Путь твой светлый вовек неизменен:
К миру, к счастью — и только вперед!
Этот путь указал тебе Ленин,
Чья бессмертная мысль нас ведет.

Тщетно пыжится тот, кто за доллар
И душонку б запродаст дельцам,
Надрывая в усердии горло,—
Вой шакала помеха ли нам?

Наша партия — родины гордость!
Разве можно тебя не любить? —
Как весна, излучаешь ты бодрость,
Не даешь сердцу вянуть и стыть.

Ты перо в мои пальцы вложила,
Указала мне место в строю,
Ты дала мне отвагу и силы,
Видеть цель научила в бою.

И не надо мне счастья иного —
Лишь бы была по цели строка,
Лишь бы пулею меткого слова
Наповал поражала врага.

Нет, еще не сумел я покамест,
Самому это ясно, как день,
Сделать то же своими строками,
Что во Франции сделала Дьен.

Стих мой верный, свободе ты отдан.
О, когда бы ты мог ей помочь
Так, как сделала это Раймонда,
Огнедышащей Франции дочь!

Бейся, сердце, чтоб смог написать я
Те слова, что, как воздух, нужны,
Чтобы стих прозвучал, как заклятье,
Стал стеной на дороге войны!

6

Если слышу я «Франция» ныне,
То уносится мысли поток
К невысокого роста мужчине,
Что носил имя Жан Ришар Блок.

В сорок первом на Волге, в Казани,
Повстречал я его. С виду стар,
Он смотрел молодыми глазами,
Излучавшими скрытый в нем жар.

Время было лихое, признаться,
Пламенел грозовой горизонт.

В Дом Печати я шел попрощаться
Перед самой отправкой на фронт.

В уголке типографской столовой
Он заканчивал скудный обед
И соседу сказал два-три слова:
«Молодежи-то, вижу я, нет...»

В зале были старик переплетчик,
Две старухи, седой метранпаж.
Был один забинтованный летчик
И знакомый газетчик чуваш...

Все увидел француз, все он понял:
Почему скуп паек и куда
Отправлялись бойцы в эшелоне,
Чтоб вернуться бог знает когда.

Гость соседок своих и соседей
Долгим, пристальным взглядом обвел,
И уверенность в нашей победе
На усталых он лицах прочел.

И в глазах у него потеплело.
Там, в глубинах внимательных глаз,
Рядом с грустью, с тоской застарелой
Будто искра надежды зажглась.

Свой «Французский вулкан» в те недели
Он, как позже узнал я, писал.
В рощах Франции залпы гремели,
Он же словом бойцам помогал.

Верный друг наш скончался — прочел я.
Сообщенье. Под ним — некролог.

Сердце, справься с тоскою и болью,—
Смерть бойца — лишь бессмертья пролог.

Пал боец, но живет наше дело.
Будет день, о каком он мечтал.
Это Франция первой запела
Гимн, что гимном трудящихся стал.

7

Верю в силу правдивого слова.
Знаю: слово разит, как свинец.
В прах повергнет и выпрямит снова
И зажжет миллионы сердец.

Оттого-то в трудах постоянных
Мозг и сердце — гудит голова;
Я ищу, я ищу неустанно
Драгоценные эти слова.

Отыскать бы такое мне, чтобы
Задрожали от страха враги —
Те, что раньше дрожали от злобы,
Издеваясь над негром Мак-ги.

Из Чувашии вольной хочу я
Крикнуть так, чтоб услышал весь свет:
«Вы! Убийцы! Казня и линчуя,
Знайτε: вам же держать и ответ!»

Грозной тенью огромного роста
Справедливый поднимется гнев...
Слышу бас твой могучий, Поль Робсон,
Узнаю твой широкий напев.

Пой, певец угнетенного люда,
Мира, счастья и правды боец!
Оловянноглазым иудам
Страх не зря ты внушаешь, певец.

Пой, чтоб кровь леденела в их жилах,
Чтоб в глазах у них плыли круги.
Пусть им видится всюду могила
И сожженное сердце Мак-ги.

Он не первый из тысяч невинных,
Истребленных ордой палачей.
Двое распятых в злобе звериной
Вечно в памяти живы моей.

На земле будет помнить их всякий —
Негр и русский, араб и чуваш.
Имена их — Ванцетти и Сакко —
На тебе, мой простой карандаш.

Напиши же, что мы не забыли
Их борьбы против варварских сил.
Ток, которым героев убили,
Сотням тысяч пути осветил.

Поднялись за свободу народов
Миллионы надежных солдат.
Крепче наши ряды год от года,
Путь яснее, уверенней взгляд.

Были промахи, были потери —
Мы упорно шагали вперед.
Только смелый выходит на берег,
Если в яростный шторм попадет.

Ничего, ничего не забыто.
Слово Гарсии Лорки живет...
Всех врагов своих явных и скрытых,
Распознав, обезвредит народ.

В Пиринеях иль в сопках Кореи,—
Где бы пламя ни взвилось опять,—
Мы, свободные люди, сумеем
Поджигателя за ворот взять.

Он из тех, кто у нас под Москвою
В сорок первом суровой зимой
Мучил русскую школьницу Зою
И стянул ее шею петлей.

Нет, не скрыться ему ни под маской,
Ни меняя при случае масть,—
Будь он в Руре, таись он в Небраске —
Выдаст волка звериная пасть.

Слово правды! Ты стало на страже
Мира, дружбы и счастья людей.
На устах у того, кто отважен,
Ты как стяг наших светлых идей.

Стих мой, гневом ты праведным вызван
И любовью, что гнева сильней.
Слава верным бойцам коммунизма,
Слава партии мудрой моей!

ДОМ В ГОРКАХ

I

Покрыты инеем деревья.
На кровлях — снега пелена.
Простая русская деревня —
Навек запомнилась она.
Весь шар земной,
Все страны света
Ее названье обошло.
Дыханьем Ленина согрета,
Она хранит его тепло.
Тут в наши дни крестьянин каждый
Расскажет с радостью тебе,
Как Ленин выступал однажды
В простой бревенчатой избе.
И мраморной доской отмечен
Навеки день счастливый тот.
— Наш Ленин жив,
Наш Ленин вечен!
Он — с нами! — говорит народ.

Мы съехались в Москву с Кавказа и Памира,
 С таежных быстрых рек, со всех концов страны.
 И потянуло нас, борцов за дело мира,
 К тому, чьей правдой мы сильны и сплочены.

Морозно. Сумерки. Уходит вдаль аллея,
 И ели, пышные под снегом января,
 В пахучей тишине теснятся, зеленея
 И о бессмертии великом говоря.

Обширный этот парк вовеки неизменен.
 И каждый уголок здесь полон Ильичем,
 Как будто и сейчас живой проходит Ленин
 И твоего плеча касается плечом.

Он летом приходил к зеленому пригорку,
 Садился на свою любимую скамью.
 На пахоту глядел Ильич и на уборку,
 И думу думал он заветную свою.

Лежала перед ним Советская Россия.
 Он видел: далеко, за синий край земли,
 По самый горизонт шли полосы косые.
 На ширь полей они заплатами легли.

Но Ленин занят был в ту пору не пейзажем.
 Он видел нищету разрозненных дворов
 И думал: «Если дать бы для начала, скажем,
 Крестьянской бедноте сто тысяч тракторов!»

Избу, где по ночам в светце лучина тлела,
 Мечтал он озарить негаснущим лучом.
 Его великий план мы претворяем в дело.
 Какой гигантский путь начертан Ильичем!

За три десятка лет, в короткий срок, недаром
Полкарты мира свой переменяло цвет.
Гореньем Ильича, его душевным жаром
Навеки шар земной пронизан и согрет.

3

Вон дуб, Москвы ровесник, перед нами.
Ильич о нем заботился. Дупло
Заполнено цементом; обручами
Скрепили ствол, чтоб дерево росло.

На перекрестке двух аллей нередко
С рабочими совхоза в городки
Играл Ильич, прицеливаясь метко.
Его броску дивились игроки.

Зимою, в куртке меховой короткой,
С ружьем в свободный час он уходил.
В аллеях парка легкою походкой
Он с маленьким племянником бродил.

4

Нескладного «Ролс-Ройса» кузов древний
Разглядываем долго в гараже.
У нас не только в городе — в деревне
Теперь таких не встретите уже!

О, если б мог своим орлиным оком
Хоть на мгновенье увидеть Ильич,
Как сходят нескончаемым потоком
С конвейеров «победа», «ЗИС», «москвич»,

Как движется в полях электротрактор,
На стройках — экскаватор-великан,
Как в наши дни стал жизненной правдой
Начертанный его рукою план!

А вот и лодка Ленина.

Подолгу

Он греб, и равномерный плеск воды
Ему напоминал, быть может, Волгу,
Прибрежные обрывы и сады.

Всплывал перед глазами город старый
С разноязычной, пестрою молвой.
В Симбирске жили русские, татары,
Ютились рядом чуваша с мордвой.

О многом говорило их соседство,
Глумление над ними, их нужда
Ему запали в душу с малолетства
И в памяти остались навсегда.

Питал он отвращенье к темной силе,
Что безраздельно властвовала тут.
Он возмущался тем, что пол-России
С презреньем «инородцами» зовут.

И «инородец» Яковлев¹ немало
Познал гонений на пути своем.
Зато в семье Ульяновых встречал он
Сердечный, теплый, дружеский прием.

¹ Иван Яковлевич Яковлев (1848—1930) — выдающийся просветитель чувашского народа, педагог, общественный деятель, создатель чувашского алфавита и письменности.

Нам телеграмма Ленина знакома.
О Яковлеве помнил он всегда.
Высоко оценил предсовнаркома
Полвека беззаветного труда.

...Тянулось жадно к свету наше племя,
Из тьмы бесправья выбиться спеша.
Ильич еще был юношей. В то время
Он обучал наукам чуваша¹.

Об этом память не умрет в народе.
Но ты не знал, учитель мудрый наш,
Что сына, в честь Ульянова Володи,
Решил назвать Владимиром чуваш.

На бой с неправдой выходил ты смело,
Всегда клеймил насилие и зло.
И ненависть к царизму в сердце зрела,
Стремление к свободе в нем росло.

В борьбе прошли года. Оковы рабства
Разбила нашей партии рука.
Ты всех народов равноправных братство
Провозгласил впервые на века.

5

При входе в дом нам душу озарило
Незримое присутствие вождя.
За эти деревянные перила
Держался он, по лестнице всходя.

¹ Будучи гимназистом последних классов, В. И. Ленин подготовил на аттестат зрелости чуваша Никифора Михайловича Охотникова.

Балков глядит в притихший парк.

Не здесь ли,

Шутя над предписаньями врача,
Сидел Ильич в плетеном белом кресле?
Вот перед нами кресло Ильича.

6

...Надежда Константиновна по дому
Проходит, неустанно хлопоча,
Заботливо читает вслух больному,
Оберегает отдых Ильича.

Ей детский дом прислал письмо из Вятки.
Как взрослые, в те памятные дни
О Ленине тревожатся ребята,
Хотят вождя порадовать они.

Проникнуто любовью беспредельной
Письмо.

И сквозь музейное стекло
Глядим на их подарок самодельный
И ощущаем детских рук тепло.

7

...Взглянешь — и картина оживает.
На столе синеют васильки.
Крепкий чай в стаканах остывает,
Вдаль поля уходят, широки.

Вся страна видна как на ладони —
До того прозрачен оком!

Это Ленин с Горьким на балконе
В летний день беседуют вдвоем.

Тот язык для мира драгоценен,
На котором Горький наш творил,
На котором сам великий Ленин
С трудовым народом говорил.

8

У его рабочего стола
Мы стоим в просторном кабинете.
Ленинская мысль исток брала
Здесь,
 пускаясь в путь по всей планете.

Здесь он диктовал свои статьи.
Комнату обводим долгим взглядом:
Книжка Джека Лондона,
 «Мои
Университеты» с нею рядом;
На стене обычный календарь
С чеховским портретом...
 Сердце сжалось:
Здесь на веки вечные осталось
Двадцать первое число, январь.

И, отмечен этой скорбной датой,
Пожелтел несорванный листок.
Но душе не свыкнуться с утратой...
Ленин!..

 Ленин умереть не мог!
Мир
 его великой правдой крепок.

В ней—вся наша сила и судьба.
...Зимней ночью этот белый слепок
Снял ваятель с выпуклого лба.
Скорбным нескончаемым потоком
Двинулся народ под свист пурги.
Проторили путь в снегу глубоком
Многომиллионные шаги.
Позабыв о стуже и метели,
В ночь глухую, не смыкая глаз,
Люди шли сюда.

Они хотели
На вождя взглянуть в последний раз.

9

И вот, качаясь, этот гроб тяжелый
У миллионов на плечах поплыл.
Его несли и города и села.
Весь шар земной охвачен скорбью был.

Повсюду смолкли голоса людские.
Лишь хор гудков, тревожно-величав,
Звучал над всей землей, над всей Россией,
Провозгласив бессмертье Ильича.

И партия великая клялась
Хранить святыню ленинских заветов,
И с нею клялся весь рабочий класс
Бережь свою Республику Советов.

10

Сейчас, народов равноправных дети,
Мы собрались в Москве, чтоб сообща

Вести борьбу за мир на всей планете.
А дело мира — дело Ильича!

Посланцы дружбы, мы слились в едином
Порыве —

братьев крепче не сплотишь!
С корейцем, русским, чувашом, румыном
Плечом к плечу стоят поляк, латыш.

11

...Здесь Ленина любимая аллея.
Пушистый снег на елях голубых.
Я видел их сестер у Мавзолея
Гранитного, у стен Кремля седых.

Могущество родной моей державы
Походит на незыблемый гранит.
И ель, как символ жизни величавый,
В себе приметы Родины хранит.

На свете равных нет моей отчизне!
Она — труда и мира бастион.
И каждую минуту нашей жизни
Мы — с Лениным и с нами вместе — он!

ПЕРВАЯ ОСЕНЬ

Был мальчонкой, знал я мало,
Но уж начал боронить.
В пору ту царя не стало,
Стал народ его бранить.

И солдаты в дни невзгоды
Возвращались иногда;
Говорили, что свобода
Вышла в путь, идет сюда.

Земляки, бывало, спросят
Тех служивых про царя.
А в ответ:— Давно бы сбросить,
Жил царек на свете зря!—

Только в сельской школе долго
Он висел над головой,
Раздражал нас царь Николка
С бороденкой моховой.

Как-то раньше всех, с рассветом,
В класс войдя вдесятером,
Встали мы перед портретом,
Перед свергнутым царем.

Наш отряд стрелял неплохо:
Кто картошкой, кто горохом
Зарядил тогда свое
Камышовое ружье.

Все мы выпалили сразу:
Стал портрет как решето.
Кривогубый, белоглазый,—
Не узнаешь ни за что!

Поп рассержен был, оставил
Без обеда кой-кого.
Класс притихший бога славил,
Но не выдал никого...

Шла пора весенней вспашки.
— Где земля? — У торгашей!
Жаркий спор дошел до наших
Чутких маленьких ушей.

— Долго ль ждать, глядеть нам робко?
Получил от русских встрепку
Сам помещик... Нам пора
Потрясти и хутора! —

Вышли в поле, шли по стежкам
Слухи, толки про судьбу;
На селе, стучась в окошко,
Заходили к нам в избу.

Помню, гору сухостоя
 Раз в ночном мы подожгли;
 Пламя яркое, густое
 За беседой берегли.

Свет костра, туман весенний,
 Разговор, ночная тишь...
 Не уснешь под воскресенье,—
 И на зорьке власть поспишь!

Ест глаза дымище горький.
 Мы печем картошку здесь.
 Сказки здесь и поговорки,
 Здесь и правда вся, как есть.

Угли таяли в золе.
 Спор о жизни, о земле
 Языки нам развязал.
 Тут один старик сказал:

— Смутно, словно в черном поле..
 В табуне без пастуха
 Будет ли порядок? Ой ли! —
 Стала ночь совсем тиха.

— Будет! — коротко ответил
 Сендер, питерский матрос,
 Тот, который вести эти
 Землякам весной привез.

— Кто ж везде расставит вешки? —
 Продолжал старик в сомненье.

Прикурив от головешки,
Сендер тихо молвил: — Ленин.

*

Прозвучало слово эхом —
«Ленин!», в душу нам вошло.
Сендер в Питер вновь уехал,
Вновь чего-то ждет село.

Хлеб убрали. В поле голом
На ветру шуршит жнивье.
Время птицам невеселым
Покидать жильё свое.

Стынет небо над равниной.
Видим, стоя на траве,
Треугольник журавлиный
В потускневшей синеве.

...Смолкли птицы. Стынут росы.
Осень поздняя темна.
Слово Сендера-матроса
Светит в памяти, со дна.

Ленин... Кто он? Мы не знаем.
На печи, среди горшков,
Смирно мы сидим, внимая
Разговорам стариков.

«Заступаться надо всюду
За трудящийся народ,
Подсобить простому люду
Уберечься от невзгод!»

Кто он, Ленин? Спор неясен.
— Может, он как Стенька Разин?
— Может быть, заступник новый
Всем похож на Пугачева?
— Он хотел и к нам прийти,
Да задержан на пути...—

День и ночь шумит селенье:
— Говорят, приехал Ленин!
— Говорят, он из Симбирска!
— Ну, до нас оттуда близко!
— Не чуваш ли он?— Наверяд!
— «Русский» люди говорят.

Мы на печке закопченной
Рады слушать стариков:
— Говорят, что он ученый,
Знает много языков.
— Ну, тогда и нас поймет!
Ждет защиты весь народ.

*

Нет уж царского портрета,
Затерялась рама где-то.
Только поп все ходит в класс,
Так же в церковь тащит нас,
Поминает царский род,
Милость господа зовет.

В перемену, в коридоре,
Где стояла пыль столбом,
Я услышал, как поспорил
Наш учитель с тем попом.

— Школа... церковь... труд... свобода...—
Говорил учитель наш.
Отвечал глава прихода:
— Не мелите! Это — блажь!

Дом помазанников божьих
Правил триста лет подряд.
Что Керенский бриторожий?
Узурпатор, власти рад!—

Узурпатор? Что за «патор»?
Что за слово? Не пойдем...
А учитель глуховато
Продолжает о своем:

— Вы, отец Маркел, учтите,
Что Россия — не раба!
Изменился ход событий,
Обновляется судьба!—

Тут звонок неожиданно строго
В медь ударил язычком...
На урок иль в путь-дорогу
Звал он ясным голоском?..

*

На закате рушить просо
Мы поехали с отцом...
Тарахтят, спешат колеса,
Говорят о том, о сем.
За верстой бежит верста,—
Все знакомые места.

Вон татарская деревня
Под горой легла, темна.
Вон белеет камень древний,
А на камне — письмена.
Только буквы вековые
Не по-нашему кривые.

К письмам припал татарин.
Снял отец мой шапку: — Тпру!
Подержи-ка вожжи, парень!
Кто тут? Я не разберу...
Ты ли это, Нурулла?
— Я! — Чего ты ищешь здесь?
— Друг, пойми! Сказал мулла,—
Стала выше наша честь!
Нашей быть Казани, друг!
Видишь камни ты вокруг?
Быть им новою межой!
И не тронет плуг чужой
Все окрестные поля,—
Здесь татарская земля!
Так на сходке нашей смело
Заявил мулла-мудрец...

— Что тебе с Казанью делать?—
Говорит, смеясь, отец.—
Из деревни никуда
Мы не ездим никогда.
Город нам — что есть, что нет.
Закури-ка, на кисет!

— Вот крещеный! Вот чуваш!
Чай, татар-то полон свет!

Славный древний город наш
Та Казань! Слышал, сосед?

— Ладно, ты читай-ка, слышь,—
Вожжи взял отец:— Нам в путь.
Как взлетишь превыше крыш,
Так соседа не забудь!

*

Волость. Дрожь прошла по коже.
Вон страшилище — кантур¹,
Вот кабак, — зайди, прохожий!
Вон базар, криклив и хмур.
Дома каменных два-три,
Вон и церковь,— посмотри!

В небе — галки, слышен гомон,
Вьются возле колокольни.
Вон с базара наш знакомый
Едет: — К ведру, видно, клонит! —

Шапку снял отец: — Должно быть! —
Придержал коня: — Постой!—
Подвязал к телеге обод
Колеса: — Тут спуск крутой!—

Мсринка, что ржет тревожно,
Под уздцы берет отец.
Шагом, тихо, осторожно
Мы спустились наконец.

¹ К а н т у р — контора, обобщенно-волостное начальство в старое время.

Видим: возле двух ворот
Собирается народ.

На забор гляжу я с воза,
Всех телег не перечеть.
Здесь направо рушат просо,
А налево чешут шерсть.
— Ишь, раздался-то Курзай! —
Говорит отец: — Слезай! —

На помолке с давних пор
Красит скуку разговор.
Тут вошел один нездешний
Человек, на нем костюм;
Приподнял картуз небрежно,
И замолк привычный шум.

Человек протер очки,
Скрыл за стеклами зрачки.
— Помолоть?— спросил у дедки.
Тот ему ответил:— Да!
Все мышинные объедки
Шелушим теперь... Беда!

— А... быть может, здесь и есть
Крупорушка? Слышу стук...
— Да, — сказал хозяин,— здесь
У меня обдирка, друг!—

Дед глядит: — Сам чей? Откуда? —
— Я-то? Я из Гор Великих.
— Ну, земляк, присядь покуда,
Я из Малых Кочек Диких.—

Тут народ захохотал,
Жернов перегрохотал.

Говорит очкастый деду:
— Ты ведь сказочник, шутник!—
Дед свое: — На сказке еду!
Сказка — мой живой родник!
Сказка лучше всякой были,—
Хлебом белым не корми...—

Остряка остановили:
— Тише ты! Уймись, пойми...—

Стукал жернов часто-часто.
Помолчав, сказал очкастый:

— Братцы! Черный вы народ!
Нет у нас рабов, господ.
Жить вам только с чувашами,
Все мы — близкая родня.
Говорят, что лес с ушами,
Так послушайте меня.

Собираются в кулак
Всюду наши чувашаи;
Говорят и о делах
И о пище для души;
О небесном, о земном
И о племени родном.

Я недавно побывал
В городах шести-семи;
По-чувашски толковал
С именитыми людьми.

И в Симбирске и в Казани
Чуваши единокрушны.
Поднимайтесь, братцы, дружно,
Скоро солнце к нам заглянет!

Жизнь счастливая предвидится.
Нужно, люди, не зевать!
За Керенского правительство
Надо всем голосовать!

— А с землей-то как?— Заранее
Все обсудим, не спеша.
Наше — в Питере — Собрание
Не забудет чуваша.

Сбудутся твои мечты,
Черный люд, народ простой!—
Вдруг поднялся кто-то: — Ты
Говоришь красно! Постой!—

На очкастого взглянул,
Словно душу пронизал.
Приумолк нестройный гул,
Человек тогда сказал:

— Все, по-вашему, родня —
Кто с конем, кто без коня:
И хозяин Ухливан
И батрак его Риван!
Но какой же черный люд
Те, кто грабят нас и жгут,
Те, кто черного труда
Не знавали никогда?
Черный уголь я, шахтер,
Добываю с давних пор.
Черен труд наш, но поможет
Беднякам рабочий класс!
Вы не верьте тем прохожим,
Кто по шерсти гладят вас:

Скользко с гладкими идти,
Упадете на пути!

— Ну, а как насчет земли?—

— Землю всю бери, дели,
Обрабатывай, паши,
Не пугайся, поспеши!

— Сев закончен... О весне
Призадумалось село...

— Ну, в апреле, брат, светло
Станет всем, тебе и мне!

— Кто же прав тут?— Шум, волнение.

— Где же правда? — Крики, спор.

— Правда? Наша правда — Ленин!—
Уходя, сказал шахтер.

*

Приделалась озимь в иней.

Стало голодно скотине.

В поле — холод, в небе — тучи,

Мокнут ветхие онучи.

Полям я иду, бреду,

Нашей телки не найду.

Спотыкаюсь я устало,

Не могу бежать бегом.

Стадо озимь в грязь втоптало,

Кочки жесткие кругом.

Все же скот не на дворах,—

На пустых полях ревет.

— Ох! — грустит бедняк впотьмах, —
У зимы большой живот!—

Маленький, с обидой новой,
Тихо я иду шажком.
На меже лежат коровы,
Пахнут сладким молоком.

А вздохнет одна-другая
После жвачки глубоко,—
Словно вся земля вздыхает,
Вздохи слышно далеко.

Межи в поле проложили,
Знать, на много лет. Тоска!
Лишь бурьяна сухожилье
Да полынь, что так горька.

Толковали на селе
Без конца о той земле,
Что крепитам-хуторянам,
По словам, навечно дали:
Хутора в округе встали,
На земле взошли бурьяном.

Много лет крепитов глотки
Заглушали всех на сходке;
Хуторян бранило зло,
Ненавидело село.

«Шею нашу оседлали,
Словно черная оса.
Для чего им землю дали?»—
Раздавались голоса.

У крепитов — клетки с рожью,
Сенокос им дан богатый.
Где участок огорожен,
Где нарочно нет ограды.
А зайдет на луг корова —
Ты клянешь крепита снова;
У него — земля и право:
— Рубль отдай мне за поправу!—

И ревет голодный скот
Возле запертых ворот;
Не увидишь молока,—
Молоко у кулака.
Сапожищами скрипит,
Ухмыляется крепит:
— Не доил корову я,—
Молоко сосет змея!—

Скот, в поправе неповинный,
Он запрет; мычит скотина.
По копейке рубль собрав,
Кулаку несешь ты штраф.
Не собрал—так спину гни:
Рожь в страду ему ты жни.

...День погас. Брожу я долго,
Все ищу я нашу телку;
Приустали лапоточки,
Спотыкаются о кочки.

Девочку я встретил:— Педер!
Ведь загнали вашу телку!—
С ног меня сбивает ветер.
— Правда?— Я смотрела в щелку!
Телка плачет и худеет
Во дворе у Ургандея;

Перед ней гнилой соломы
Даже нет, не то что дѣма!
«Рубль» сказал шайтан-крепит;
Там и наш бычок хрипит.—

Говорит девчушка смело,
От обиды раскраснелась:
— Ты пойдѣ-ка погляди!—
У меня огонь в груди.

Мы с ровесницей вдвоем
На участок тот идем.
Близок хутор кулака,
Вон — его поля, луга.

Пусть вовек твоя гнедая
В этот край не забредает!
Если в поисках гнедой
Сам зайдешь сюда с уздой, —
Не встречайся с Ургандеем —
Скопидомом, лиходеем!

Он, хозяин, на беду
Вывет у тебя узду;
В три погибели согнет,
По седалищу хлестнет.

Волкодав мохнатый рос
Возле дома на цепи.
Страшно лаял этот пес:
— Ургандей! Гляди! Не спи!—

С цепи пса крепит спускал
В темноте часов с восьми;
Каждый звук его пугал.
— Агырьян!— кричит,— возьми!—

Худошавая Евлень
Через кочки прыг да прыг:
Ей болтать со мной не лень,
Мы шагаем напрямик.

В гору влезли мы с трудом;
На подъеме вырос дом.
Смотрим в щели у ворот,
И обоих дрожь берет.

Агырьян взметнулся чертом,
Разорвать готов бродяг.
Распахнул калитку гордо
Сам хозяин, словно дяк.

«Рубль!» — сказал мне Ургандей.
Чуть на телку я взглянул,
Вдруг услышал:— Караул!
Грабят добрых здесь людей!
Помогите!..— Захлестнуло
Ветром голос. Жуть, тоска...
Человек пять-шесть свернуло
В это время с большака.

Смотрим — наши. В самом деле!
Впереди — солдат в шинели.
Почему-то рады все,
Встали в ряд на полосе.

А кричала дико женка
Ургандея.— Погоди!
Что трясешься, воешь громко?
Все тут наши, погляди!

— Собирала я сучочки,
Собрала — да ко двору.
Вишь, народу сколько к ночи
Набежало, не к добру!

*

Да, большак наш — тракт широкий;
Разным людям путь открыт,
Все случается в дороге...
Вот солдат и говорит:

— Ты ль Степанка Ургандей?—
— Так зовусь. А что?— Злодей,
Мор народный, сельский чирей!
Вот кто жить мешал другим!
Распахни ворота шире;
Выходи, поговорим!

— Что ты, добрый человек?
Кто ты есть? Каков твой чин?
— Чин мне дан теперь навек,—
Я свободный гражданин!
Знаю я не понаслышке —
Издан в Питере закон,
Говорит нам ясно он:
«Надо землю,— все излишки,
Что достались кулакам,
Разделить по едокам,
Все вернуть, отдать народу!»

— Не слыхал про это сроду!
Что за лишняя земля?
У меня — свои поля!
Ты напраслину сказал.
Кто закон тот подписал?

— Ленин подписал закон,
Беднякам защита он.
Что над озимью дрожать?
Не тебе придется жать.
Скот чужой не смей держать,
Выпускай его сейчас!—

Ургандей глядит на нас;
Жметя, словно волк в капкане,
Весь от злобы почернев.
— Ну, спасибо вам, сельчане!
Открывай, старуха, хлев!—
Прохрипел крепит, замолк,
И— метнулся к лесу волк.

С большака свернув к проселку,
Мы уходим от дождя.
Впереди — бычок да телка,
Позади — Евлень да я...

День ли, два прошло, глядим,—
Почта к школе подъезжает.
Письма! Рады люди им.
Собралась толпа большая.
Письма шли издалека,
От служивых, из полка.

Подошел отец солдата,
Палочкой кафтан застегнут:
— Нет ли мне вестей? Когда-то
Наш писал... Старуха сохнет...—

Мать солдатская прикрыла
Рот платком, стоит одна.
Нет письма сегодня хилой,
Всем ее печаль видна.

У солдаток платья-крылья
Замелькали там и тут;
Женки уши наострили,
С нетерпением писем ждут.

А иная за возами
Так порой сверкнет глазами,
Словно вымолвит слова:
— Я сама себе глава!—

Ждут в народе: что-то будет,
Долго ль вдовам слезы лить?
Кое-кто в толпе пошутит,—
Лишь бы баб развеселить.

А вот этой не до смеха;
Чуть прочла письмо она
От чужого человека —
Пошатнулася, бледна.

Как ударит в небо голос,
Женский плач: — Убит, убит!..—
Это наша вдовья волость
Надрывается, скорбит.

«За кого, за что, мой сокол,
В поле голову сложил?..»
Кто притих, а кто заохал,
Кто-то женке удружил:
— Твой солдат погиб не зря,
А за бога, за царя! —

Это всех пронзило болью.
Снова слезы, вопли, всхлипы.
Словно кто то серой солью
Рану свежую присыпал.

Подошел тут незаметно
То ль прохожий, то ль сосед;
На его папахе — лента;
Ярко вспыхнул красный цвет.

Ничего не позабыто!
Вспомнил сразу я один,
Как пугнул впотьмах крепита
Он, свободный гражданин.

Он сказал: — Слезами горю
Не поможешь все равно.
Но дождемся мира вскоре;
Ждали все его давно,
Дело это решено.
Мир — земли родной спасенье,
Есть уже о нем закон!
— Кто издал закон-то?— Он,
Первый наш заступник, Ленин!—

*

Вспоминаю осень эту,
Что всегда в душе со мной.
Осень эта шла по свету,
Шла зеленою весной.

1955

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

(Биографическая справка)

Народный поэт Чувашии Педер Хузангай родился в 1907 году в селе Сиктерме Алькеевского района Татарской АССР в бедной крестьянской семье. В 1923 году он окончил сельскую школу, затем учился в чувашском педагогическом техникуме, позже — в Восточном педагогическом институте в Казани. В 1930—1934 годах П. Хузангай работал выездным корреспондентом центральной чувашской газеты «Коммунар».

Первые стихи П. Хузангая опубликованы в 1924 году. С тех пор вышло более двадцати книг его стихов, поэм, переводов. П. Хузангай переводил на чувашский язык произведения Пушкина, Грибоедова, Шекспира, Маяковского и других классиков и современных поэтов.

Стихи П. Хузангая переведены на русский язык и на многие языки народов СССР. На русском языке вышли книги: «Дружба» (1950, Чувашгосиздат, Чебоксары), «Поют дубравы» (1953, Советский писатель, Москва), «Дом в Горках» (1955, Советский писатель, Москва), «Чувашская весна» — коллективный сборник (1950, Гослитиздат, Москва).

Хузангай — член КПСС с 1943 года. За участие в Великой Отечественной войне сначала рядовым солдатом, а затем — политработником и журналистом поэт награжден орденом «Красной Звезды» и медалями.

Хузангай является депутатом Верховного Совета Чувашской АССР, членом президиума Чувашского Комитета сторонников мира. В 1957 году в связи с пятидесятилетием со дня рождения поэт награжден орденом Трудового Красного Знамени.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Я ЖИВУ В РОССИИ

Я живу в России. Перевел М. Рудерман . . .	5
Век. Перевел автор	7
Татарским поэтам. Перевел автор	9
Письмо-песня. Перевел автор	11
Баку. Перевел В. Гришаев	13
Разговор с чистильщиком сапог Мамедом Абасом. Перевел В. Гришаев	15
Сарфирош. Перевел В. Гришаев	19
Сброшенное покрывало. Перевели А. Кленов и Л. Кондырев	21
Белая ночь. Перевел Н. Криванчиков	24
Михаил Сеспель. Перевел автор	27
Женщине*	30
«Звезды падают беззвучно...» Перевел автор	32
Раковина (Из «Латвийских стихов») Перевела В. Потапова	34
Поль Робсон. Перевел автор	36
У Мавзолея. Перевел М. Светлов	37
Здравствуй, солнце! Перевел А. Казаков	39
Бакен. Перевела В. Потапова	40
Глаз Волги. Перевела В. Потапова	41
Незабываемая встреча. Перевел П. Железнов	42
Родной язык. Перевел автор	45

* Отсутствие фамилии переводчика указывает, что стихотворение написано по-русски.

Меж великих морей. Перевел П. Железнов . . .	46
Майский привет. Перевел автор	48
Родному Татарстану. Перевел автор	50
Никосу Белояннису и его друзьям. Перевел С. Олендер	53
Слово о близком будущем. Перевел автор . . .	55
Артистке. Перевел автор	59
Памятная песня. Перевел автор	61
Тезаврус лингве чувашорум. Перевел автор . .	63
Дуб над Волгой. Перевел автор	64
Правды нашей свет	65
Иакинф Бичурин. Перевел автор	67
«Поэзия — радость...» Перевел М. Шехтер . . .	70
Человек доброй воли, вставай на борьбу! Пере- вел Н. Криванчиков	72
Двадцать шестое марта. Перевел М. Шехтер . .	74
Весеннее. Перевел автор	76
Я — народ. Перевел автор	79

СИКТЕРМЕ

Род. Перевел А. Казаков	83
Семь ялов. Перевел А. Казаков	85
Сиктерме. Перевел А. Казаков	87
Питтабаев лужок. Перевел А. Казаков	90
Инча. Перевел А. Казаков	95
От зари до зари. Перевел автор	98
Учительница. Перевел М. Светлов	108
В поле. Перевел А. Казаков	112
Кот. Перевел А. Казаков	114
Метель. Перевел А. Казаков	115
Дым. Перевел А. Казаков	118
Мужская пляска. Перевел автор	120
Банная песенка. Перевел А. Казаков	121
У проруби. Перевел А. Казаков	122
Вечная история. Перевел автор	123
Девушка. Перевел П. Градов	124
Песенка девушки. Перевел А. Казаков	126
Тридцать первая весна. Перевел П. Дружинин .	127
Прощание. Перевел А. Казаков	131
Летний вечер. Перевел М. Рудерман	133

Четыре березы. <i>Перевел Н. Криванчиков</i> . . .	136
Возвращение.	138
«Смотрю я вновь на землю, где родился...» <i>Перевел Ф. Фоломин</i>	141

ЗЕМЛЯКИ

Эльдиван. <i>Перевел автор</i>	148
Угиме. <i>Перевел М. Шехтер</i>	158
Уняхви. <i>Перевел М. Шехтер</i>	162
Сандор-шапокверт. <i>Перевел автор</i>	166
Последний. <i>Перевел Б. Ирнин</i>	171

СУРОВЫЕ ГОДЫ

Неприступный Ленинград. <i>Перевел автор</i> . . .	185
«Навстречу падающим звездам...»	187
Ермак	189
Журавли	192
Саламби. <i>Перевела О. Высотская</i>	194
Клятва Волге	198
Смерть рядового	200
Алый шарф	201
Ганна	203
Новогоднее	205
«Равниной ровенской зеленой...»	207
Здравствуй, наш Первомай!	208
Павло Тычине. <i>Перевел автор</i>	209
Песнь о победе. <i>Перевел автор</i>	210
Николаю Тихонову. <i>Перевел автор</i>	222

ПОЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ

«Может, месяц, может, больше...» <i>Перевел М. Светлов</i>	224
Адам Мицкевич. <i>Перевел автор</i>	226
Нужда	227
Привал	228
Освободитель	229
«Грезит ночь...»	230
«Польский месяц! Впервые заметил...»	232

ПИСЬМА ИЗ ГОСПИТАЛЯ

«За окном палаты...»	233
«О, как красноречива ты...»	234
«Под внезапным налетом дождя...»	235
«Обетов никаких...»	236
«Пускай при встрече буду сдержан...»	237
«Дожди, дожди...»	238
«Твой портрет всегда, везде со мной...»	239
«Я прислушался к птичьему гомону...»	240
«Кипарисы в снегу...»	241
«Госпитальный Харитоша...»	242
«Письма с севера напомнили...»	243
«Война вошла мне в кровь и плоть...»	245
«О нас еще не сложена былина...»	246

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

«В звезду судьбы давно не веря...» <i>Перевел</i> <i>М. Шехтер</i>	249
«Гола осина...» <i>Перевел А. Казаков</i>	250
«Ветер, ветер... Мочи нет!..» <i>Перевел автор</i>	251
«Идет иль нет?...» <i>Перевел автор</i>	253
Две колыбельные. <i>Перевел автор</i>	255
Два портрета. <i>Перевел М. Шехтер</i>	257
«Прислонилась...»	258
Серенада. <i>Перевел автор</i>	259
Киевским каштанам. <i>Перевел автор</i>	260
«В нелегкой жизни я немало...» <i>Перевел</i> <i>М. Шехтер</i>	261
В семейный альбом	262
«Не отдавая предпочтенья...» <i>Перевел М. Шехтер</i>	263
«У гроба друга молча я стоял...» <i>Перевел А. Казаков</i>	264
Кони. <i>Перевел Ю. Левитанский</i>	265
«Давно я с этим городом знаком...» <i>Перевел</i> <i>А. Казаков</i>	269
По-прежнему на дне души...» <i>Перевел автор</i>	271
Полвека. <i>Перевел А. Казаков</i>	272

ПОЭМЫ

Теплемес в яблонях. Перевел Ф. Фоломин	277
Летние сутки. Перевел А. Казаков	291
Сила слова. Перевел А. Казаков	327
Дом в Горках. Перевела В. Потапова	340
Первая осень. Перевел Ф. Фоломин	349
Педер Хузангай. (Биографическая справка)	369

Педер Хузангай

ИЗБРАННОЕ

Редактор Т. Калякина
Художественный редактор Г. Кудрявцев
Технический редактор В. Овсеенко
Корректор Г. Фальк

*

Сдано в набор 27/XII-1957 г.
Подписано в печать II/IV-1958 г. А02974.
Бумага 70×92¹/₃₂—11,75 печ. л.=13,75 усл. печ. л.
11.13. уч. изд. л.+1 вклейка=11,16 л. Тираж
10 000 экз. Заказ № 3360. Цена 5 р. 60 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Минск, Красная, 23. Полиграфкомбинат
им. Якуба Коласа.

25.8

Up GUR